

Костёр

12
ДЕКАБРЬ

1971

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Почему она
„Пионерская“?

1

Фронтовые будни
„Зен“

24

Про Девочку,
Которая Больше
Никогда Не Будет
Опаздывать

32

Штангисты—упрямый
народ

55

Делай как мы, делай
лучше нас!

61

ПЕРЕКРЕСТОК

В. Бианки

Я не знаю, как с вами, а со мной иногда бывает вот такое. Я хочу рассказать какую-нибудь историю и не сразу решаю, с чего начать. Хочу рассказать, например, про то, как мы заблудились в походе, а потом, еще не успев произнести первую фразу, соображаю, что нужно бы сначала перечислить всех, кто был с нами. И кто какие грибы нашел... И как из чащи выскочил лось и все от неожиданности испугались.

Вот и сейчас, когда я сажусь писать этот очерк, мысли мои обгоняют друг друга. О чем рассказать сначала — о гребцах или японском пароходе «Иомей Мару»? О ракете «з-зз-ззз» или о ящиках с патронами? О буденновце в черной папахе или об архитекторах?

Нет, пожалуй, сначала — про гребцов.

Про гребцов

Наверное, многие читатели «Костра» интересуются историей своих городов и сел. И, видимо, многие замечали, что некоторые улицы имеют какие-то особенные, «профессиональные» названия.

Возьмем Ленинград. Вот улица (ее часто называют «линейей») Кожевенная. Вот Пушкарская. Вот Весельная. Таких названий очень много. Откуда они? Очень просто. Когда-то, в старину, здесь жили люди, связанные общим ремеслом, — кожевники, пушкарки или те, кто ладил корабельную снасть.

Между прочими такими «ремесленными» улицами была у нас улица под названием Большая Гребецкая. От этого названия пахнет морскими брызгами, и неудивительно. Город наш стоит на сотне островов; без лодки, шхуны или ялика тут испокон веку было трудно обойтись, а значит, для гребца всегда отыскивалась работа.

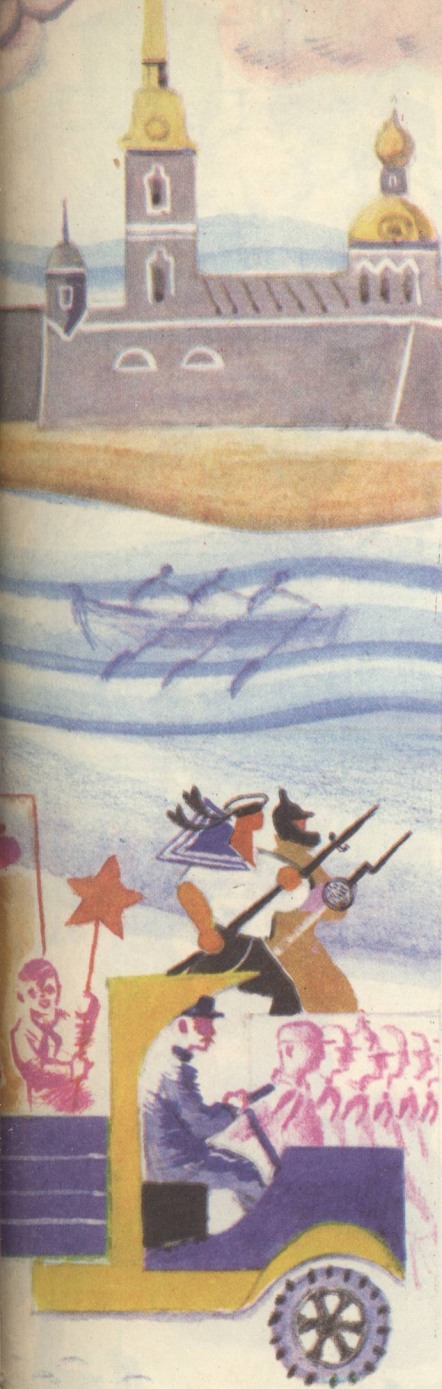
Улица Гребецкая, о которой идет речь, находится на Петроградской стороне. Это старейший район Ленинграда. Одним концом она упирается в старинные дома Большой Пушкарской, а другим — в непарадную, покрытую мелким песочком набережную адмирала Лазарева. Историк, конечно, меня остановит и будет прав. Ведь в Ленинграде нет Большой Гребецкой. Большая Пушкарская есть, набережная Лазарева есть, а Большая Гребецкая на современных картах и планах не значится. Переименована!

Вы спросите: а как она теперь называется? Подождите немножко, сначала я расскажу вам о японском пароходе.

Пароход „Иомей Мару“

Это было в 1918 году. Вскоре после Октября. Красному Петрограду приходилось очень нелегко. Замерли фабрики и заводы. Тысячи рабочих ушли защищать завоевания революции. Всем жителям было тяжело, а особенно трудно приходилось детям. И красный Питер старался, как мог, помочь им, но часто невозможно было помочь. Город люто голодал и холодал.

Вот почему случилось так, что тысяча петроградских ребят была отправлена в глубь страны, где жилось полегче. Поехали

ребята самых разных возрастов — и маленькие, и подростки. «Подкормятся в Сибири, — решили взрослые, — наберутся силенок, а тогда возвратятся домой».

Гражданская война еще не кончилась. Дети Петрограда оказались в тылу у Колчака. А вскоре их подобрала некая американская организация, которая называлась «Красный Крест». Этот «Красный Крест» под предлогом «помощи голодающим русским» нередко вмешивался тогда во внутренние дела России.

Все дальше и дальше увлекали за собой события юных петерцев. Дети пересекли всю страну с запада на восток, пока не оказались у самой бухты Золотой Рог. И вот уже дымит у причала неказистый японский корабль, и на борту его выведено: «Иомей Мару».

Есть старая, ставшая редкостью книжка, в которой рассказано об этом путешествии, о том, как детей красного Петрограда увезли морем в Америку, сначала в Сан-Франциско, потом в Нью-Йорк, а после еще дальше — во Францию. И сейчас живут и здравствуют в Ленинграде несколько участников этого трагического и замечательного путешествия, длившегося целых три года. Трагическое оно потому, что империалисты хотели оторвать детей от их Советской Родины, от близких. Но и замечательной эту одиссею можно назвать по праву. Ребята наши с честью пронесли через все невзгоды звание юных граждан страны Советов. Еще под Владивостоком, в колонии, где их пытались вовлечь в детскую буржуазную организацию скаутов, они «забузили» и не позволили это сделать. Они стали называть себя красными разведчиками. И в Сан-Франциско, и в Нью-Йорке ребята твердо заявляли: «Нет, мы не останемся на чужой земле! Мы хотим домой, на родину!»

Американские пролетарии встали на защиту русских мальчишек и девчонок. За своих детей заступилась Советская страна. И закончился, наконец, этот нелегкий путь!

Есть в этой истории очень важный для нас результат. Некоторые из тех подростков, кто плыл на японском корабле и боролся за право быть советским гражданином, сыграли немалую роль в становлении первых пионерских отрядов Петрограда. Они стали вожатыми, хотя большинству из них было совсем немного лет: пятнадцать-шестнадцать. И ничего удивительного: ведь люди мужают в борьбе.

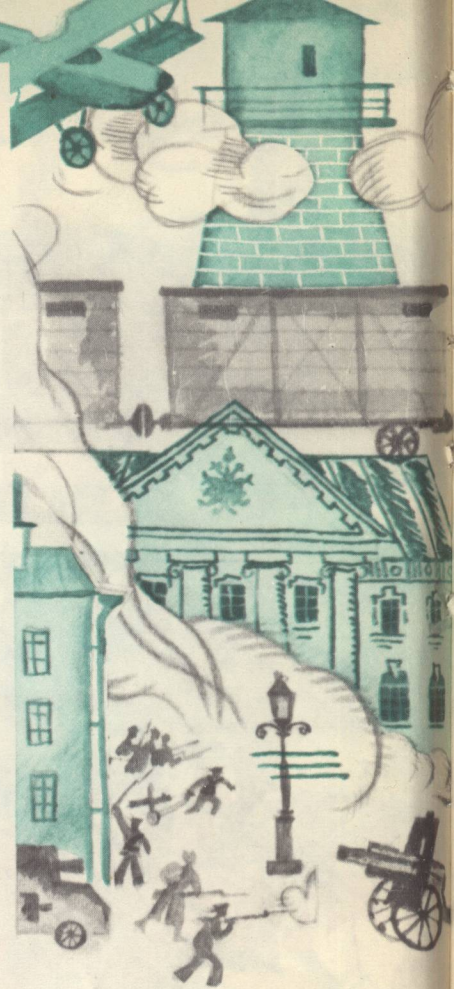
Про ракету „з-зз-ззз“

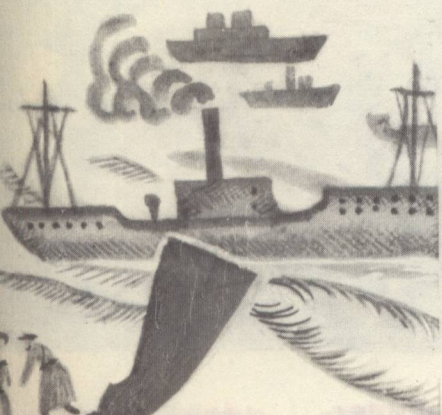
«В коллективе проводится запись в отряд пионеров. Записываются ребята от 10 до 14 лет.

Бюро РКСМ»

Это объявление вывесил у проходных ворот фабрики «Красное знамя» вожатый Юра Дитрих. Он был одним из первых пионерских запевал и организаторов. На работу с пионерами его направил Петроградский райком комсомола. Это было в 1922 году.

А сейчас я хочу дать слово пионерам тех лет. Но прежде несколько слов, как говорили раньше, — «в сторону». Мне кажется, что не все люди стареют одинаково. Некоторые, по моему, стареют только внешне, а на самом деле в глубине души остаются детьми. Со мной многие не соглашаются. Но вы послушайте, как рассказывают о своем первом пионерском отряде ветераны, которым за шестьдесят. Дело было нынешним летом в редакции газеты «Ленинские искры», где они собрались, чтобы побеседовать за круглым столом. Вспоминали:

...Как откроется дверь в коридор, так оттуда крик, шум. Уже человек семьдесят ребят собралось.

— Слушайте, ребята, — сказал Юра Дитрих. — Будем на своих сборах беседы проводить, в интересные игры играть, маршировать под барабан, песни петь. Пойдем смотреть, как работают ваши матери, отцы. Помогать им станем. Чуть потеплеет — в лес, в поле, чтобы здоровее быть. А сейчас давайте пустим ракету! Выходите на улицу да стройтесь в одну линию.

Зашумели мы все, заговорили. Вышли и построились в одну линию.

Вот оттуда, от больших, ты побежишь к маленьким, добежишь до конца — подними руку. А вы, ребята, когда он бежать будет и вас рукой коснется, говорите: «З-зз-ззз», а как увидите, что он руку поднял, кричите: «Бум, пионер!» Понятно? Начинай!

Побежал паренек... «З-зз-ззз», — зажужжали ребята, а потом как крикнут: «Бум, пионер!»

Здорово вышло. Понравилось.

— Собираться в четверг, в клубе. А теперь расходитесь! — скомандовал вожатый.

Ну-ка, кто-нибудь из тех, кто сейчас в шестом или седьмом классе, — расскажете вы так живо да во всех подробностях о своем первом пионерском сборе? Наверное, не каждый все упомянет, хотя прошло с того времени не пятьдесят лет, а во много раз меньше!

А они — Ксения Станиславовна Гладышева (сестра Юры Дитриха), Ольга Павловна Михеева, Кронид Георгиевич Сухов и многие другие рассказывали еще долго. И до мелких подробностей запомнили ветераны, навсегда оставшиеся лихими пионерами, все дела, которыми занимался их отряд.

Теперь нужно пояснить вот что. Фабрика «Красное знамя» стояла на Большой Гребецкой улице. Она и сейчас там стоит, занимает целый большущий квартал. Только теперь эта улица называется по-другому. Она теперь Пионерская. Но, между прочим, не все взрослые и не все ребята, даже те, кто живет на Петроградской стороне, знают, почему так названа эта прямая и очень длинная магистраль, летящая как стрела от Большой Пушкарской до набережной адмирала Лазарева, покрытой тонким песком и поросшей чахлой травкой.

Конечно, стыдно не знать истории своей родной улицы, а в особенности такой славной, как та, о которой вы только что узнали. Первый пионерский отряд города Ленина! Это не шутка. Это уже история!

Про ящики со снарядами

Но это еще не все. Ребята с «Красного знамени» по праву гордились своей родной улицей. Их старшие братья рассказывали им немало интересного о том, что здесь происходило. Рассказывали, например, вот такой эпизод.

... «Дело было возле юнкерского Владимирского училища. Уже установилась власть Советов, но враги не успокоились. Белые офицеры пробрались в училище и захватили там склад с оружием. Они хотели поднять мятеж...»

— Ну? — спрашивали ребята нетерпеливо. — А дальше-то что?

— А дальше вот что. Заметил красногвардейский патруль неладное. Двое наших залегли, взяли на прицел выход. Третий за подмогой побежал. Из Петропавловки пушку прикатили, а

снарядов-то нет... То есть имеются снаряды — вон они, зарядные ящики, да не подтащишь их под огнем мятежников.

И тут откуда ни возьмись мальчишки. Зацепили веревками тяжеленные ящики и ползком-ползком, за стенами домов, через проходные дворы подтащили снаряды...

Мятеж был подавлен. Сохранилась, живет до сих пор легенда об этих мальчишках — питерских Гаврошах. Их хорошо помнит старый красногвардеец Константин Дмитриевич Ильинский. Он был одним из тех, кто подавлял юнкерский мятеж.

А где сами Гавроши? Вот хорошо бы их разыскать!

Пре архитекторов

Они приехали на Пионерскую улицу не одни. Группа людей, окружив архитекторов (один был высокий, другой пониже, покоренастей), медленно шла по улице, подолгу, останавливаясь чуть ли не у каждого дома. Иногда кто-нибудь забегал под арку ворот и, призвав одного из спутников, о чем-то совещался там. А то вдруг все запрокидывали головы и глядели вверх — не то на конек крыши, не то на широкий, похожий обводами на капитанский мостик выступ большого здания.

На Лазаревской набережной вдруг к ним стал подходить милиционер. Но не подошел. Постеснялся. Наверное, милиционеру хотелось узнать, что так заинтересовало этих людей на малолюдной — время-то рабочее! — улице.

Конечно, постовой мог бы спросить, кто они такие. И они бы охотно представились:

— Мы — из совета пионерской организации!

... Это была разведка. До юбилея пионерии оставалось еще полтора года, и, конечно же, в это время естественно было задуматься о том, как украсить Пионерскую улицу к празднику.

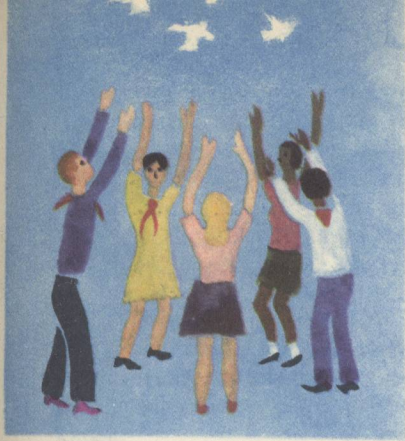
Если сказать правду, Пионерская очень нуждалась в украшении. Ее никак не назовешь главной магистралью и давно пора отремонтировать тут многие здания, очистить дворы от сараев-развалюх, сажать на их месте деревья и кустарники.

Вот и пришла сюда «разведка». Пришла, чтобы доложить Ленинградскому совету пионерской организации о том, какие работы здесь нужно развернуть.

Главными в этой разведке были двое друзей-архитекторов — Павел Иванович Мельников и Александр Данилович Левенков. Когда-нибудь, наверное, я напишу о них специально. Во всяком случае, мне это очень хочется сделать, уж очень они интересные люди. И разные очень. Павел Иванович — невысокий и молчаливый, а Александр Данилович — рослый и общительный. Но, конечно, дело не в их внешности и характерах. Дело в том, что оба они — большие и преданные друзья ленинградских пионеров. У друзей чрезвычайно много работы, но предложишь им интересную затею — они забудут и про отпуска, и про выходные. И уж за что возьмутся, обязательно доведут до конца. Левенков с Мельниковым — авторы проекта памятника «Цветок жизни» на Ладожской трассе и монумента героям-партизанам в деревне Красные Горы Ленинградской области.

Считают, что в наши дни мало быть знающим специалистом. Если у тебя есть знания и умение тоже есть, а нет большой, любимой, выношенной всей жизнью идеи-страсти, вряд ли тыстроишь что-нибудь стоящее. У Левенкова и Мельникова такая идея-страсть есть. Им дорого все, что связано с героической военной темой и с детьми. Памятник «Цветок жизни» — доказательство этого.

«Цветок», да и Красные Горы, интересны еще в связи с одним обстоятельством. В создании их принимали активное участие ребята. Пионеры призваны стать соавторами и исполнителями на всех этапах: от проекта до отделки. Надо прямо сказать — не каждый автор сумеет трудиться в такой шумной компании! А Левенков и Мельников страшно любят видеть пионерскую бучу вокруг себя. Мне кажется: иначе они просто не могут...

Про буденновца в черной папахе

Рассмотри, читатель, рисунки, сопровождающие очерк. Это эскизы проекта обновленной Пионерской улицы. Как говорится на языке специалистов, перед тобой — «фрагменты», то есть отдельные отрезки улицы и ее точки. Видишь, разбит сквер? Он будет посвящен памяти «Питерских Гаврошей». А вот брандмауэр — глухая, очень некрасивая стена дома. Ее украсит панно. Рисунки для панно делают ленинградские пионеры, они уже прислали на конкурс сотни вариантов. Здесь показан один: лихой буденновец в черной папахе. А может быть, жюри выберет какой-нибудь другой рисунок, есть из чего выбирать.

Изготавливать панно будут ребята. Украшать здание клуба «Красного знамени», где собирался в 20-х годах первый пионерский отряд, им предстоит самим (вместе с архитекторами и строителями, конечно). Благоустраивать дворы, строить спортплощадки, оформлять детские кафе и магазины, где все товары будут пионерские — тоже их забота.

И когда был брошен клич: «Сделаем Пионерскую улицу главным объектом Пионерстроя!» — ребята всех отрядов Ленинграда с радостью ответили:

— Мы готовы!

И по-боевому включились в работу.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПРО МАРШ „ВСЕГДА ГОТОВ!“

Я думаю, что те, кто прочитал этот очерк, заметили одну хитрую штуку. Штука заключается в том, что, оказывается, работать на главном юбилейном объекте Пионерстроя в Ленинграде нельзя:

а) не зная интереснейшей истории зарождения и развития пионерского движения в Ленинграде (пароход «Июмей Мару»; первый отряд при фабрике «Красное знамя»),

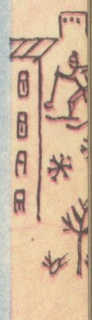
б) не познакомившись со славными эпизодами Октябрьской поры («Питерские Гавроши» — да разве только они одни прославили свою улицу!),

в) не будучи активным пионерстроевцем (это ясно само собой),

г) не умея учиться (во-первых, двоечнику не дадут почетного права трудиться на юбилейном объекте, а во-вторых, нужно много знать, чтобы творчески участвовать в такой сложной работе. И еще: просто будет совестно...).

Можно и дальше продолжать, но, наверное, не стоит. И так ясно: улица с пионерским именем — перекресток всех маршрутов юбилейного марша «Всегда готов!».

Оформление А. Януса

Рисунки В. Семенова

Глава 1.

СПОРНЫЙ МЯЧ

Начался этот сентябрь обыкновенно — с первого числа, и, как первого сентября прошлого года, Степан на первом уроке чувствовал себя непривычно и неловко, а Юрка Котов, его сосед по парте, вертелся, как ужаленный, и успокоился только после того, как Лариса Леонидовна сделала серьезное лицо и сказала: «Котов!» Тут Юрка замер, пнул Степана под парту и сказал ему шепотом: «Не дрейфь,

скоро лето!» Одним словом, все точь-в-точь как первого сентября прошлого года, с той только разницей, что Степан и Юрка были теперь учениками 5 «б», а не какими-то там четвероклашками!

Кроме того, в классе появился новенький. Правда, никто его не видел. О том, что он появился, стало известно только потому, что на самом первом уроке Лариса Леонидовна, про-

изводя по журналу перекличку, вызвала после Гавриловой не Гусева, а какого-то Гарри. Не фамилия, а прямо-таки американское имя! Степан завертел головой, чтобы увидеть, что же это за Гарри такой необыкновенный, но никто не поднялся из-за парты, и Лариса Леонидовна сказала: «Так. Отсутствует». Поставила в журнале «нб.», и на том дело закончилось.

И все пошло своим чередом: математика, русский, история с географией, а после уроков — футбол. На футболе-то и заварилась каша.

Капитаном 5 «б» был Сергей Маслеников, и он сговорился с капитаном «ашников» Кадомцевым сыграть десятого числа после уроков. На школьный стадион решили идти всем классом. Саша Белкина даже взялась осветить матч в стенгазете, сделать фоторепортаж. Она хоть и девчонка, хоть и смотрит на нее смешно, — снимает отлично. А смотреть на нее смешно потому, что у нее левое стеклышко очков заклеено пластырем — от дальновзоркости... Только ничего из ее затеи с фоторепортажем на этот раз не вышло. И всему виной был черный пудель.

Однако, если рассказывать, то по порядку. Матч начался атаками «ашников». Уже на первой минуте Степан вступил в игру и вытянул мертвый мяч из левого нижнего угла — от Караса. Потом постепенно все вошло в норму, Юрка Котов прорвался по правому краю, выложил мяч, как на блюдечке, Сергею, и тот спокойно, как на тренировке, забил гол. Но «ашники» не успокоились, они стали всей командой играть на Кадомцева, надеясь на его «пушку», и надо сказать, что надеялись не зря: в начале второго тайма Кадомцев «стрельнул» с левой, Степан бросился — и не достал!

Никто и не подумал его обвинять, наоборот, он сам стал орать на Юрку Котова, зачем тот закрыл его в момент удара, но Юрка стал орать в ответ, что, мол, никак не ожидал от Кадомцева такой «пушки» чуть ли не с центра поля; а гол есть гол, сколько друг на друга ни ори, и Сергей хмуρο поставил мяч на центр.

Тут-то и произошло это самое. Сергей потерял мяч, Карась живо навесил на выход Жорке Садовникову, и тот рванулся к воротам Степана.

Белкина приготовилась фотографировать и вдруг, наведя на резкость, увидела, что рядом с Садовниковым прямо на ворота мчится черный пудель! Степан приготовился уже было выйти навстречу Жорке, но, увидев пуделя, растерялся. До того растерялся, что бросился в левый угол и чуть не схватил пуделя за хвост. Меж тем как мяч, несильно пробитый

Жоркой, преспокойно вкатился в правый угол...

— Го-о-ол! — завопили на скамейках, вкопанных вдоль бровки поля, «ашники» и те, кто им сочувствовал: — А-а-а!

Но кто-то из «б» крикнул:

— Не считается!

И Степан, поднимаясь с земли, тоже крикнул:

— Не считается!

— Это еще почему? — наскочил на него Жорка.

— А собака?

— При чем здесь собака?

— Я ловил собаку!

— Надо играть, а не собак ловить! — крикнул Карась.

Все сбежались на штрафную площадку, кричали и толкались.

— Это их собака, они ее нарочно выпустили! — крикнула Людочка Федосеева, про которую все знали, что она мечтает стать кинозвездой, как Людмила Савельева.

— Да мы ее в первый раз видим, эту собаку... — сказал Кадомцев.

— Ваша собака!

— А может, ваша!

Пудель стоял за воротами и вилял хвостом. Потом он понюхал землю около боковой стойки и затрусил по беговой дорожке — прочь со стадиона. Саша Белкина заметила, что пудель уходит. Тут к ней как раз подошла ее подруга Балакина, в каждой руке у нее было по пирожку с повидлом.

— Вот дела! — сказала Балакина.

— Не трудно выяснить, чья это собака! — сказала Саша, перевесила на шею Балакиной фотоаппарат и пошла за пуделем.

Выбежав за ограду, пудель постоял на перекрестке и пустился по улице. Белкина — за ним...

Между тем на штрафной площадке продолжался скандал. Сергей, правда, попытался, как капитан, всех утихомирить и сказал:

— В правилах что сказано?

Но никто точно не знал, что сказано в правилах относительно собак.

— Не считать! — вопил Юрка Котов.

— Играть не умеете! — шумел Карась.

— Тихо! — громче всех орал Бузин.

Карась отпихнул Юрку Котова, тот полетел вверх тормашками, но Женька Гришин успел среагировать и дал Карасю такую подножку, что тот полетел еще дальше!

И тут появился Дрюля. Он, разумеется, не возник неизвестно откуда, а просто вышел на поле, прорвался сквозь толпу ребят и растащил Жорку и Степана в разные стороны. С самого начала игры он прохаживался за скамейками и делал вид, будто ему неинтересно.

Прическа у Дрюли была шикарная: спереди волосы закрывали лоб и лезли на глаза, а сзади висели чуть ли не до плеч, к тому же он курил длинную сигарету с золотым ободком. Конечно, такому человеку смешно было глядеть на игру несчастных пятиклассников, но когда началась потасовка, азартная Дрюли-на душа не выдержала, и он махнул рукой на самоелюбие.

— А ну, в чем тут у вас конфликт? — басом спросил Дрюля, держа Степана за ворот футболки, а Жорку — за плечо.

— Дрюля-ходуля! — крикнул Карась.
— Безобразие! — крикнула Людочка Федосеева.

— Кто на кого первым полез? — спросил Дрюля. Жорка и Степан молчали. — Стыкнитесь вы двое. И пусть победит сильнейший. А ну, в круг!

Все немного растерялись, но в круг встали.
— На ринге — боксеры в весе пера! — провозгласил Дрюля.

И в это самое мгновение раздался милейший свисток.

Глава 2.

ФИЛИПП

Сначала пудель трусил не спеша, останавливаясь чуть ли не у каждого столба, и Саше было нетрудно поспевать за ним обычным шагом. На одном углу ей даже пришлось остановиться: тут пудель принялся кружить, то и дело застывая на месте и тщательно вынюхивая что-то крайне для него любопытное.

День был солнечный, теплый, между кронами ясеней и кленов в воздухе скользили паутинки. Саша выбрала паутинку и стала следить за ее полетом, но вдруг потеряла из виду, потому что на глаза попался желтый кленовый лист. Кружась, он медленно опускался на мостовую. Тут Саша заметила, как много уже стало на деревьях желтых и красных листьев, а еще больше их лежало под ногами, на тротуаре и на мостовой... «Вот и пришла настоящая осень!» — подумала Саша, но загрустить по этому случаю не успела: пудель с места в карьер припустил дальше.

Теперь Саша едва успевала за пуделем: не обращая внимания на столбы, он пересек пустырь за овощехранилищем и устремился вдоль по длинной улице, которая упиралась в трамвайную линию. Уже на середине этой улицы Сашенька сильно отстала, но все же не теряла пуделя из виду. Однако дорогу ей преградил трамвай, и она остановилась, чтобы перевести дух.

«Конечно, у него четыре ноги, а у меня только две!» — подумала Саша. Трамвай, как нарочно, полз еле-еле, когда же, наконец, он прополз, пудель мелькнул в самом конце улицы и исчез.

Саша заметила, где приблизительно пудель свернул с тротуара, но, добежав до этого места, не обнаружила ни перекрестка, ни ворот, ни даже лазейки в заборе. Пудель как сквозь землю провалился!

Прямо перед ней за оградой из штакетника, стоял деревянный дом с верандой. Таких до-

мов на окраине, где жила Саша, сохранилось еще немало, так что ничего особо примечательного в доме она не нашла, но, поскольку пудель исчез именно здесь, Саша сняла очки, приложила к правому глазу ладонку и посмотрела левым, обычно закрытым наклейкой на стеклышке. Дом как дом, во дворе — никого, только на веранде что-то белело.

— Девочка!.. — позвали с веранды.

Саша подошла к самому забору, но никого на веранде не увидела.

— Ты что-нибудь потеряла?

— Нет, — сказала Саша, хотя и не знала еще, с кем она говорит.

— Может быть, ты кого-нибудь потеряла?

— Собака — «кто» или «что»? — спросила Саша, обращаясь неизвестно к кому.

— Войди в калитку и поднимись на веранду.

Саша толкнула калитку — она оказалась незапертой, — прошла по дорожке, посыпанной толченым кирпичом, и поднялась на веранду. На веранде стояла кровать. На кровати лежал мальчик. Он лежал одетый поверх клетчатого одеяла. Правая нога, невероятно толстая от бинтов, была наискосок подвешена к потолку на веревке. Под потолком веревка проходила через блок, и другой ее конец был привязан к перилам веранды. Лицо мальчика было густо усыпано веснушками, волосы — светло-рыжие, глаза — зеленоватые, большие, и, как показалось Саше, грустные.

— Собака — «кто», — сказал мальчик. — А тот, кто считает, что собака — «что», тот сам — ничто! Так ты собаку потеряла?

— Да, — сказала Саша.

— Придет. Собака свой дом знает.

— Это не моя собака. Понимаешь, я ее потеряла из виду. Шла за ней, шла — и потеряла...

— А зачем ты за ней шла?

— Наши играли в футбол, и вдруг появилась собака. Наш вратарь Степка не ожидал и бросился за ней, а Карасев из «а» забил гол. В общем, я еще не знаю, чем там все кончилось...

Мальчик посмотрел на нее очень серьезно и попросил:

— Расскажи мне, пожалуйста, эту историю. Если ты, конечно, не очень спешишь.

Саша вздохнула и рассказала все, что знала: и про то, как Сергей сговорился с Кадомцевым из «а», и про то, что она решила сделать фоторепортаж в стенгазету, и про то, как началась игра, и про черного пуделя.

— Ну, вот и все, — сказала Саша, — мне пора идти.

— Как тебя зовут? — вдруг спросил мальчик.

Саша сказала.

— А меня зовут Филипп.

— Ну, я пошла, — сказала Саша.

— Постой! — сказал Филипп. — Можешь ты выполнить одну мою маленькую просьбу?

Он полез под подушку и достал оттуда конверт.

— Конечно! — сказала Саша.

— Тут в конверте — объявление. Прикрепи его, пожалуйста, где-нибудь на видном месте, лучше возле школы.

Весь обратный путь Сашенька очень спешила, а около самой школы подумала: «А ведь я даже не спросила, что у него с ногой!» Но тут она вспомнила про конверт. А когда прикрепила объявление к столбу и прочла его, то сняла очки, прикрыла правый глаз ладошкой и еще раз, одним левым, перечитала: «ПРО-

ПАЛА СОБАКА, ЧЕРНЫЙ ПУДЕЛЬ ПО
КЛИЧКЕ АРТО. НАШЕДШЕГО ПРОШУ
ПРИВЕСТИ СОБАКУ ПО АДРЕСУ...» — и
внизу много нарезанных ножницами язычков
с адресом Филиппа.

Если бы Сашенька Белкина задержалась у

Филиппа на несколько минут, объявление, по-
жалуй, заинтересовало ее еще больше. Пото-
му что, едва она закрыла за собой калитку, на
веранду, выскочив из-под крыльца, влетел чер-
ный пудель и, положив лапы на клетчатое
одеяло, лизнул Филиппа в лицо.

Глава 3.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

— Атаc! — крикнул Дрюля и остался на
месте. А все бросились врассыпную и остано-
вились только у ограды школьного стадиона.
Однако со стадиона не убежал ни один чело-
век: всем захотелось посмотреть, что же бу-
дет дальше.

Дрюля поставил ногу в модном ботинке на
мяч, зажег потухшую сигарету и стал ждать,
придав своему лицу независимое и гордое, как
ему, наверное, казалось, а на самом деле —
просто нахальное выражение. От входа по на-
правлению к Дрюле шел милиционер. Он шел
не спеша, и был весь новенький, аккуратный,
лейтенантские погоны сверкали на пле-
чах, светлые брови нахмурены.

Остановившись напротив Дрюли, милицио-
нер быстро глянул вокруг себя, оценил ситуа-
цию и принял вид весьма миролюбивый. Это-
го Дрюля не ожидал и насторожился. Даже
отклеил от губы золотой ободок сигареты и
спрятал ее в кулак.

— Малышей стравливаешь? — ласково
спросил милиционер.

— А? — переспросил Дрюля и постарался
сделать глупое лицо. Это ему легко удалось.

— Бэ, — сказал милиционер, — что, глухо-
ват стал на старости лет? Нечего тебе здесь
делать. Иди отсюда.

— Ага, — сказал Дрюля и пошел небреж-
ной походочкой.

— И не смей мне больше издеваться над
ребятами! — уже совершенно другим голосом
сказал милиционер вслед.

Проводив Дрюлю взглядом до самого вы-
хода со стадиона, милиционер несколько се-
кунд стоял, словно в нерешительности, и вдруг
снял фуражку и положил ее на траву.

И тут начались чудеса.

Кадомцев потом говорил, и все были с ним
согласны, что такое не на каждом матче
«Спартак» — «Динамо» по телевизору уви-
дишь! Неуловимой подсечкой милиционер
поднял мяч в воздух, принял его на грудь, сы-
грал коленочкой, головой, опять коленочкой —
сам себе на удар, и впелил такую «пушку в
девять», что все рот открыли! И долго не мо-
гли закрыть. Сергей, например, так с откры-

тым ртом и поймал мяч. А Карась только ах-
нул: «Вот это техника!»

— Иди, постукаем! — сказал милиционер,
обращаясь к Сергею.

Тот сделал шаг, другой...

— А что же остальные? — сказал милицио-
нер. — Или все — болельщики?

— Да нет, — сказал Кадомцев, — у нас
матч был. Товарищеский.

— Я так и понял, — сказал милиционер. —
По боксу.

Все засмеялись. А милиционер на секунду
задумался и поднял с земли фуражку.

— Если матч — команды на поле! — ска-
зал милиционер и дал свисток.

Никто, наверное, даже не представлял себе
до этого, как здорово играть, когда на поле
есть судья. Да не какой-нибудь, а с наметан-
ным глазом, а что глаз у судьи наметанный,
ребята поняли сразу, как только милиционер
оштрафовал свободным ударом Женьку Гри-
шина за его любимый офсайд: кто же не зна-
ет, что Женьку хлебом не корми — дай по-
пасть в офсайде у самых ворот, а чуть что —
спорит! На этот раз, однако, Женька спорить
не стал и после «свободного» уже играл по
правилам. Зато, когда Юрка Котов сделал
правильный подкат, а Жорка Садовников
упал, милиционер игры не остановил: пра-
вильно, ведь Юрка в мяч играл, а Жорка
просто не удержал равновесия!

Через полчаса милиционер дал свисток, со-
брал всех вокруг себя и стал объяснять оши-
бки. Начал с общих: показал, как надо остано-
вливать летящий мяч грудью, как вести его, не
отпуская далеко от себя, как мягко отдавать
пас. А потом перешел к разбору игры каждо-
го: похвалил Сергея за обводку, но тут же по-
казал, как отобрать мяч, если тебя обводят
справа и слева; посоветовал Кадомцеву, как
нужно тренировать удар, чтобы получалось не
только сильно, но и точно, объяснил всем, ко-
гда и как лучше всего играть «в стенку».

И вдруг спохватился, поглядев на часы:

— Вот так, ребята... А теперь — мне пора.

— У-у! — сказал Сергей.

— А у вас значок мастера — по футболу? — спросил Жорка.

— А вы за какую команду играете? — спросил Степан.

— А вы к нам больше не придете? — спросил Юрка Котов.

Милиционер хлопнул в ладоши и сказал: «Тихо!» Все замолчали. Он спросил:

— Тренера у вас, значит, нет?

— Сами тренируемся, — вздохнул Жорка.

— Ну так вот, — лицо милиционера сделалось серьезным. — Фамилия моя — Кузнецов, зовут Владимиром Петровичем. Звание мастера спорта я получил, играя за коллектив

«Динамо-2». И, если в школе не будут против, я возьмусь вас тренировать на общественных началах.

— Урра-а! — закричал Степан, и все подхватили: — Урра-а!!!

— Но! — сказал Владимир Петрович, и все смолкли. — Имеющие тройки, а тем более двойки до тренировок допущены не будут. — И второе. Кто затеял сегодня потасовку на поле?

Все молчали. Степан вздохнул и сделал шаг вперед.

— Я затеял.

— От тренировок пока воздержись.

Глава 4.

ЧЕРНЫЙ ПУДЕЛЬ

Вот так оно все обернулось: неожиданно, а самое главное — неприятнейшим образом!

В душе Степан нарочно мылся дольше всех, одевался тоже медленно и чуть ли не целых десять минут зашнуровывал правый ботинок, ждал, когда оденется и уйдет Юрка Котов. А Юрка как обычно копался. Может быть, ему хотелось со Степаном поговорить. Да только Степану этого не хотелось.

Со стадиона он вышел мрачнее тучи и домой побрел окольным путем. Было Степану обидно и горько, и, чтобы отвлечься от своих печальных мыслей, он стал смотреть, как девочки играют в «классы». С девочками играл Криворучко из пятого «а», тот самый, которого дразнят, что он староста вышивального кружка. А что толку его дразнить, если он — ноль внимания? Вот и сейчас — глаза зажмурил, перешагивает из одного квадрата в другой и спрашивает: «Мак?» Девочки хором кричат: «Мак!», и физиономия у Криворучки делается прямо-таки блаженная.

— Мак?

— Мак!

— Дурак! — сказал Степан. До того зло сказал, что Криворучко даже глаза открыл.

— Ты чего? «Мак!» «Мак!» — завопили девочки. — Не обращай на него внимания, Севочка!

Степан плюнул и пошел прочь широким шагом.

Настроение у него, однако, не улучшилось, и в голову лезли все те же неприятные мысли. Ну что за невезение такое, прямо-таки особенное? В прошлом году на стадионе в Лужниках поменялся билетами с Мариком Захаровым, чтобы лучше было видно, и все равно видно было плохо, а на захаровское место выигрыш выпал, транзистор марки «Этюд!» Или этим

летом в пионерлагере: в самом начале смены поспорил Степан на все полдни, что после отбоя в бассейне выкупается. И все бы хорошо, да только из бассейна в эту ночь, как назло, воду выпустили по причине ремонта!

Или — взять сегодняшний день. В команду тренер пришел, а почему пришел, спрашивается? Потому что кто-то милиционера позвал. А почему позвали милиционера? Потому что Дрюля велел стыкаться. А почему Дрюля велел стыкаться? Потому что Степан стал гол оспаривать. И вместо благодарности — «воздержись, Степан, от тренировок!»

Откуда-то потянуло дымком, видно, листья жгут... Степан вытащил из вороха листьев палку и стал стучать по забору. Палка треснула, и в руках у Степана остался только маленький обломок. Степан побежал, гремя обломком по ограде: тррррррррррр. Противное такое «тррррррррррр». А Степану нравилось. Сначала нравилось, а потом надоело. Тогда Степан размахнулся, чтобы забросить обломок палки подальше за ограду, широко-широко размахнулся и... так и застыл с поднятой рукой.

Потому что прямо перед ним стоял черный пудель. Тот самый. Он, наверное, уже давно шел за Степаном, только Степан этого не замечал. Пудель вилял хвостом и улыбался.

— Ты?! — крикнул Степан и швырнул палкой в пуделя. Но не попал.

А пудель как ни в чем не бывало бросился к тому месту, где упала палка, поднял ее и в зубах несет Степану. Положил палку у самых его ног, хвостом вильнул, стоит и опять улыбается.

— И не стыдно тебе? — спросил Степан. — Такой тренер в команду пришел, а я... А кто виноват? Ты! Чтоб ты перевернулся!

И пудель перевернулся! То есть сделал сальто по всем правилам! Степан даже сел от неожиданности.

— А ну, еще раз! — сказал Степан, сидя на тротуаре.

И пудель сделал сальто — назад через голову — еще раз! И опять стал улыбаться и вилять хвостом.

— Дай-ка лапу! — сказал Степан.

Пудель дал лапу.

— Другую! — сказал Степан.

Пудель дал другую.

Степан вскочил с тротуара и отбежал шагов на десять. Пудель остался стоять на том же месте, только перестал улыбаться и сильнее завил хвостом.

— Ко мне! — крикнул Степан.

Пудель послушно подбежал к нему.

Тут Степан моментально забыл про все неприятности.

— Вперед! — заорал он. — В атаку за мной — урра-а!!! — И побежал сломя голову. Пудель с лаем — за ним...

Дома папа сказал:

— Тысяча и одна ночь! Прямо-таки цирковая выучка!

— А может быть, он в самом деле ничей? — сказала мама.

— Что-то давно мне не попадалось ничьих вещей, — сказал папа. — Все больше попадались чьи-нибудь. Если, конечно, эти вещи чего-то стоили.

Папа сидел в кресле перед выключенным телевизором. Мама пересчитывала белье для прачечной. Пудель, положив морду на лапы, лежал на ковре посреди комнаты.

— Ну пап! — сказал Степан.

— Не «нупап», а где моя газета? — сказал папа.

Пудель поднялся и вышел из комнаты. Мама перестала считать белье. Папа застыл в кресле. Пудель вернулся с газетой в зубах и положил ее папе на колени.

— Сегодняшняя, — сказал папа. — Нет, это мистика да и только! Я лично не удивился бы, если бы этот пес заговорил. От него всего ожидать можно...

Глава 5.

БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

День стоял что надо, небо над городком синее-синее, солнце — прямо как летом. Степан скинул куртку, и все равно ему было тепло, даже жарко.

— Барьер! — крикнул Степан.

Пудель легко взял барьер, пробежал по буму, спрыгнул и остановился в ожидании новых команд.

— Ладно, отдыхай! — сказал Степан и сам сел на скамейку. Все пока складывалось неплохо: утром папа ушел на работу, ни словом не обмолвившись насчет возвращения пуделя, а маме это дело было, вроде, вообще не к спеху. Да и кому отдавать? И неизвестно, найдется ли хозяин вообще...

— Привет, Костров!

Задумавшись, Степан не заметил, как к его скамейке подошли Зинка из четвертого «а» и с ней Балакина, душевная подруга Сашки Белкиной. Зинка так глазами и стреляет во все стороны, а Балакина, как обычно, пирожок с повидлом ест. Она спросила:

— Сашу Белкину не видел?

— Нет, — сказал Степан, — не видел... А теперь вижу.

— Правда, вон она идет! — обрадовалась Зинка. Белкина и в самом деле появилась из-за угла дома: на одном боку — фотоаппарат, на другом — транзистор, очки с заклеенным стеклышком еле-еле на носу держатся... И вдруг Зинка увидела пуделя.

— Твоя собака? — спросила она.

— А что? — насторожился Степан.

— Ничего. Погода хорошая... — Зинка вдруг повернулась, запела противным голоском: «А я иду, шагаю по Москве», и побежала неизвестно куда.

Саша Белкина подошла с фотоаппаратом, сказала:

— А ваши, между прочим, на тренировку пошли.

— Ну и что? — обозлился Степан. — Пошли — и пускай себе идут! — и он хлопнул себя по коленке, чтобы услышал пудель:

— Ко мне!

Пудель подошел и остановился перед Степаном.

— Ой! — удивилась Саша. — Степка, откуда у тебя собака? Как ее зовут?

— Как зовут, так и зовут, — сказал Степан. — Мое дело.

— Неправда! — сказала Саша. — Ты просто не знаешь, как его зовут!

— Можно подумать — ты знаешь!

— Может и знаю. Сейчас проверим... Арто!

Пудель прямо-таки подскочил на месте, хвостом виляет, даже повизгивать начал.

— Ну, что? — сказала Саша.

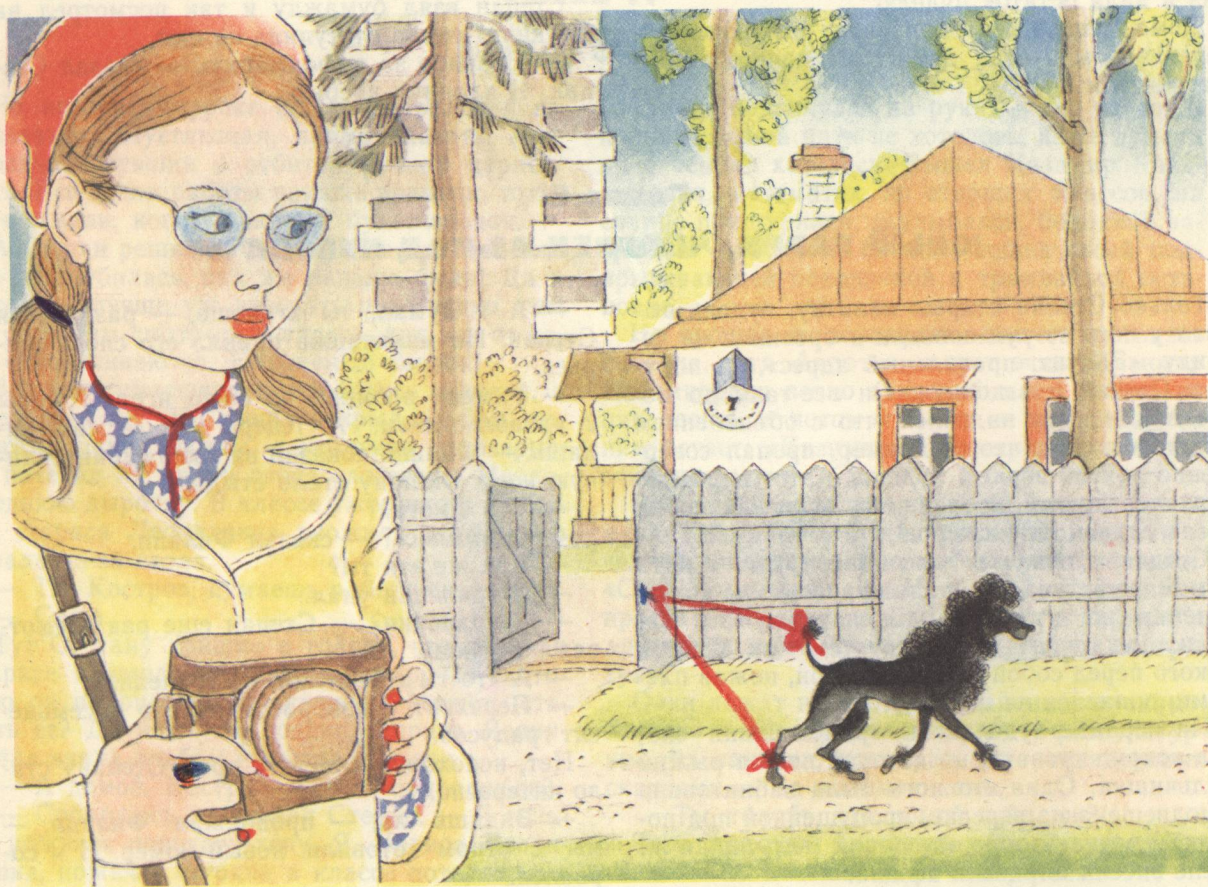
— Что? — сказал Степан.

— А то, что он не твой!

— А чей?

— Скоро узнаешь чей. — Тут Белкина быстро перевесила фотоаппарат и транзистор на шею Балакиной. — Смотри, если сломаешь!..
— А сниматься? — заныла Балакина.
— Потом! — крикнула Саша уже на бегу. Она скрылась за тем же углом, что и Зин-

— Твоя собака? — сказал Карась.
Степан не ответил. Интересно, что он мог ответить?
— Его собака, а чья же еще? — сказал Жорка.
— А кто орал, что наша команда соба-

ка. Степан растерянно смотрел ей вслед. Он не успел еще как следует ничего сообразить, как вдруг из-за угла вышли Сергей, Жорка Садовников, Кадомцев, Карась и Зинка. Зинка только показала рукой и осталась на месте, а все остальные направились прямо к Степану. Лица у них были нахмуренные, только Сергей то и дело плечами пожимал, как будто бы чему-то удивлялся.

Степан встал со скамейки. Ребята остановились прямо перед ним.

— Здорово! — сказал Степан.

— Так! — сказал Кадомцев, глядя на пуделя.

— Тот самый! — сказал Жорка. — Умереть мне на этом месте!

— Спокойно! — сказал Сергей.

ку нарочно выпустила? — крикнул Карась.

— Сам привел собаку, и сам же гол хотел отспорить, — сказал Жорка.

— Ну, ты, тише, — сказал Степан, — А то...

— А то — что?

— А какой шум поднял: «Я собаку ловил!» — кипятился Карась.

— Ладно, — сказал Сергей. — В команде у нас он и так больше не играет. Пошли, ребята.

Между прочим, Сергея Масленикова недаром капитаном выбрали. Как там ни говори — авторитет у него есть. Сказал — «пошли», значит, пошли. Очень даже просто: повернулись — и шагом марш. Даже Карась, а его хлебом не корми — дай покричать.

— Эй! — нерешительно сказал Степан

вслед уходящим. Но никто даже не обернулся.

Тут пудель почему-то залаял.

— Вот дела! — сказала Балакина. — Собачка, хочешь пирожок?

— Отстаньте вы от собаки! — заорал Степан. А пудель завилал хвостом.

— Хочет, — сама себе сказала Балакина, вздохнула, откусила от пирожка в последний раз и дала остаток пуделю.

Дома Степан сел один перед выключенным телевизором и стал думать. И ничего придумать не мог.

Тут у дверей позвонили. Степан открыл. Так и есть — Белкина. Дышит, как будто стометровку бежала, и держит в руке какую-то бумажку.

— Степа, там объявление, я его наизусть выучила, слушай: пропала собака, черный пудель, по кличке Арто, нашедшего прошу привести собаку по адресу... Вот адрес. Держи.

Степан взял бумажку и так посмотрел на Белкину, что та отступила на шаг.

— Спасибо за информацию, — сказал Степан. И хлопнул дверью.

Глава 6.

ЮНЫЙ ГАРРИ, ЧЕЛОВЕК ИЗ-ПОД КУПОЛА

Только Степан открыл калитку, пудель вырвал у него из рук поводок и бросился на веранду. «Значит, правильный адрес», — подумал Степан и вздохнул. Он все-таки до последней минуты надеялся, что с объявлением вышла ошибка, что, например, пропал совершенно другой черный пудель, а этот случайно оказался тезкой пропавшего, мало ли собак носит одинаковые клички?

Степан хотел уже было повернуться и идти домой, не вступая ни в какие разговоры и объяснения, но тут с веранды сказали: «Эй! Заходи, пожалуйста!», между тем как Степан никого перед собой не видел. И он, пожав плечами, поплелся на веранду.

На веранде пудель как сумасшедший скакал вокруг кровати, на которой лежал рыжий мальчишка. Одна его нога была забинтована и подвешена на веревке, пропущенной под потолком через блок, а за спиной мальчишки на стене висела цирковая афиша:

«ПОД КУПОЛОМ — ГАРРИ»

Гарри... Где-то Степан слышал это имя. Или, может быть, фамилию?

— Садись, — сказал мальчишка. Степан сел.

— Спасибо, что привел.

— На здоровье, — сказал Степан.

— Арто, отдохни! — сказал мальчишка.

Пудель лег на пол, но было сразу видно, что лежать ему совсем не хочется, а хочется прыгать вокруг кровати, лаять и лизать мальчишку в лицо.

— Я — Филипп, а тебя как зовут? — сказал мальчишка.

— Степан.

— Ты, случайно, в футбол не играешь?

— Случайно — нет, — сказал Степан.

— Странно, — сказал Филипп, — Я думал, ты играешь.

— А я думал, ты играешь, — разозлился Степан. Но мальчишка принял его слова всерьез.

— У меня времени не было играть. Я бы с удовольствием. А теперь вот — сам видишь. — Филипп показал на свою забинтованную ногу. Степану стало стыдно.

— Что с ногой?

— Сломалась, — сказал Филипп.

— Как же это ты?

— С трапеции упал.

— С трапеции? — Степан еще раз посмотрел на афишу.

— А что ты там делал, на трапеции?

— Перехват с поворотом на сто восемьдесят градусов.

Нет, непохоже было, что врет. Степану стало интересно.

— Видишь ли, — продолжал Филипп, — мы с отцом готовили новый номер. И я сорвался.

— Вы разве не привязываетесь, чтобы не сорваться?

— Это называется страховка. Только я самовольно отстегнул лонжу. Характер вырабатывать решил... — Филипп покрутился на кровати, чтобы лечь поудобнее, но это, как видно, не так просто, когда нога привязана к потолку...

— От отца, знаешь, как влетело! — сказал Филипп.

— Еще и влетело! — возмутился Степан. — Болит?

— Не очень. Скучновато теперь, правда. Отец с матерью в гастрольной поездке, бабка служит... Если бы не Артошка...

— А он — что?

— Да нет, ничего... Спасибо, что привел.

— А почему ты решил, что я в футбол играю? — спросил Степан.

— Так просто, показалось...

— Ну ладно, бывай, мне пора. — Степан встал, погладил пуделя, простился за руку с Филиппом и пошел к калитке.

— Эй! — окликнул Филипп. — Может, зайдешь еще как-нибудь?

— Может, зайду, — сказал Степан и закрыл калитку.

Глава 7.

А ЧТО, ЕСЛИ...

На последнем уроке была контрольная по рисованию. Пустяковая, прямо сказать, контрольная: кувшин с отбитой ручкой нарисовать. Все сдали работы раньше времени, только и ждали, когда, наконец, будет звонок.

А Степан решил ручку нарисовать. Мало ли что она отбилась, она же раньше была! Да и потом — лучше уж рисовать что угодно, чем по сторонам смотреть и видеть, как все от тебя отворачиваются. Наконец-то звонок!

Все как сумасшедшие бросились к двери, а Степан — нет. Не спеша закрыл альбом, застегнул ранец, потом расстегнул, проверил, не потерял ли что, и снова застегнул. На последнюю дырочку. В классе уже никого не было, Лариса Леонидовна сложила альбомы и встала из-за стола.

— Ты, Костров, думаешь работу сдавать?

— Сдаю.

Тут Степану пришло в голову, что едва ли Ларисе Леонидовне понравится ручка, которую он пририсовал к кувшину. Может, стереть ее? Да нет, уже поздно. Лариса Леонидовна взяла альбом и пошла к двери.

— А домой, Костров, ты не собираешься?

— Собираюсь, — сказал Степан. — Я только ножичек поискать хочу. Я, Лариса Леонидовна, ножичек сегодня в классе потерял.

— Ну поищи. Какого-то ты сегодня странный...

Ушла. Будешь тут странным! Из-за собаки из команды отчислили. А где она, собака? Там, где ей и полагается быть, у хозяина. И никто ничего не знает, а расскажешь — не поверят. А может, поверят?

Степан подошел к окну и стал смотреть во двор... Да нет, едва ли поверят, все прямо как в сказке получается: не было собаки, потом была, а теперь опять нет...

Первым во двор выбежал Сергей с мячом, за ним Гришин. Сергей бросил мяч вверх. Гришин, видно, решил продемонстрировать прием мяча на грудь, да только мяч отскочил так далеко, что попал прямо к Юрке Котову, и Юрка, недолго думая, погнался за углом. Все бросились за ним. Куда? Ясное дело, на баскетбольную площадку, тренироваться. А может быть, даже на стадион, если он никем не занят.

Степан подтянулся на руках и сел на подоконник. Домой идти не хотелось, даже думать ни о чем не хотелось. Вышел Казимир Казимирович, математик из старших классов, на солнце прищурился, заулыбался, бородкой затряс, и — бочком, бочком, пошел своей подпрыгивающей походочкой к трамвайной остановке.

Не прошел и полдороги, как его догоняет нянечка, тетя Авдотья, и сует очки. Казимир Казимирович вечно очки забывает, у него их пар десять, а потом чуть ли не вся школа за ним бегаёт: «Казимир Казимирович, я ваши очки нашел!» — «Спасибо, милейший».

Вот и сейчас: только скрылась тетя Авдотья, а за Казимиром бежит какая-то длинная с челкой, класса из восьмого, тоже с очками «Спасибо, милейшая». Нет, это не Казимир, а просто комедия! Одни очки сунул в карман, а другие из этого же кармана уронил на тротуар!

Очки лежат на тротуаре, зайчиков пускают. Хорошо — Нодар Владимирович, физкультурник, их заметил, подобрал, и — гигантскими скачками — за математиком...

— Ты, голубь, что домой нейдешь?

Тетя Авдотья класс убирать пришла. Хочешь — не хочешь, надо собираться.

— Я, тетя Авдотья, ножичек искал.

— Нашел?

— Нашел.

— Ну и ступай с богом.

Как назло, по дороге Степану то и дело попадались собаки. Сперва двух спаниелей провел старичок, видно, охотник. Потом с таксой бабушка протопала. Спрашивается, зачем бабке такса? С таксой надо на лис ходить! Тетенька с немецкой овчаркой встретила. Степан подумал: интересно, кто умней, немецкая овчарка или пудель? И вспомнил Арто. Вернее, не вспомнил: как это можно вспомнить, если ты ни на минуту не забывал? И так стало на душе, что хоть беги к этому... Филиппу! Может, даст на денек-другой пуделя? Да нет, не стоит, расстраиваться только...

— Здорово, дисквалифицированный!

Степан вздрогнул от неожиданности. Поднял глаза, а перед ним собственной персоной — новый тренер. Только Степан даже не

сразу сообразил, что это он, Владимир Петрович, потому что вместо милицмейской формы на нем были синие выгоревшие джинсы и куртка, и фуражки на голове не было, а на плече висела динамовская спортивная сумка, белая с голубым.

— Тебя как зовут-то?

— Степан, — сказал Степан.

— Что, Степан, нос повесил, куда направляешься?

— Не знаю.

— А на футбол не хочешь?

— Хочу! — сказал Степан. — А кто играет?

— Матч на первенство Москвы, «Спартак-2» — «Динамо-2». Ты за кого болеешь, за «Спартак», должно быть?

Степан даже побледнел от возмущения.

— За «Динамо».

— Стало быть, будешь за меня болеть.

— А вы играете?!

— Само собой!

Владимир Петрович шагал широко, и Степан тоже шагал широко, чтобы не отставать от Владимира Петровича. Ранец он снял и нес его в руке. И как-то получилось, что до стадиона оставалось еще целых два квартала, а Степан уже успел рассказать Владимиру Петровичу всю историю с пуделем, и при этом ему ни одной минуты не казалось, что он, Степан, жалуется. Наверное, так получилось потому, что Владимир Петрович слушал очень внимательно.

— Н-да, история, понимаешь... — сказал Владимир Петрович, когда Степан закончил свой рассказ.

— Вот именно! — сказал Степан.

Некоторое время они шагали молча.

— Я, когда на границе служил, тоже знал одну удивительную собаку, овчарку, — сказал Владимир Петрович. — Думбадзе, ее проводник, в дозоре сломал ногу и от боли потерял сознание. Так она сама

вернулась на заставу и привела пограничников на помощь.

Степан вдруг остановился. Такая неожиданная мысль пришла ему в голову. «Сломал ногу... привела на помощь?..»

— Степан, ты где, что отстал?

— Иду!

Они уже подходили к воротам стадиона.

Степан в первый раз сидел на футболе так близко, что все слышал и отчетливо видел лица игроков, а не только номера на футболках. Перед тем как отправиться в раздевалку, Владимир Петрович сам провел Степана на трибуну и посадил в третий ряд. И сказал ему:

— Насчет недоразумения с собакой, я считаю, ты должен рассказать ребятам сам.

И еще спросил, не имеет ли Степан трюк.

— Нет у меня трюк, — сказал Степан. — Значит, мне можно будет тренироваться?

— На поле надо ровней себя вести, — сказал Владимир Петрович. — Учел?

— Учел.

Но, честно говоря, Степан не заметил, чтобы взрослые игроки вели себя на поле особенно ровно. Вот и сейчас судья, чтобы отодвинуть спартаковскую «стенку», прямо-таки уперся в грудь третьему номеру «красных», а тот все твердит: «А что? Девять метров. Куда дальше-то?»

Наконец, «стенка» отодвинулась на нужное расстояние. Капитан динамовцев пошептался

о чем-то с Владимиром Петровичем, и тот поставил мяч на место, указанное судьей. Степан не слышал, о чем шептался с Владимиром Петровичем капитан, зато он слышал, как невысокий чернявый динамовский полузащитник сказал: «Ну, Вова, давай свою колотушку!» Это он Владимиру Петровичу. А тот только глянул в его сторону, дождался свистка, разбежался... Вратарь «Спартак» лягушкой бросился в правый угол... А мяч прямо-таки завис в левом!

— Ур-ррра-а! — закричал Степан, вскочил и стал махать ранцем. Как вдруг сзади на его плечо опустилась чья-то сильная рука и так надавила сверху, что Степан сел. Оборачивается — сзади сидит дядя, мрачный, видно, за «Спартак» болеет.

И вдруг Степан увидел, что Владимир Петрович, подбежав к самой боковой линии, улыбается и ему, Степану, машет рукой! Тут он вырвался из-под дядиной ручки, опять вскочил и стал изо всех сил махать Владимиру Петровичу. И только тогда сел, когда Владимир Петрович, подхватив мяч, отдал его судье и сам побежал на центр поля.

«Динамо» отлично играло в этот день, и на душе у Степана было так хорошо, так замечательно, что петь хотелось! И еще — не покидала его одна мысль, та самая, что пришла в голову, когда Владимир Петрович рассказал о пограничной овчарке и о ее проводнике Думбадзе. А что, если...

Глава 8.

ИЩИТЕ ПУДЕЛЯ!

— Ты, Степка, лучше предупреждай, когда врать будешь, — сказала Саша. — Не то плохо тебе придется! Я недавно в книжке читала про одного мальчика, который так много врал, что вообще исчез. — И посмотрела на Степана так, как будто ждала, что и он сейчас исчезнет. Но Степан исчезать не собирался.

После того как он поговорил с Сергеем Маслениковым и все ему рассказал о пуделе, Степан всю первую половину воскресного дня разыскивал Белкину, чтобы кое о чем ее спросить.

Степан был уверен: Белкина знает про пуделя что-то такое, чего он сам не знает, иначе — каким образом она так быстро сориентировалась с объявлением?

Но найти Белкину оказалось не так-то просто. Дома ее не было с девяти утра, магазин «Культтовары», где Белкина часто и подолгу торчала у прилавка с фотопринадлелностями, был закрыт. В конце концов, уже совершенно

отчаявшись, Степан случайно набрел на нее на пустыре за овощехранилищем: Белкина, ничего не замечая вокруг, нацелилась фотоаппаратом на драного кота, который охотился за трясогузкой.

Своим появлением Степан напугал кота, и тот убежал, отвратительно мяукнув.

— Ты?! — возмутилась Саша, оторвавшись от видеоискателя и увидев перед собой Степана.

— Ну, я, — сказал Степан. — Я по делу. — И, с места в карьер, начал сбивчиво объяснять, что у него за дело. Тут-то Белкина и сказала ту самую фразу насчет какого-то типа, который так много врал, что исчез.

— Ладно, Белкина, — сказал Степан. — Я знаю, ты на меня злишься за то, что я у тебя перед носом дверью хлопнул. Так?

— На глупых не обижаются, — сказала Саша.

— Спокойно! — сказал Степан. — Пред-

ставь, что к тебе на улице подошла потрясающая ученая собака, и она у тебя живет, и вдруг прихожу я и требую, чтобы ты эту собаку отдала. Хорошо тебе?

— Ну, не очень, — сказала Саша. — А дверью хлопать я бы все равно не стала!

Вот и поговори с ней!

— Хорошо, пускай не стала бы, — сказал Степан. — Дело не в этом. Собаку я отдал? Отдал.

— Подумаешь, героический поступок! — сказала Саша.

— Героический или не героический, а меня из-за этой собаки из команды отчислили.

— Раз отчислили, значит, знали за что.

Нет, так разговора не получится. Надо что-то такое придумать, чтобы она злиться перестала.

— Между прочим, Белкина, — сказал Степан, — я тебя с утра сегодня разыскиваю. Я перед тобой извиниться хочу.

У Саши от удивления еле очки на носу удержались.

— Врешь! — сказала Саша.

— Не вру. Я же дверью хлопал? Вот и извиняюсь.

Тут она, конечно, растаяла. Девчонка — что с нее взять? Степан заторопился.

— Ты где адрес взяла?

— От объявления оторвала.

— А где объявление прочла?

— Там, где я его и повесила.

— Кто тебе дал объявление?

— Этот мальчик с больной ногой...

— Филипп?

— Да.

— А как ты его нашла?

— Шла за пуделем.

— Все ясно!

— Ничего мне не ясно!

— Эх ты! — сказал Степан. — А еще книжки читаешь! Шерлока Холмса тоже, наверное, читала?

— Не понимаю, при чем тут Шерлок Холмс?

— Не понимаешь? Тогда послушай одну историю.

И Степан слово в слово повторил Белкиной рассказ Владимира Петровича про пограничную овчарку и ее проводника Думбадзе.

— Постой, постой... — сказала Саша, сняла очки и протерла незаклееное стеклышко.

— Нечего стоять, бежим к объявлению! — сказал Степан.

От пустыря до школы было рукой подать. Объявление висело на своем месте, на столбе, только дождь слегка размыл на нем некоторые буквы, да еще — из десяти нарезанных ножницами язычков с адресом Филиппа осталось только два.

— Не может быть! — сказала Саша.

— Очень просто! — сказал Степан. — Он, понимаешь, лежит целыми днями один, ему ужас как скучно. Он отпускает собаку. Собака на улице знакомится с ребятами, показывает им свои фокусы, день-другой живет у каждого, с кем познакомилась, а потом — либо сама приводит ребят к нему в гости, либо они ее приводят — по объявлению. И Филиппу есть с кем поболтать...

— Степка, знаешь, что это значит? — сказала Саша.

— Знаю. Это значит, что Арто — необыкновенная собака. Она приводит людей на выручку к своему хозяину...

— Нет, — сказала Саша. — Это значит, что мы с тобой — необыкновенные свиньи.

— Почему?

— Почему? А ты хоть раз зашел к нему, к Филиппу, с тех пор как собаку вернул?

— Нет.

— И я — нет, — сказала Саша.

И тут Степан хлопнул себя рукой по лбу.

— Никудышный я Шерлок Холмс, Белкина! Бежим к нему, он ведь в нашем классе учится!

— Как в нашем классе?

— Очень просто. Я его фамилию знаю. Гарри — его фамилия.

На полдороге Белкина запыхалась, и они перешли на быстрый шаг.

— Ой, я крышку от объектива потеряла! — сказала вдруг Саша и остановилась. Степан тоже остановился.

— Пойдем назад? — спросил Степан.

— Не стоит! — вздохнула Саша. — Разве ее найдешь в листьях?

Листьев, и в самом деле, нападало с деревьев немало, но если бы Саша и Степан все же решили вернуться и дошли бы до школы, до того столба, на котором висело объявление, они бы увидели, как из-за угла школы вышел Дрюля, огляделся по сторонам и сорвал объявление...

— Все верно, — сказал Филипп, — честное слово, мне стыдно, но вы угадали.

— Ладно тебе!

— Если кому и должно быть стыдно, так это нам, — сказала Саша. — Но неужели ты не мог просто сказать, что тебе скучно и чтобы мы заходили? — сказала Саша.

— Вот именно! — сказал Степан.

Филипп поднял глаза и посмотрел сперва на Степана, потом на Сашу.

— А вы очень любите жаловаться?

Степан промолчал. Он вспомнил, как, уходя от Филиппа в прошлый раз, обещал заходить.

И Белкина, похоже, что-то вспомнила, потому что покраснела.

— А я скажу так: это блеск, что мы все, оказывается, в одном классе! — сказал Филипп.

— Блеск! — сказала Саша. Она стояла за кроватью Филиппа и рассматривала на стене фотографии. Их было много, и на всех клоуны. Олега Попова и Юрия Никулина Саша узнала сразу, остальные были ей незнакомы.

— Это кто? — спросила Саша. Филипп обернулся.

— Это Глупышкин, первый клоун экрана. По-настоящему его звали Андре Дид.

— А эти двое? — спросил Степан.

— Пат и Паташон.

— Твои родители тоже клоуны?

— Нет, они акробаты.

— Почему же здесь нет ни одного акробата?

— Во-первых, — сказал Филипп, — я хочу стать клоуном. А во-вторых, клоун должен быть первоклассным акробатом.

— Ты и пуделя для цирка дрессируешь? — спросила Саша.

Филипп вдруг помрачнел.

— Артошки третий день нет. Боюсь я за него...

Глава 9.

ЭЙ, ВРАТАРЬ, ГОТОВЬСЯ К БОЮ!

И снова последним уроком было рисование. Но еще перед первым уроком в коридоре к Степану подошел Юрка Котов.

— А еще друг называется! — сказал Юрка и стал орать на Степана, почему, мол, тот молчал, когда его из команды выгоняли, неужели трудно было сразу ему, Юрке, все рассказать?

Оказывается, уже все знают про пуделя. У Степана сразу поднялось настроение. И весь день, на всех уроках было отличное настроение, только от рисования Степан ожидал неприятностей из-за пририсованной ручки.

Но и на рисовании все вышло к лучшему.

— Что касается работы Кострова, — сказала Лариса Леонидовна, — то его рисунок натолкнул меня на интересную мысль. Взгляните, ребята... — тут она подняла альбом и показала всем рисунок Степана, — взгляните и скажите, чем работа Кострова отличается от всех остальных?

— Он ручку нарисовал, — заметила Балакина.

— А на самом деле никакой ручки не было, — вспомнила Людочка Федосеева.

— Правильно! — сказала Лариса Леонидовна. — Костров дал волю воображению, представил себе, какой могла быть ручка у кувшина, и нарисовал ее. Молодец, Степа!

И с этими словами Лариса Леонидовна поставила на стол картонную коробку, а на коробку — фарфоровый чайник с отбитой ручкой и отломанным носиком.

— Работа Кострова натолкнула меня на мысль дать вам сегодня, ребята, этюд на воображение. Каждый должен пририсовать к этому чайнику носик, самостоятельно выбрав его форму и величину.

И верно говорят: нет худа без добра! Не поссорься тогда Степан с ребятами — стал бы он за здорово живешь ручки к кувшинам при-

рисовывать? Однако пририсовал, и вышло, что не зря! Не зря-то не зря, а раз на раз не приходится. Чайник упорно не получался у Степана. Особенно трудно стало думать о чайнике после того, как прочел записку: «После уроков тренировка. Кеды взял? Сергей». И когда прозвенел звонок, в альбоме у Степана было какое-то чудо-юдо, не то громадная некрасивая картофелина, не то краб с отдавленными клешнями. Но уж никак не чайник. «Два с двумя минусами», — подумал Степан, с легким сердцем захлопывая альбом. Видно, ничто не может испортить человеку настроение в такой день.

Денок выдался на славу, прямо летний...

— А, голкипер экстра-класса! — приветствовал Степана Владимир Петрович. — Ну как, сделал выводы?

— Сделал, — сказал Степан и побежал в ворота.

— Ты куда?

— А что?

— А то, — сказал Владимир Петрович. — Класс команды зависит от степени общефизической подготовки. Все сделают сейчас три круга по беговой дорожке с ускорениями. Ускорения — по моей команде на пределе сил. На старт! Внимание! Марш!

И пошла тренировка, такая тренировочка — прямо как в команде мастеров! После ускорений Владимир Петрович разбил всех на пары и дал команду отжиматься от земли. Один держит другого за ноги, и тот отжимается, а потом оба меняются местами и все сначала, и кто больше раз отожмет. Потом — бег с резкой переменой направления: Владимир Петрович бежит впереди, а за ним гуськом — команда. Владимир Петрович резко свернет влево, и все — влево, а он уже бросился вправо, и все — вправо, а он уже бежит назад, и

все — назад. Да еще, пробегая под воротами, нужно подпрыгнуть как можно выше и попытаться рукой достать верхнюю планку.

Наконец, разминка окончилась. Владимир Петрович вытряхнул из сетки восемь мячей, не каких-нибудь, а настоящих футбольных, и сказал:

— Сегодня делаем упор на игру головой. — И стал показывать, как правильно принимать мяч «на голову» и точно отдавать его партнеру. И снова все разбилось на пары и целых двадцать минут играли только головой, пока Владимир Петрович не сказал: «Стоп! Играем в салочки!» Оказывается, даже взрослые футболисты на тренировках в салочки играют, такая это полезная игра.

Потом был пятиминутный перерыв, а после перерыва — игра в двое ворот, два тайма по двадцать минут. А после игры Владимир Петрович снова разбил всех на пары и дал команду отрабатывать остановку мяча на скорости. А Степану сказал: «Идем, вратарь, постукаем».

И началась по всем правилам вратарская индивидуальная тренировка. Такая, что через десять минут у Степана в глазах зарябило, а через пятнадцать он уже еле дышал. И когда Владимир Петрович в который уже раз сильно пробил в левый угол, Степан не бросился за мячом, а только сделал вид, что бросился, и растянулся на земле.

— Так, — сказал Владимир Петрович. — Ты почему же его не ловил?

Степану стыдно было сказать, что он устал, и он промолчал.

— Не хочешь сказать? Так я сам тебе скажу: ты его не ловил, потому что испугался. «Трусоват был Ваня бедный». Вот почему.

— Чего это я испугался? — сказал Степан, поднимаясь с земли.

— Как чего — работы! Тебе, наверное, показалось, что ты устал. Так?

— Так, — нехотя сказал Степан.

— Так вот, имей в виду, что это тебе только показалось. А на самом деле ты свеж и полон сил. Понял?

— Понял...

— Раз понял, становись и лови.

И еще пятнадцать минут, которые показались Степану часом, он бросался и ловил, и если пропускал, то кричал: «Такую же дай-

tel», и снова бросался, изо всех сил отталкиваясь от земли ногами, распластываясь в воздухе, то и дело утирая лицо рукавом футболки, перепачканной в земле и уже насквозь мокрой...

— Стоп! — сказал Владимир Петрович. — Силенки-то, оказывается, есть!

— Еще! — сказал Степан.

— Нет, брат, отдохни, попрыгай.

И Степан пошел на беговую дорожку, разводя руками, чтобы глубже дышалось. А потом побежал трусцой и пробежал целых полтора круга и, только когда успокоилось сердце, понял, до чего устал. Но гораздо сильнее усталости было упрямое и веселое чувство, которое Степан обнаружил в себе после слов Владимира Петровича о том, что есть у него, у Степана, силенки!

Тем временем ребята опять начали игру в двое ворот: в одни встал Сергей, в другие — Владимир Петрович, и Степан, отдышавшись, попросился в команду к Сергею, в нападение. Очень ему хотелось забить Владимиру Петровичу гол. Но Владимир Петрович дважды взял мяч после его ударов, а третий мяч, как назло, прошел мимо! Тут вскоре и тренировка закончилась.

— Что, Степа, устал? — спросил Владимир Петрович, когда Степан, красный и взъерошенный после душа, зашнуровывал в раздевалке башмаки. — То-то, брат! В воротах стойки стоят, а вратарь работает!

— Я разве против?

— Кстати, — сказал Владимир Петрович. — Помнишь, ты мне про собаку рассказывал?

— Помню. А что? — встрепенулся Степан.

— Да так... Заявление ко мне поступило. От воспитательницы детсада. Странное заявление. Какая-то собака черной масти, порода не установлена, стащила корзину с игрушками. Только что воспитательница купила игрушки, да, видно, остановилась поболтать с подружкой, корзину поставила на асфальт. А собака — тут как тут!

— Зачем же собаке игрушки? — спросил Юрка Котов. Он только что вышел из душа и стоял в одних трусах.

— То-то и оно, что ни к чему ей игрушки, — нахмурился Владимир Петрович.

Степан задумался. И решил, что прежде всего надо повидать Белкину.

Глава 10.

БЕГ

— Вот кто он такой, Филипп Гарри из нашего класса! — закончил свою речь Степан. — А теперь, Белкина, рассказывай ты.

— Ну, он дает! — сказал Юрка Котов, который сначала орал, что не стоит из-за какого-то новенького оставаться после уроков.

— Мне выйти к доске? — спросила Саша.

— Все равно, — сказал Степан.

— Я лучше с места, — и Саша начала рассказывать, заикаясь от возмущения. Степан строгал палочку: он эту историю уже знал наизусть.

Саша шла по улице и вдруг увидела, что из калитки своего дома вышел Дрюля, насвистывая, приколотил к калитке какую-то дощечку и ушел обратно во двор. Саша подошла к калитке и прочла: «Осторожно! Во дворе злая собака!» В качестве иллюстрации был приклеен портрет тигра Пурша из старого журнала.

Поскольку Саша отлично знала, что никакой собаки у Дрюли нет, она собралась уже было идти дальше своей дорогой, но тут из-за глухого забора послышался жалобный собачий визг. Тогда Саша нашла в заборе щель, сняла очки, прижмурила правый глаз и левым заглянула во двор.

Прежде всего в поле ее зрения попало крыльцо. На крыльце рядом сидели плюшевые медведи, куклы, стояли матрешки и негритята, лежали «тещины языки» и сморщенные шарики «уйди-уйди».

Постепенно всю эту картину закрывал надуваемый розовый шар. Когда шар надулся до невероятных размеров, рука ткнула в него горячей сигаретой с золотым ободком, шар лопнул, и развлекающийся таким образом Дрюля захохотал.

Саша посмотрела в другую сторону и увидела только что сколоченную собачью будку. Вдруг из будки вышел... Арто! По земле за ним волочилась цепь.

— Вот и все, — сказала Саша и села.

— Нет, еще не все, — сказал Степан. — Я еще могу сказать, откуда у него детские игрушки.

— Знаю! — крикнул Юрка Котов. — Владимир Петрович после тренировки говорил! Скажи им, Степка, скажи!

И Степан повторил рассказ Владимира Петровича про воспитательницу детского сада. После его рассказа в классе на несколько секунд установилась полная тишина.

— Вот гад! — сказал, наконец, кто-то.

— Итак, — сказал Сергей, — ставлю на обсуждение один вопрос: что будем делать?

На другой день после уроков волновался Степан прямо как перед ответственной игрой. Хотя все было готово: плакат нарисован, плоскогубцы — в кармане. И все, наверное, тоже волновались, но никто не показывал виду.

Собрались в три часа ноль-ноль минут в переулке за углом Дрюлиного дома.

Кадомцев отправился на свою точку, за

угол овощехранилища, а Сергей повернулся к Степану:

— Вам с Белкиной, между прочим, задание самое ответственное.

— Знаю, — сказал Степан. Саша сняла очки и, в который уже раз, протерла стеклышко.

— Держи плоскогубцы, — сказал Степан. — Скобку-то сможешь вырвать?

— Я тренировалась.

— Идет! — шепотом крикнул Женька Гришин. Он держал под наблюдением улицу.

— Пошли и мы, — спокойно сказал Сергей.

Сергей с Женькой подняли за две ручки плакат и вышли из-за угла. За ними все остальные.

Степан присел на корточки, и Белкина взобралась ему на плечи.

Дрюля, насвистывая, шел по улице. И вдруг перестал насвистывать.

Навстречу ему двигалось шествие с плакатом. На плакате было изображено отвратительное страшилище с сигаретой. И написано крупными буквами: «ЭТО — ДРЮЛЯ».

— Ну!.. — проскрежетал Дрюля и выбросил сигарету.

— Дрюля-ходуля! — отчаянно крикнул Женька Гришин. — Вор!

И началось. Дрюля рванулся вперед.

В ту же секунду все бросились в разные стороны.

Дрюля устремился в погоню.

Забежав за угол овощехранилища, где уже давно ждал Кадомцев, Сергей быстро встал на четвереньки, а Женька спрятался за уступ стены...

Вылетев из-за угла, Дрюля не успел свернуть и полетел вверх тормашками через Сергея. И в ту же секунду Кадомцев заорал: «А-а-а-а!» — и бросился во все лопатки удирать через пустырь. Дрюля, весь в грязи, с ободранными в кровь руками — за ним...

Степан распрямылся — раз! — И Саша усе-лась верхом на забор.

— Спрыгнешь? — спросил Степан.

— Страшно! — сказала Саша, бросила вниз плоскогубцы. Два! — и исчезла за забором...

... Звеня обрывком цепочки, Арто спрыгнул с забора. Степан поймал цепочку и подтащил пуделя к углу. Из калитки вышла Саша, огляделась по сторонам и подбежала к Степану.

— Ну, теперь — ходу! — сказал Степан.

Улица, усыпанная желтыми листьями, летела под ноги Степану и Саше. Пудель несся скачками.

Сзади, издавая хриплые вопли, тяжело топал Дрюля.

Степан с пуделем и Саша впопыхах пропустили нужный проходной двор и вылетели на

пляж. Увязая в песке, они бежали мимо лодок, вытасненных из воды, мимо заколоченных киосков, душевых кабинок и фонтанчиков для питья. На пляже не было ни одного человека. И дороги дальше тоже не было.

И вдруг они увидели под одним из грибков аккуратно расстеленную газету «Советский спорт». А на ней — не менее аккуратно сложенные брюки, китель и фуражку.

Владимир Петрович вынырнул из воды метрах в двадцати от берега и стремительно поплыл кролем.

— Собак воровать, шпана! — прохрипел Дрюля, вырывая у Степана цепь.

— Спокойно, граждане! — выходя из воды, сказал Владимир Петрович. И повернулся к Дрюле: — Так это, выходит, твоя собака?

— Твоя, что ли? — огрызнулся тот, не выпуская цепочку из рук. И только в этот момент увидел, с кем говорит. Глаза у Дрюли вытаращились, а рот сам собой открылся.

На голове у Владимира Петровича красовалась милицейская фуражка!

Глава 11.

ПУСТЬ ПОБЕДИТ СИЛЬНЕЙШИЙ!

Так закончилась эта история.

Если же кому-нибудь интересно, что было дальше, то дальше было вот что.

Филипп очень обрадовался, когда ребята всем классом, вместе с Владимиром Петровичем пришли к нему и привели с собой Арто.

Вскоре доктор разрешил Филиппу ходить, правда, с костылем и палочкой, и он появился в классе.

Нечего и говорить о том, что вскоре Филипп, Саша и Степан стали неразлучными друзьями.

Пока родители Филиппа не вернулись из своей гастрольной поездки, Филиппу не с кем было оставлять пуделя дома. Арто провожал его в школу и дожидаясь конца уроков в вестибюле.

А после уроков пудель ходил вместе с ребятами на тренировки, но никогда больше не выбегал на поле без разрешения.

Тренировались ребята изо всех сил, и в один прекрасный день Владимир Петрович предложил заявить сборную пятых классов для участия в турнире «Кожаный мяч». Это предложение было

встречено дружным «ура!». Все решили тренироваться еще лучше и ни в коем случае не хватать троек, потому что получивший тройку тем самым ослабляет команду: он ведь не имеет права участвовать в игре!

Что же касается названия команды, то тут предложений было много: «Метеор», «Звездочка», «Факел», «Спартак», «Динамо», даже «СКА-Ростов-на-Дону».

А Степан предложил назвать команду «Черный пудель», в честь Арто. Все стали над ним смеяться и спорить, но Владимир Петрович сказал, что пудель действительно проявил себя как настоящий верный друг, когда его хозяин попал в беду, и предложил назвать команду «Верность». И еще предложил брать с собой пуделя на каждую игру. На том и порешили.

Команда «Верность» выиграла свой первый календарный матч и продолжает турнир. И если команда вашей школы, ребята, тоже участвует в соревновании на приз «Кожаного мяча», очень может быть, что жребий сведет вас на одном поле.

Что ж, пусть победит сильнейший!

ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА ТОПИ-СТИКА

в зарисовках и отрывках из дневника, с комментариями
В. Мельникова

В его школьных тетрадках, рядом с задачками по арифметике и упражнениями по русскому языку, красовались рисунки парусников, катеров и линкоров.

Он даже попытался написать роман о некоем капитане Топи-Стике, совершавшем кругосветное плавание. Роман не получился, а кличка «капитан Топи-Стик» привязалась к Юрию Правикову.

С седьмого класса он стал заниматься в яхт-клубе. Успел сдать зачет на рулевого, выходил в Финский залив на тренировки. Грянула война, и он записался добровольцем в военные моряки.

Их было двенадцать, землевозных паровых шаланд, закупленных в Германии перед войною, каждая водоизмещением в тысячу тонн, длиной метров шестьдесят—семьдесят, а в ширину пятнадцать—шестнадцать.

На них поставили пушки и зенитки — получились плавучие артиллерийские батареи.

Двенадцать бывших паровых шаланд, превращенных наскоро в канонерские лодки, должны были составить ядро Ладожской военной флотилии, защищать Ленинград с севера.

Но случилось так, что восемь канлодок успели пройти в Ладожское озеро, а четыре не успели. Немецкие войска вышли к берегам Невы и перерезали путь. Осталась в Ленинграде и «Зея».

«Зея» заняла позицию у Невского лесопарка и стреляла по фашистам, стоявшим под Колпином, Пушкином, Ивановскими порогами и Шлисельбургом.

Приближалась лютая блокадная зима.

„20 сентября 1941 года. Мне повезло. Попал на „коробку“. Правда, ее еще надо вооружить, но все равно, это будет боевой корабль „Зея“.

„29 сентября. С сегодняшнего дня я настоящий военный моряк. Принял присягу. Назначен к зенитному орудью подавать снаряды.

30 сентября. Выходим в первый боевой поход на Ладогу“.

„Вот уже и декабрь прошел потихоньку. Только почему-то нет писем из дому. Я очень беспокоюсь“.

Однажды он отпросился у командира навестить родных. В крохотном узелке — хлеб и сахар, сэкономленные от скудного матросского пайка. До центра города пришлось двадцать километров идти пешком. Дверь в квартиру была распахнута. На его голос никто не отозвался, в спальне он увидел свою мать.

Не пригодились узелок с хлебом. Встреча с родными превратилась в похороны.

Он вернулся на «Зею». Но приобретенные в школе химиков знания не пришлось применить. Его снова назначили к орудию.

«Зея» вела контрбатареиную борьбу с немецкими дальнобойщиками.

Возле берега было мелко, и «Зея» не могла к нему подойти. Поэтому между берегом и кораблем были поставлены две баржи, скрепленные канатами между собой.

Вражеские снаряды стали рваться совсем близко. Недолет, перелет, — казалось, внесут немецкие артиллеристы небольшую поправку в прицел — и тяжелые снаряды накроют канлодку.

Но этого не произошло.

Командир «Зеи» скомандовал: «Средний назад! Полный назад!» — и «Зея», рванувшись, сорвала баржи с приколов, потащила их за собой на середину Невы. Она вовремя вышла из-под удара. Следующий залп дальнобойной немецкой артиллерии угодил как раз туда, где «Зея» стояла только что.

„26 апреля 1942 года. Меня послали учиться на специалиста-химика. Нахожусь в городе Кронштадте. Паек получаем по второй норме. В столовой и кубриках холодно.“

30 апреля. Провели сбор денег в фонд помощи детям, родители которых погибли. Я внес сразу восемнадцать рублей.

Был аврал. Меня назначили убирать кубрик комсостава. Измучился, как черт, а ведь работы кот наплакал! Я удивился, насколько ослаб.

7 мая. Настала моя очередь идти в наряд по кухне. Ночь провел возле плиты, положив шинель под голову. Так приятно поспать возле горячей плиты, просто благодать!

19 мая. Лёжу в лазарете. От недостатка витамина „С“ образовались опухоли под коленками. Не мог ходить в строю. Лазаретный паек хороший. Дают белую булку — 50 г и 20 г масла.

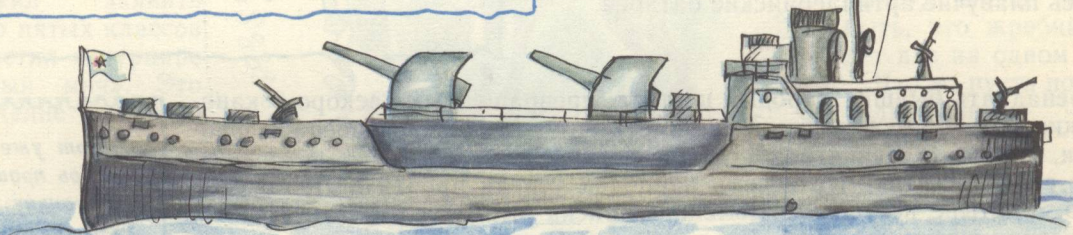
26 августа. Кончился последний экзамен. Ну, я рубанул. Начал крыть все сразу, без запинки, даже командир роты не стал задавать дополнительных вопросов.

2 сентября. Говорят, направят в Ленинград. Очень хорошо! Попасть бы опять на „Зею“.

„23 ноября. Заготовили много капусты и картошки. Капусту шинковали и засаливали в бочки. При уборке капусты съел много кочерыжек. Мировые кочерыжки, вкусные!“

10 января 1943 года. Коммунистов и комсомольцев пригласили в кают-компанию. Говорил комиссар. Он сказал, что войска фронта готовятся к прорыву блокады Ленинграда. Корабли будут поддерживать их огнем. Партийных и комсомольцев собрали для того, чтобы мы разъясняли задачу беспартийным.

12 января. Утром, после учебной тревоги, сыграли большой сбор. Командир объявил, что сегодняшний день явится днем начала прорыва блокады и освобождения Ленинграда из вражеского кольца.

Нам предстоит драться за это. Будем вести огонь несмотря ни на что.

Начали стрелять все корабли и батареи. Стреляли с утра до одиннадцати часов. Обедали на боевых постах. Опять стреляли до

трех часов. Говорят, наша пехота пошла вперед. За стрельбу выпустили 220 снарядов.

16 января. Стреляли всю. Стреляли целый день. Потом грузили снаряды в погреба. Я работал на подаче снарядов“.

Блокада была прорвана, но не снята. Бои продолжались. Продолжались и фронтные будни «Зеи».

«Зея» не однажды меняла огневые позиции. Матросы надежно ее укрыли маскировочными сетями и бревнами, сделали неотличимой от соседнего лесосклада. С воздуха канонерка была незаметна. Если приходилось стрелять, матросы выскакивали на лед, ломиками и пешнями обрубали лед вокруг корабля, чтобы во время стрельбы корпус «Зеи» не был поврежден о лед. Ведь «Зея» не имела толстой брони на своих бортах!

Проходил месяц за месяцем. Матрос Юрий Правиков возмужал, накопил боевой опыт. Наступила зима сорок четвертого года. Снова январь.

Войска 2-й ударной армии гнали немцев на юг от Ленинграда. Конец блокаде, но корабли оставались в Неве, скованной льдом.

Весной привезли на «Зею» гирокомпас, прибор, необходимый в плаваниях по морям, большим озерам и заливам.

— Предстоит поход! — твердо заявили бывалые матросы.

Штурман канлодки Иванов однажды застал Правикова за изучением гирокомпаса: «Хочешь быть штурманским электриком? Похвально!»

И вскоре Иванов заявил командиру «Зеи»: «У меня есть свой штурманский электрик, Правиков. Хоть сейчас примайте экзамен!»

В августе тысяча девятьсот сорок четвертого года из отряда кораблей реки Невы образовали бригаду шхерных кораблей Краснознаменного Балтийского флота, в которую вошли канлодки «Зея», «Волга», «Кама», «Буря» и корабли сопровождения: тральщики, бронекатера, торпедные катера.

Бригада шхерных кораблей — БШК — получила приказ: выйти в район Лужской губы для поддержки наземных войск огнем орудий.

„15 января останется навсегда в памяти. С утра начали стрельбу по фашистским укреплениям. Береговые батареи начали стрелять еще ночью. Вслед за нами начал стрелять „Опытный“. Долбали фашистов до обеда. Бесперывно летают наши самолеты. Ночью немецкий самолет попался в наши прожектора. Ему не удалось уйти.

19 января. Сообщили о наступлении по всему фронту. К обеду получили известия о взятии Дудергофа и Красного Села.

23 января. Приехали шefфы. В клубе танцы. Я научился понемногу танцевать. Ноги сами так и ходят.

25 января. Привезли кинокартину „Моя любовь“.

Спешу посмотреть хотя бы конец ее...“

„20 августа. Море спокойно. Сквозь облака ласково пробивается солнце. Не верится даже, что вокруг идет война, хотя на каждом шагу подстерегает смерть. Море кишит минами. Нашу

„Зею“ охраняют тральщики и катера. Тральщики протравливают проходы. Мы тихим ходом следуем за ними на почтительном расстоянии.

28 августа. Ну вот, в эти дни было много дел. Встали в устье реки Луги, к пирсу бывшего рыбокомбината. Всюду следы войны. Едва пришвартовались, командир послал матросов, свободных от вахт, в лес за ветками, чтобы замаскировать „Зею“. Вскоре „Зея“ превратилась в зеленый остров. Мы замаскированы хорошо.

30 августа. Дальномерщики и сигнальщики

доложили, что над лесом появилось много немецких самолетов.

...„Юнкерсы“ летят плотным строем. И начали пинировать на наши торпедные катера. Тут „Зея“ стала стрелять из орудий главного калибра. Стреляли залпом из обоих орудий. Мне удалось посмотреть в стереотрубу. Видел черные клубы разрывов, и среди них кувыркаются фашистские самолеты. Позже катерники передали по радио, что наши залпы сорвали фрицам бомбежку. Они благодарили нас за помощь. Ни одна бомба не попала в цель“.

Через несколько дней БШК было приказано выйти в район Таллинского морского оборонительного района. «Зея», «Буря», «Кама» и «Волга» переправляли на острова Мухомао и Эзель бойцов, боеприпасы и технику.

Немецкие подводные лодки постоянно охотились за «Зеей»: ведь она была флагманским судном бригады.

Однажды командир «Зеи» увидел в непосредственной близости перископ. Отдавать команду — значит потерять несколько драгоценных минут. Подводная лодка может выпустить торпеды, и тогда гибель. Командир припал к автоматической пушке, находившейся на мостике. Перископ убрался, и подлодка больше не показывалась.

В другой раз наблюдатели заметили два буруна от торпед, стремительно приближавшихся к «Зее». И снова командир принял единственно правильное решение. Он бросился к рулевому в рубку и вдвоем они круто повернули штурвал. «Зея» развернулась на девяносто градусов. Две торпеды прошли возле самого борта, на глазах всей команды врезались в берег и взорвались. Матросы облегченно вздохнули: «Пронесло!»

Уклониться от боя наши канонерские лодки не могли, гитлеровские легкие миноносцы типа «ягуар» отличались большим ходом.

Капитан-лейтенант Блохин командовал по реву. Это значит, что командоры, сделав расчеты, ждали сигнала: заревет реву — открывай огонь. То же самое делалось на канлодке «Волга». «Ягуары» осыпали градом снарядов наши корабли, но попасть не могли — нервничали и мазали. Вспенилась вода от разрывов за бортами «Зеи», у кормы ее, у носа, но командир канлодки упрямо маневрировал, уклоняясь от прямых попаданий. И в то же время артиллеристы «Зеи» старались взять немецкий корабль в вилку, и, наконец, раздалась команда: «Беглым, тремя снарядами, огонь!»

Над «ягуаром» взметнулось облако дыма. Миноносец загорелся.

И вот настало 9 мая 1945 года. День Победы.

День Победы «Зея» встретила в Кронштадте, в ремонте, и в строй ей возвращаться не пришлось: «Зею» «демобилизовали», разоружили, и она вновь стала тихоходной паровой шаландой для перевозки сыпучих грузов. Сегодня она бороздит лазурные воды Черного моря, а на ее рубке красуется мемориальная доска с рассказом о ее славном боевом пути.

Так закончилось плавание капитана Топи-Стика. Кругосветного путешествия не было, пиратов и дикарей — тоже. Но был настоящий боевой корабль, и опасный поход, и смертельный бой с фашистами, — бой, в котором среди многих-многих рядовых солдат и матросов участвовал и ленинградец Юра (ныне — Юрий Александрович) Правиков.

„18 ноября. Дальномерщики доложили, что на горизонте четыре немецких „ягуара“. Сыграли боевую тревогу. К орудиям подали большое количество снарядов. „Зея“ и „Волга“ приняли бой“.

„По нубрикам ходил комиссар Васильев и поздравлял. У нас приподнятое настроение. Потопили фрица! Ура!!!“

Рано приходит КОСТЯ ТЕРКИН в редакцию. Приходит — и сразу к письмам. Обычно на столе у него целый ворох корреспонденции из разных уголков нашей страны.

В апрельской страничке КОСТЯ ТЕРКИН сообщил адреса ребят, которые чаще всех пишут ему, умеют рассказать подробно и толково о новостях школьной жизни, задают интересные вопросы...

Костя продолжает разговор со своими постоянными корреспондентами.

«Я учусь в средней школе № 2 в городе Новозыбкове. Класс наш не очень дружный, но все-таки не хуже других восьмых классов. Мы заняли второе место в школе по успеваемости. Зимой поедem на экскурсию в Киев: это награда за хорошую учебу.

Я очень люблю свой отряд, мне кажется, что и меня любят. Несколько раз была председателем отряда. Люблю вести пионерские дела...»

ЕЛЕНА А., Брянская обл.,

г. Новозыбков, ул. Садовая, 41 „б“, кв. 38

КОСТЯ ТЕРКИН:

— Радостно получать такие письма: Лена любит свой отряд, пионерские дела идут хорошо. Только вот как же вы собираетесь сплотить класс? Расскажи нам об этом!

«Мое любимое занятие быть рядом с малышами. Когда я не успеваю к ним, они обижаются...»

Я очень люблю ребят, поэтому работаю вожатой во втором «в» классе. Сейчас мы готовим «Красную шапочку» для нашего кукольного театра.

НИНА ШАМОНИНА,

г. Уфа, пр. Октября, 123, кв. 7.

КОСТЯ ТЕРКИН:

— Хорошо знает Нина законы юных пионеров и особенно вот этот: «Пионер — друг и вожак октябрят!»

«Во время каникул — и летних, и зимних — мы всегда помогаем лесничеству. Летом работали в питомнике, ухаживали за саженцами. В подшефном совхозе убирали сено...»

ЛЮДА ДУДИНА, Костромская обл.,

Парфеньевский район, пос. Вохтома

КОСТЯ ТЕРКИН:

— Ты выручила меня, Люда! Тем, кто не знает, чем заняться в каникулы, напишу так: «Конечно, надо ходить на каток, в кино, на праздник елки, но можно найти и полезные дела. Стоит только захотеть!»

«Пишу тебе, КОСТЯ ТЕРКИН, впервые. Первый год читаю «Костер».

Живу я в деревне. Природа у нас чудесная, воздух свежий. Наши ребята любят спорт. Я, например, летом научилась плавать... Вообще ребята наши хорошие. Что у нас хорошо? Ребята берегут книги. Книжный магазин далеко, за тридцать километров. Иногда приходится учебники брать у старших. Учебники как новые, можно еще не один год учиться по ним».

ОЛЯ МАЦАК, Белгородская обл.,

Волоконовский район, Тишанский сельсовет, хутор Новый

КОСТЯ ТЕРКИН:

— Очень приятно узнать, что среди твоих одноклассников, Оля, есть друзья книги. Думаю, что твоим рассказом заинтересуются читатели журнала и напишут тебе по твоему адресу.

«Три класса в нашей школе стали правофланговыми. И наш отряд тоже. Нас сфотографировали и наградили грамотами».

МАВЛЮДА МАХМУДОВА, Ташкентская обл.,

пос. Янгйбазар, школа № 7 им. В. И. Ленина

КОСТЯ ТЕРКИН:

— В марше «Всегда готов!» участвует каждый пионерский отряд, каждая пионерская дружина. Правофланговые — лучшие из лучших. Расскажи, пожалуйста, Мавлюда, как вы готовитесь отмечать 50-летие пионерской организации. Ваш опыт, конечно, заинтересует читателей журнала.

«Я дружу и переписываюсь с девочкой из ГДР. Соня Эльтер — так зовут мою подругу — учится в школе № 45 города Лейпцига. Ее одноклассники дружат и переписываются с советскими ребятами из разных городов и сел.

По просьбе Сони я послала ей красный пионерский галстук. В подарок получила — синий, галстук пионеров-тельманцев. Я очень рада каждому письму Сони...»

ИРА СИНЕВА,

Днепропетровск-7, пр. Пушкина, 1, кв. 58

КОСТЯ ТЕРКИН:

— Ира, передай привет своей подруге. Многие читатели журнала хотели бы подружиться с одноклассниками Сони: все хотят знать, как живут немецкие пионеры!

Вы все хорошо знакомы с художником Валентином Ивановичем Курдовым. Нет, не знакомы? А вспомните-ка хотя бы «Лесную газету» Виталия Бианки. Ред-

ко кто не знает этой книги. Так вот, рисунки к ней нарисовал Валентин Иванович.

С Виталием Бианки художника Курдова связывала долгая и крепкая дружба. Они вместе ездили в Новгородчину, охотились в лесах и болотах, наблюдали скрытую от человека жизнь зверей и птиц. Вот почему иллюстрации Курдова к «Лесной газете» и другим книгам В. Бианки так созвучны тексту; в них есть и точность изображения, и свой, параллельный авторскому, поэтический рассказ художника о тайнах леса, о радости, которую дарит нам живая природа: трепетная молодая листва под весенним солнцем, камыш, колеблемый ветром, крадущаяся лиса, вспорхнувшая птица...

И все это создано черными штрихами на белой бумаге. Это чудо, привычное чудо книги, к которому вы привыкаете с малых лет. А кто дарит вам это чудо? Не забывайте, — у детских книг всегда два автора: писатель и художник-иллюстратор.

Мастер книжной графики В. И. Курдов большой друг «Костра». Посмотрите на его обложку к четвертому номеру этого года: синее ясное небо, два кулика на оттаявшей черной земле, суeta и гомон скворцов и первая бабочка на пушистой зацветшей иве.

А вот обложка второго номера прошлого года: на огненных конях мчатся лихие всадники, мимо застывших на путях поездов, мимо брошенных орудий, сметающая врагов на своем пути. На «спинке» журнала леген-

Возможно, в этих местах замерзал когда-то герой русской народной песни — ямщик. Еще несколько лет назад здесь была «степь да степь кругом». А у дороги — асфальтированного шоссе — до сих пор стоит одинокая могила с крестом.

Но теперь на дороге этой обгоняют друг друга широкие автобусы фирмы «Икарус». Маршрут их непривычно звучит: «Город — заводы». В автобусе «Икарус» я услышал частушку:

Мы приехали в Тольятти,
Собираем «Жигули»,
Мы работаем, как черти,
И живем, как короли.

Эту частушку пели двое мужчин. — Ну, теперь-то уж вы не работаете, как черти, — отозвалась кондукторша. — по одежде видно. Вот год назад!..

Что было год назад, я не расслышал, так как двое запели вновь свою частушку.

Впервые фамилию Тольятти я услышал вскоре после войны. В тот год меня приняли в пионеры. Но в газете, к стыду своему, я еще не заглядывал. Я думал, что газеты читают лишь взрослые люди, в основном, мужчины, которые ходили еще во фронтовых шинелях да в ватниках.

И вдруг все старшие мальчишки нашего двора отбросили свои дозволенные и запретные игры и по-

шли слушать радио. А потом все вместе мы читали газету, которую каждый день наклеивали на стену нашего дома.

В Италии произошло покушение на вождя коммунистической партии Пальмиро Тольятти. Какой-то сумасшедший фашист выстрелил в него во время митинга.

А я-то думал, что наша никем непобедимая армия разгромила всех фашистов. Оказывается, остались еще. И они стреляют в наших любимых друзей.

— «Жизнь Пальмиро Тольятти в опасности», — читал Фимка.

Самый старший и самый длинный, он ходил в рваных ботинках, пальцы его постоянно торчали наружу, потому что Фимкины ноги росли быстро, а ботинок других не было.

Мы все стояли за его спиной, тянули головы к газете.

— Вылечат, — успокаивал нас Фимка. — Моя мать медсестрой была в госпитале. Главное, что пуля не попала в сердце...

Фимка был прав. Пальмиро Тольятти поправился после тяжелого ра-

нения и еще многие годы руководил всеми коммунистами Италии.

Я был взрослым, когда Тольятти не стало...

В память о нем маленький город, почти поселок, в Куйбышевской области назвали Тольятти.

Сейчас Тольятти — это город четырнадцатизэтажных зданий. Сейчас в Тольятти каждые две минуты съезжает с конвейера автомобиль «Жигули».

Пока вы читали этот очерк от начала до этого места, в Тольятти был полностью собран автомобиль.

Каждый город делят на «новый» и на «старый». Например, старому Ленинграду лет двести — двести пятьдесят. Новым районам — десять-пят-

Город назван

ТВОЕМ РИСУНКЕ

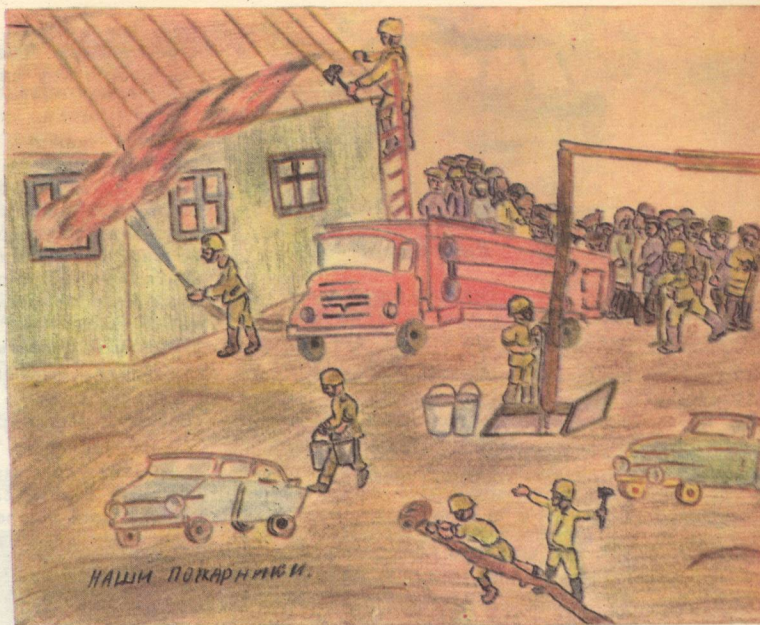
дарная тачанка. Кони изгибают могучие шеи, храпят и грызут удила. В этих рисунках запечатлена юность целого поколения и юность художника. Он не только видел красных кавалеристов, но и сам служил в конной артиллерии Красной Армии. Вот почему так убедительны и вдохновенны эти рисунки, так уверены и сильны буденновцы в краснозвездных шлемах, так неудержимо стремителен вихрь победы.

Мы попросили В. И. Курдова посмотреть многочисленные рисунки, присланные в редакцию «Костра» нашими читателями, юными художниками. Валентин Иванович судья строгий. Среди многих и многих работ он отобрал две достойные опубликования в «Костре».

«Все эти рисунки, — сказал он, — нравятся мне потому, что они показывают нам жизнь».

Вот Гена Терещенко из Краснодарского края нарисовал пожарников. Все верно подмечено, кто чем занят. Правдиво изображена толпа, которая стоит поодаль и удивляется, как точно и слаженно идет работа, где каждый занят своим делом.

А Саня Уманцева нарисовала работу ребят на колхозном току. Она зорко подметила то, что видела своими глазами и точно изобразила. Все верно, и ребята, вырывающие друг у друга метлу, и весовая, к которой подвозят зерно с полей, и гурты зерна на току, и зерносклады.

Художник всегда должен уметь замечать окружающую жизнь, и в этом заключается залог правды искусства».

«Завершить строительство Волжского автомобильного завода и связанных с ним предприятий и обеспечить ускоренное освоение их мощностей».

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы

ТОЛЬЯТТИ

**Валерий
Воскобойников**

надцать. Некоторым строениям старой Бухары больше тысячи лет. Старые и новые города непохожи друг на друга.

Каждый житель Тольятти тоже делит свой город на новый и на старый. Старому городу — четырнадцать лет. Новому — три, два и даже полгода. Но это уже город, и уже непохожий на старый. Он продолжает строиться.

«Дирекция строящегося Волжского Автозавода» — так написано на главном заводском здании. Чтобы все знали: не просто завода, а завода строящегося. Я написал «главное здание» и сразу подумал, что даже сам генеральный директор завода назвал бы, пожалуй, главным другое здание. Длина этого другого здания — полтора километра: три больших троллейбусных остановки. Ширина — восемьдесят метров. В нем поместятся центральные районы многих городов. Это здание главного конвейера и механо-сборочных производств автомобильного завода.

Когда я вышел на середину строящегося завода, то не увидел его краев. Они скрывались за линией горизонта.

В Тольятти некоторые рассказывают, как в первые дни работы они теряли свои участки, долго блуждали среди готовых фундаментов и металлических конструкций, с которых сыпались жгучие искры сварки. Один человек блуждал всю смену, пока нашел место своей работы.

Готов еще один автомобиль!

Иногда, когда пожилой человек чем-нибудь недоволен, он вздыхает и говорит негромко: «Не та пошла молодежь! Не та!» И соседи в троллейбусе его поддерживают.

Такое невозможно в Тольятти. В первых, почти нет пожилых людей. А во-вторых, молодежь здесь — именно «та».

Исследователи-социологи подсчитали, что средний возраст строителя в Тольятти — 23 года. Двадцатитрехлетние люди построили и полуторакилометровый цех, и вычислительный центр. И еще — детские сады, хлебозаводы, те улицы, по которым ходят троллейбусы. И еще завод синтетического каучука, химический азотно-туковый завод, завод ртутных выпрямителей, завод цементного машиностроения.

Приезжим трудно поверить, что все это построено молодыми людьми за три года. Среди приезжих был и американский миллиардер Генри Форд. Тот самый Форд, машины которого ходят по дорогам мимо африканских слонов, японских пагод, мимо австралийских фермеров и соборов Рима. Генри Форд, владелец огромных заводов, осматривал автомобильное производство в Тольятти внимательно. Трогал мудрые станки-автоматы, сидел в автомобиле, съехавшие с конвейера, заглянул в общежитие для рабочих, где, говорят, обследовал даже туалетные комнаты, походил по улицам, а потом сказал: «Нет».

Еще один!

— Нет, — сказал он, — даже моя компания за три года не способна сделать то, что строят эти молодые люди. Мне понадобилось бы лет десять.

«Тольятти — город комсомольскихстроек», — говорят указатели на всех дорогах.

Комсомольская стройка — это значит, что сюда по комсомольским путевкам съехались для работы лучшие люди страны. Комсомольская стройка — это значит, что по ночам спящие люди видят сны на сорока четырех языках. На одной койке — сон украинский, рядом — сон грузинский, рядом — сон татарский, рядом — русский.

На столе первого секретаря горкома комсомола высоченная пачка писем.

За день таких писем секретарь горкома может получить сто, двести.

«Дорогой неизвестный друг», — начинается одно.

«Многоуважаемый секретарь горкома», — обращается другое.

С разрешения секретаря я выписал несколько писем к себе в блокнот.

«Мы, выпускницы десятого «в» класса, мечтаем поехать к вам на комсомольскую стройку. Нас не пугают трудности, морозы, ветры и комары».

«Мы, военнослужащие Н-ской части, после окончания срока службы хотим работать у вас. Каждый из нас имеет несколько строительных спе-

И еще один

циальностей. Нас сорок семь человек».

«Я поняла, что жила неправильно, плохо, была эгоисткой. Я хочу поехать в ваш город, чтобы начать жить по-новому».

«Я — переводчик с английского. Жена моя — фотограф. Но, если на-

до, мы готовы обучиться любой строительной специальности, лишь бы работать у вас».

Почти каждый человек, который следит сейчас за работой механизмов в цехах, год-два назад был строителем. «Каждому автозаводцу — строительную специальность!» — эти лозунги висели на улицах. Школьники, врачи, водопроводчики, работники горкома комсомола и милиционеры выходили в воскресенье на «трудовые десанты».

Клади бетон. Работали на морозе. Работали, сколько нужно. Едва отспавшись, снова работали.

— Жизнь была непохожая, — рассказывает сегодня Михаил Груздев. — Я бы и сам не поверил. В первый день после работы сажусь в троллейбус, обмерзший, ватник в растворе, и вдруг весь троллейбус запекает: «Работа у нас такая». Едем по улицам и поем. Каждый день ездили на работу с песней.

Теперь Михаил Груздев — мастер, председатель цехового комитета цеха «Шасси-4». В председатели цехкома обычно выбирают самых уважаемых, самых пожилых людей. Таким

И еще

и оказался Михаил Груздев — ему двадцать восемь лет.

Сегодня многие строители носят медали и ордена. Монтажник Петр Прыгунов стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

Мне рассказывали случай, с виду негероический.

Бригада бетонщиков, проработав смену, оставила совсем молодого человека. Должен был прийти последний самосвал с раствором, и человеку полагалось его выгрузить. Все отправились спать. Самосвал пришел, человек его выгрузил. Но тут на соседний участок тоже пришла машина с бетоном. Людей там почему-то не было. За первой чужой машиной пришла вторая, третья. Человечек разгрузил и эти машины. Самосвалы подходили один за другим. Человек мог бы плюнуть и уйти. Смену свою он давно отработал, участок — чужой. Но, он знал, что если раствор оставить на ночь в самосвале, то раствор «схватится» и самосвал можно будет выбрасывать вместе с раствором. Когда утром бригада явилась на участок, все увидели шатающегося этого че-

ловека, он по-прежнему орудовал лопатой.

Анатолию Зарудному тридцать лет. Он бригадир лучшей комсомольско-молодежной бригады. Мы разговаривали с ним в пересменок. Разговаривая со мной, он одновременно давал советы и замечания своей бригаде.

И еще...

Жизнь Анатолия похожа на жизнь многих людей завода.

Он работал в Краснодаре инженером на заводе измерительных приборов. Было скучно: старая, дряхлая техника. Услышал о невиданных станках в Тольятти. Приехал по комсомольской путевке. Его взяли наладчиком. Только налаживать пока надо было жизнь. Сначала он строил дом в новом городе. Потом монтировал оборудование в соседнем цехе. Потом клал бетон в своем цехе. Потом монтировал оборудование в своем цехе. Так прошло два года. Через два года его, как и многих, отправили в Италию на стажировку. Там он учился работать на своем будущем оборудовании. В Тольятти у Анатолия Зарудного родился сын, Дима. Сыну сейчас полтора года. В бригаде Зарудного семнадцать человек. Все они обязательно чему-нибудь учатся, кто в заочном техникуме, кто в заочном институте, а кто — в Университете марксизма-ленинизма. При мне все они сговаривались поехать на воскресенье на вечер туристской песни. В бригаде есть даже свой мастер спорта — сам Анатолий. По метанию копья он несколько раз выступал на первенстве Поволжья.

Мудрые механизмы, работающие в цехах, сделали не только советские рабочие и инженеры. Из Италии, Чехословакии, Америки везли ящики с одинаковой требовательной надписью. Каждая страна выписывала ее

И еще!

на своем языке: «Верх, не кантовать!»

Нередко большие заводы строят десять-пятнадцать лет. Пока на них устанавливают оборудование, пока это оборудование испытывают и налаживают, оно устаревает. И приходится снова на несколько месяцев закрывать завод, чтобы обновить, модернизировать не работавшее еще оборудование.

Техника в Тольятти самая новейшая. На итальянских, английских и американских заводах пока только собираются вводить это оборудование.

Я привык, что в механических цехах стоят рядами токарные станки — токарный участок. Потом фрезерные станки. Потом строгальные. Когда же здесь, в цехе «Мотор-1», меня впервые подвели к автоматической линии, я растерялся. На многие метры растянулись соединенные друг с другом механизмы. Все они перемещаются, льется пеннистой молочной струей эмульсия, осыпается вниз стружка, и — ни одного человека. Механизмы работают сами. Я уже не удивлялся, что мастер этого цеха Владимир Холява выглядит молодо.

«Стыдно показывать свою растерянность перед механизмами, — думал я, — у меня ведь инженерное образование».

Но все-таки хорошо, что растерянность свою я проявил. Иначе мастер Владимир Холява не повел бы меня по всем углам автоматической

Восьмой

линии. Иначе не совали бы мы с ним головы в эти узлы, не лазали бы, где можно, и не перемазались бы в брызгах эмульсии и машинного масла. И тогда на всю жизнь я мог бы остаться растерявшимся человеком.

— В моем цехе рождается сердце автомобиля, — говорил Владимир Холява, — блок цилиндров. А еще делаем распределительный вал, колесный вал и другие детали.

Полазав час по автоматической линии, я уже многое понимал. Вот литевая заготовка входит еще только в линию. Пока что она всего-навсего алюминиевая болванка нужной формы. Сейчас ее схватят металлические зажимы, сделают промеры, передадут дальше. Затем с разных сторон в заготовку врежут фрезы. Снова промеры. Теперь заготовку перевернут, в нужных от-

верстиях нарежется резьба. Снова промер. В другие отверстия запресуются втулки, предварительно охлажденные в жидком азоте. Если в детали брак — механизм уберет ее в сторону. Если же произойдет что-то в самом механизме, загудит сирена, загорится сигнальная лампа. При мне сирена не гудела ни разу и механизмы работали расчетливо и точно.

Постепенно простая туповатая заготовка сама становится сложным механизмом. Она передается на линии другого цеха — «Мотор-2». Там к ней присоединяют новые детали и передают на конвейер цеха «Мотор-3».

Девятый

И вот только что испытанный, совсем готовый мотор, зажатый лапами, движется к главному конвейеру. А на главном конвейере ждет своей минуты собранный, но еще не оживший автомобиль.

— Совсем недавно праздновали рождение десятилетия мотора. Сменялись, аплодировали, пили шампанское. А на днях прошел девяностотысячный двигатель, и все к этому отнеслись спокойно, — удивлялись при мне в цехе «Мотор-3».

То, что я рассказывал сейчас о цехах, и многое другое, что не успел рассказать и увидеть, объединяется в механо-сборочное производство. И бригадир Анатолий Зарудный, и мастер Владимир Холява, и председатель цехкома Михаил Груздев, и еще шесть тысяч триста девяносто семь человек работают в этом производстве. Они собирают все основные узлы для автомобиля, который ползет в это время по главному конвейеру.

Главный конвейер. Это его показывают туристам, иностранцам, участникам велопробега Тюмень — Москва, министрам и корреспондентам. Это он растянулся на полтора километра. Это на нем может прозвучать команда: «Мастер двенадцатого участка, ко мне!» — и мастер сядет на велосипед, а потом будет долго ехать по цеху туда, куда его требуют.

Сначала, зажатые цепкими металлическими захватами, идут пустые крашенные автомобильные кузова. Внутри — сиденья, сбоку — двери, а

Десятый...

больше и нет ничего. Постепенно кузова обрастают деталями: шасси, передней подвеской, задним мостом. Красивые, очень молодые девушки закрепляют приборы. Наконец кузова награждаются и своим мотором. Теперь это уже автомобиль «Жигули». Но по-прежнему держат его над полом захваты. Пройдены полтора километра главного конвейера. Захваты опустили автомобиль на пол.

Сейчас же открывается дверь, садится за руль водитель. Автомобиль срывается с места, отъезжает от главного конвейера метров на тридцать.

Самых счастливых в Тольятти людей — водителей, которые первыми садятся в ожившую машину, трое. Это — Юрий Кузнецов, Александр Зудин и Иван Руднев. Им, как и многим в Тольятти, года по двадцать три.

Последняя моя встреча была неожиданной, но, как потом я понял, она обязательно должна была произойти. За две минуты до ухода междугородного автобуса Тольятти — Куйбышев я встретил Фимку. Того самого Фимку, который проходил послевоенные годы в рваных ботинках, того, который читал нам газету о ранении Пальмиро Тольятти.

Двух минут хватило, чтобы обняться, чтобы пересказать друг другу всю свою жизнь. Нечаянно я взглянул ему на ноги. Он был обут в шикарные итальянские полуботинки. Я заторопился подобрать свои запятые. Фимка, а теперь Ефим Павлович Кураев, тоже делает автомобиль.

— Скоро пустим вторую очередь, — сказал он мне, — завалим вас машинами. — И он показал на плакат: «Сделаем к концу пятилетки 2 миллиона 275 тысяч автомобилей».

Двух минут хватило лишь на то, чтобы снова проститься с Фимкой.

ЗА ТО ВРЕМЯ, ПОКА ВЫ ЧИТАЛИ ОЧЕРК, С ГЛАВНОГО КОНВЕЙЕРА СОШЛО ДЕСЯТЬ АВТОМОБИЛЕЙ. ГОТОВИТСЯ СОЙТИ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ПОЖЕЛАЕМ ИМ ХОРОШИХ ДОРОГ И ДОБРЫХ ХОЗЯЕВ.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

В. Штейн

Рисунки П. Швеца

Волшебник пил чай с вареньем. Варенье было клубничное, а что касается чая, то он был необыкновенно ароматным, потому что Волшебник умел заваривать чай по рецептам восточных народов.

Надо сказать, что Волшебник не был по характеру замкнутым и предпочитал пить чай в чем-нибудь обществе, но когда не было общества, он пил чай один.

Едва Волшебник выпил чай и вымыл посуду, как раздался звонок. На пороге стояла Девочка, Которая Всегда Опаздывает. Волшебник, конечно, обрадовался приходу Девочки. Но все-таки ему стало обидно, что она по своему обыкновению опоздала и пришла, когда он уже выпил чай.

Я не знаю точно, сколько лет было Девочке — может быть, девять, а может быть, и все десять. Шубку ее припорошил снежок, щеки покраснелись от мороза, и она стояла на пороге — Славная Счастливая Новогодняя Девочка.

— Вот, — сказала Девочка и протянула Волшебнику телеграмму.

Это была телеграмма от ее папы. Если уж быть до конца точным, то папу следовало бы называть не просто Папой, а Папой, Который Вечно Болтается в Море. И легко понять, сколько радости принесла Девочке телеграмма от такого папы. Итак, Папа, Который Вечно Болтается в Море, сообщал, что его отяжелевшее от рыбы судно прибывает в Порт-Город 31 декабря. А так как покинуть судно папа не может, то он просит дочку приехать к нему, чтобы вместе встретить Новый год в его капитанской каюте.

— Ну, что же, — сказал Волшебник, наливая девочке свежий чай, заваренный по рецепту одного из восточных народов. — В добрый путь. Автобус в Порт-Город уже ушел. Но ты выйди на шоссе — остановишь попутную машину. Если будешь считаться со временем, успеешь.

Признаться, у Девочки, Которая Всегда Опаздывает, были довольно сложные отношения со временем. Она никак не могла примириться с тем, что время абсолютно равнодушно к ее желаниям. Например, однажды за десять минут до отхода поезда она побежала в магазин за апельсинами. Девочке очень хотелось апельсинов. И она не то чтобы заблуждалась насчет времени, а как-то надеялась, что время само движется ей навстречу и поезд не уйдет. Но поезд ушел.

— Пора тебе идти, — сказал Волшебник, и Девочка согласилась, что пора, но все-таки попросила еще чаю. И Волшебник не мог отказать. И его можно понять, потому что если кому-то нравится чай, заваренный по восточному рецепту, как вы откажете такому человеку? А когда Девочка, взглянув на старые деревянные ходики, все-таки собралась уходить, Волшебник надел ей на руку маленькие часики и вручил конверт, на котором было написано: «Вскрыть ровно в 24 часа». Этот Волшебник умел делать новогодние подарки.

... Девочка шагала по заснеженным улицам, то и дело поглядывая на аккуратные новенькие часики, назывались они «Снежинка». Это было весьма приятно. Девочка думала о своем папе, и ей захотелось, чтобы у него то-

же был новогодний подарок, например, хорошая трубка.

В магазине, конечно, было людно. Но все обратили внимание на Счастливую Новогоднюю Девочку и помогли ей выбрать трубку. Однако не прежде, чем подошла ее очередь.

Одним словом, когда Девочка вышла на шоссе, она вдруг поняла, что опоздает. Это было жестокое открытие, в него не хотелось верить. Но не верить было нельзя. Тем более, что попутных машин как-то все не было. Вы представляете, как ей было обидно!

Обидно до слез! Девочка хотела было заплакать, но передумала, потому что все равно бы никто не увидел.

Но вот на шоссе появилась грузовая машина, и Девочку взяли в кабину. Ехали медленно, потому что в моторе были неполадки. Когда до Портового Города оставалось километров десять, Девочка взглянула на свои часики и сказала:

— Товарищ водитель, остановите, пожалуйста.

Едва машина остановилась, она сказала:

— Товарищ водитель, поздравляю вас с Новым годом!

И торжественно пожала водителю руку. После этого Девочка, Которая Всегда Опаздывает, заплакала. Теперь для этого был самый подходящий момент.

Она полезла в карман за платочком и обнаружила там конверт, про который совершенно забыла из-за таких сильных огорчений. На конверте ведь было написано: «Вскрыть ровно в 24 часа». Девочка всхлинула и вскрыла конверт.

«Милая Девочка, — прочитала она, — в эту новогоднюю ночь я дарю тебе то, чего никто и никогда тебе больше не подарит. Я дарю тебе два часа времени. Стрелки твоей «Снежинки» переведены на два часа вперед. Отведи их назад и спокойно продолжай поездку к своему папе. Ты ведь, наверное, уже в пути».

— Вот это настоящий Волшебник, — прошептала Девочка и от избытка чувств поцеловала удивленного водителя. А я думаю, что в этом не было ничего удивительного.

Снег падал большими хлопьями на лес, на шоссе, на машину, которая везла в кабине Счастливую Новогоднюю Девочку, или, другими словами, Девочку, Которая Больше Никогда Не Будет Опаздывать.

Когда я был школьником, одна старуха, бывшая помещица, сказала мне:

— Ненавижу твоего Некрасова!

Тогда меня, пионера, прямо ошеломило это неожиданно проявившееся классовое чувство.

С той поры у меня к Некрасову особое, какое-то очень личное отношение. Как будто открылась завеса времени и я увидел живого поэта, прикоснулся к его жизни и борьбе. Ведь она сказала: «твоего Некрасова»...

Как-то, еще в детстве, он сел на лошадь. Та его сбросила. Снова сел — и снова оказался на земле. Упал раз пятнадцать. Но ездить научился. Да, у Некрасова, при всей его душевной мягкости, был упрямый характер... В детстве он был вспыльчив, мог накричать на кого-то в припадке гнева, что вообще не удивительно для помещичьего сына, выросшего в обстановке грубости и жестокости. Но однажды, еще мальчиком он дал себе слово сдерживать себя. И после этого он уже никогда больше не повышал голоса, как бы ни кипел внутри.

Тебе сколько лет? Ему было шестнадцать, когда он переломил свою судьбу. Отец послал его в Петербург, желая, чтобы сын стал офицером, а он решил поступить в университет и стать писателем. Потом он вспоминал: «Восемь лет боролся я с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть, в двадцать четыре года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба».

Его согнали с квартиры — нищие пожалели, привели к себе в ночлежку. Утром старуха попросила написать ей какую-то бумагу и дала за это пятнадцать копеек. Потом он не раз бегал на Сенной рынок — за пятак составлял прошения для неграмотных крестьян. За чашку кофе сочинял стихи для влюбленного купца. Не было денег на чернила — соскабливал ваксу с сапог, разводил и писал на полу, лежа, потому что, бывало, и стулья шли в печь. Фактов таких известно множество — и с его слов, и по воспоминаниям его знакомых.

Подросток брался за любое дело. Недолгое время был репетитором. Но все больше и больше писал. Сочинял рассказы, фельетоны, стихи, водевили. В Петербург он привез тетрадь своих стихотворений. Одно из них вскоре напечатали. А в 1840 году вышел первый сборник стихов юного поэта «Мечты и звуки».

ТВОЙ НЕКРАСОВ

Молодой Некрасов полагал, что поэзия должна говорить лишь о возвышенных материях, должна избегать непривлекательных картин жизни. По его первому сборнику никак нельзя догадаться о том, сколько ненависти и горечи вынес поэт из своего детства.

Отец его тиранил не только крестьян, но и жену. И он был скуп, как Плюшкин. Например, целых два года не платил за обучение своих сыновей в гимназии, поставив их в невыносимые условия.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» выведен помещик Оболт-Оболдуев, который жил так:

*Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.*

В этом образе много черт отца поэта — Алексея Сергеевича Некрасова. Закоренелый крепостник, он, по словам сына, не мог смириться с отменой крепостного права и «сошел в могилу... захворав через несколько дней после подписания уставной грамоты» — об уничтожении крепостной зависимости крестьян.

Поэт рано понял: не только он, или его мать, или крепостные его отца страдали от бесправия. Так было всюду, он видел сам. По большаку, что проходил неподалеку от дома, гнали в кандалах арестантов, а по берегам Волги, куда он в детстве прибегал поиграть, брели бурлаки и пели свои заунывные песни.

Иллюстрации А. Ф. Пахомова

Но не об этом, а вот о чем писал семнадцатилетний поэт:

*Ты начал жить. Роскошен жизни пир,
На этот пир ты позван для блаженства.
Велик, хорош, изящен божий мир,
Обилен всем и полон совершенства.*

Великий Белинский сурово отозвался о подражательных, высокопарных стихах сборника «Мечты и звуки». Он не знал никаких снисхождений, когда шел разговор о самом дорогом для него — о литературе.

Встреча с Белинским помогла Некрасову обратиться в своем творчестве к реальной действительности, к собственному жизненному опыту, прийти к демократическим, революционным убеждениям. Позднее он так написал о Белинском:

*Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...*

И на протяжении четырех десятилетий главной темой некрасовской поэзии осталась жизнь народа.

*Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля —
Где народ, там и стон...*

Снова и снова, не боясь повторений, пишет об этом поэт:

*Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая — страдания народа
И что поэзия забыть ее должна —
Не верьте, юноши: не стареет она!*

И при крепостном праве, и после его отмены самыми угнетенными, самыми незащищенными

были дети и женщины. Им посвятил поэт лучшие, задушевнейшие свои строки. Помнишь из «Крестьянских детей»: «Однажды в студеную зимнюю пору»... «А кой тебе годик?» — «Шестой миновал»... Рано кончалось детство, и рано начинался непосильный, изнуряющий труд.

Другое стихотворение так и называется — «Плач детей».

*Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?*

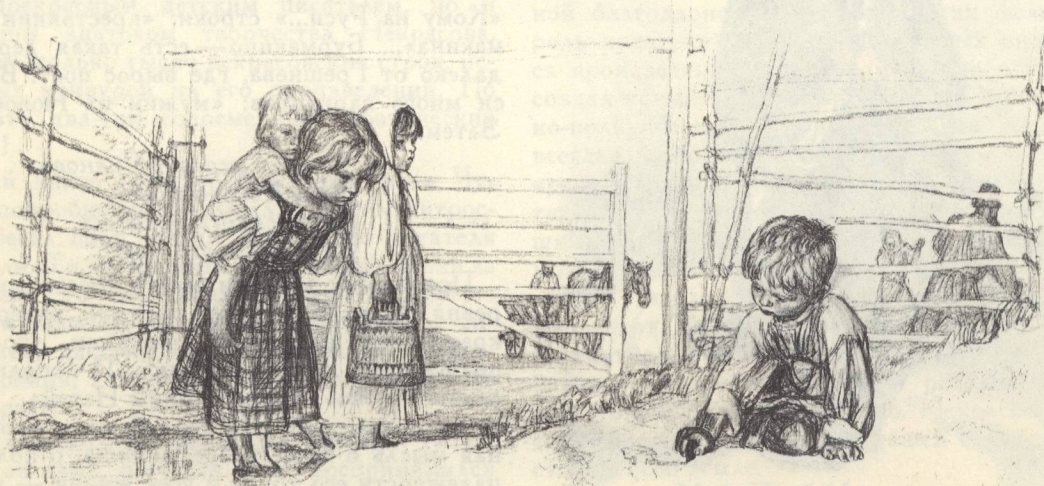
И это помнишь, конечно:

*В полном разгаре страда деревенская,
Доля ты русская, долюшка женская!..*

Свободолюбие пронизывает даже те стихи, где, на первый взгляд, речь идет о природе, о личных, интимных переживаниях. Вот стихотворение «Перед дождем»:

*Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.
На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.
Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.
Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику денщик кричит.*

Какая грустная и безысходная картина! Заунывный ветер, стонущая надломленная ель, темный лес, стаи черных птиц — и краски, и зву-

ки, и ощущение холодного сумрака — все гнетет. А что это за мрачная повозка, закрытая со всех сторон?

Исследователи выяснили, что в рукописи было иначе: «Ямщику жандарм кричит». И сразу все становится на свои места: жандарм с нагайкой везет, конечно, арестанта, политического.

Так что же это стихотворение — пейзажная зарисовка или политическое выступление? И то и другое, одно неотделимо от другого.

Поэт-революционер Некрасов часто обращается к образам могучих стихий природы, которые обрушиваются на землю, — это образы-символы, они выражают мечту поэта о революции, о свободе.

*Душно!.. Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!*

Некрасов осуждает смирение, покорность судьбе, мягкотелость, которые ведут к примирению со злом.

Герои, у которых поэт советует учиться молодому читателю, — это прежде всего люди гражданского долга. Он писал:

Стихотворение «Школьник»

*Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата — человека, —
Только тот себя переживет!*

В шестидесятые годы, когда в России явно назревала революция, поэту казалось уже недостаточным обличать зло перед сравнительно узким кругом образованных читателей. Он стремится создать произведения, которые были бы понятны всему народу, близки ему не только по содержанию, но и по художественной форме, по языку. Он изучает народную речь, произведения устного творчества... И его собственные стихи и поэмы становятся похожими на народные.

«Мороз — Красный Нос», «Орина — мать солдатская», «Коробейники» и в особенности поэма «Кому на Руси жить хорошо» — сколько здесь подлинно народных песен, причитаний, пословиц, загадок, сколько строк, пересказывающих фольклорные сюжеты! Об этом написаны целые книги.

Немало исследований посвящено и реальным источникам поэзии Некрасова. Имена, географические названия, множество событий в деревнях Ярославской, Костромской и Новгородской губерний, где жил поэт, куда ездил он на охоту, — все это можно сопоставить с его стихами. Тесными узами связан был художник с жизнью народа. Интересно узнать, что, скажем, прототип Ермила Гирина — крестьянин А. Д. Потанин, что Утятинины — это Путятинины, что рассказ юриста А. Ф. Кони лег в основу истории о холопе примерном — Якове верном, что глава «Последыш» в той же поэме «Кому на Руси жить хорошо» навеяна рассказом доктора И. А. Белоголового.

Так происходит в искусстве всегда: замысел возникает при соприкосновении с жизнью.

Один из ученых нашел в черновике поэмы «Кому на Руси...» строки: «крестьянин из Бурмакина»... Бурмакино — есть такая деревня недалеко от Грешнева, где вырос поэт. В рукописи много вариантов: «мужик из Новоселова»... Затем:

*Пиши: в деревне Пьяново
Яким Петров живет.
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет...*

Правильно, мужики много пьют, потому деревня Пьяново. Но нет, подумал, наверное, Некрасов, вот и скажут помещики, что мужики пьянствуют, потому и бедны. И поправил: «деревня Босово». И еще «Яким Нагой»... Все сразу преобразилось! На первый план вышла главная мысль о нищете крестьянина, о полной безнадёжности его труда и всей жизни — вот почему он и пьет. И правда неприглядная осталась, и виновник подразумевается другой.

Н. А. Некрасов был не только народным поэтом, но и выдающимся журналистом-издателем и общественным деятелем.

Рассчитывая притормозить развитие демократической литературы, правительство запретило открывать новые журналы. Тогда вместе с И. И. Панаевым Некрасов решил приобрести уже существующий журнал, «Современник», основанный еще Пушкиным. В кружок писателей, объединившихся вокруг «Современника», входили лучшие силы того времени — Герцен, Тургенев, Толстой, Достоевский, Григорович, позднее Помяловский, Г. Успенский и многие другие. Почти все они и начали свой литературный путь в этом журнале, были замечены и поддержаны Некрасовым и Белинским, который до последнего своего дня оставался идейным руководителем и самым деятельным сотрудником «Современника».

Через несколько лет после смерти Белинского Некрасов привлек в журнал новых замечательных сотрудников — Добролюбова и Чернышевского. Вместе с Некрасовым Добролюбов и Чернышевский превратили «Современник» в боевой орган революционной демократии. Несмотря ни на какие преследования цензуры, журнал умел говорить читателю о самых острых политических проблемах, критиковал, высмеивал, буквально уничтожал самодержавно-крепостнические и всяческие либеральные примиренческие идеи, нападал на самые устои государственной системы.

Всю жизнь боролся Некрасов с цензурой, и цензура на протяжении всей его творческой и журнальной деятельности преследовала его. Она выбрасывала из готового номера журнала огромные куски, целые произведения, и Некрасов в последний момент, по ночам, вынужден был писать длиннейшие романы с продолжениями, чтобы хоть как-то заткнуть эти дыры.

Корней Иванович Чуковский, который был не только прекрасным детским писателем, но и крупнейшим знатоком творчества Некрасова, отыскал несколько тысяч некрасовских строк, исключенных цензурой из его произведений. По объему это два-три современных поэтических сборника!

В своей книге «Мастерство Некрасова» Чуковский подробно рассказывал, к каким хитростям прибегал поэт, желая донести до читателя свои мысли. То он выдавал собственные стихи за переводные, то переносил действие в другую страну, то обличал далекое прошлое, имея в виду, конечно, настоящее, то прибегал к убийственной иронии, к которой цензор формально не мог придраться.

Писатели-революционеры выработали условный эзопов язык, который легко воспринимался читателями. Например, в пародии на хвалебную речь в честь некоего военного Некрасов писал:

«Путь отечеству полезный Ты геройски довершил, Ты не дрогнул перед бездной...» и т. д.

В 1861 году, сразу после опубликования манифеста об отмене крепостного права, вспыхнуло волнение в селе Бездна Казанской губернии. При подавлении этого выступления погибли десятки людей, был расстрелян крестьянский вождь Антон Петров. «Ты не дрогнул перед Бездной...» — так все читали эту строку.

Любопытна история стихотворения «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году». Оно написано в 1863 году, но автор пометил его 1857-ым, — мол, дело давнее, да и генерал-то уволен. Генерал этот, занятый пирами и охотой, не прочитал ни одной книги, но он ведал литературой.

*Пятнадцать цензоров сменил
(Все были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою, и крепость!»*

Само по себе это стихотворение — яркая сатира на положение литературы. Но читатели угадывали в нем еще и политический смысл.

Двойной смысл слова «крепость» (крепость — сила и крепость — тюрьма) помог Некрасову высказать свое отношение к царю, посадившему Чернышевского в Петропавловскую крепость.

Генерал Рудометов II — это Александр II. Руда в народных говорах — кровь, Рудометов — кровопускатель, усмиритель польского восстания 1863 года.

Исследователи жизни и творчества Некрасова единодушно утверждают, что если бы он даже не был поэтом и не написал бы ни одной строчки, то и в этом случае заслуживал бы вечной благодарности потомков — так велика его роль издателя-пропагандиста самых выдающихся произведений русской литературы. Некрасов создал новый тип художественного и общественно-политического журнала с очень широким и всегда злободневным содержанием. Его «Современник» и «Отечественные записки» на протяжении десятилетий были маяками, освещавшими молодому поколению путь борьбы против мрака и тирании.

Но Николай Алексеевич Некрасов прежде всего поэт. Таких немного даже в нашей великой литературе. Поэт бесконечно народный, национальный, чьи стихи готовили революцию. Сейчас это совершенно очевидно. Некрасов — наш соратник и в сегодняшней нашей борьбе за счастье на всей земле.

Он наш. Мой. Твой Некрасов.

Владимир Бахтин

СЕРИЯ ВОСЬМАЯ
 «ЗИМНЯЯ ВСТРЕЧА»
 1. КИНЕМАТОГРАФ БУДУЩЕГО.
 2. КАК ИСКАЛИ ГЕРОЯ.
 3. ПИСЬМО ИЗ ГУРЗУФА.
 4. ХВАЛИМ - РУГАЕМ.

КИНЕМАТОГРАФ
 БУДУЩЕГО

Вы хотите заглянуть в будущее мирового кинематографа?

Это будущее можно было увидеть собственными глазами на Всемирной выставке «ЭКСПО-70» в японском городе Осака.

Вот советский павильон — один из самых больших и, по мнению многих посетителей, самый красивый на выставке. При входе в зал «Лениниана» вы могли увидеть **полиэкранный**. Это значило, что здесь показывали фильм сразу на шести экранах: одном большом и пяти поменьше! На экранах появлялись кадры ленинской хроники. А на переходе с первого на второй этаж установили еще один экран — огромный, почти квадратной формы. На нем можно было смотреть фильм, в котором изображение — в зависимости от замысла режиссера — становилось то квадратным, то продолжным, то узким, как щель: здесь показывали **вариоскопический** фильм «Молодость».

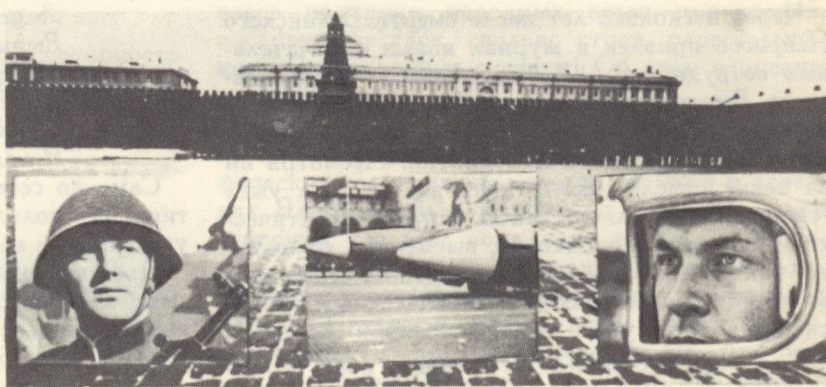
Уже начинало казаться, что не существует стен павильона, что выставка раскинулась прямо на просторах нашей страны. Со всех трех этажей советского павильона открывался вид вверх — на огромный ромб-экран, — и кадры еще одного вариоскопического фильма — «Земля и небо» — знакомили с достижениями СССР в космо-

се. А если вы глядели вниз, то видели на круглом экране фильм о жизни в морских глубинах.

...Кругорама, циркорама, эти-то названия вы, конечно, слышали. Но на выставке появилась **астрорама** — знаете ли вы, что это такое? Входя в зал астрорамы, вы оказывались внутри купола, поверхность которого представляла собой пять огромных секторов, сходящихся к вершине. Пять мощных киноустановок демонстрировали на них одновременно фильм «Рождение». Во-

экрана» — четыре метра, причем изображение было очень четким. Оно парило в воздухе, странное, непонятно откуда взявшееся...

Войдя во французский павильон, вы видели человеческое лицо, как бы вылепленное скульптором из белого алебаstra. Но вот оно оживало, и вы понимали, что это — лицо французского певца, Пьера Брассанса. Он пел. Но проходила секунда, и лицо неуловимо менялось: перед вами был уже не Брассанс, а певица Эдит Пиаф! Выпуклый экран в

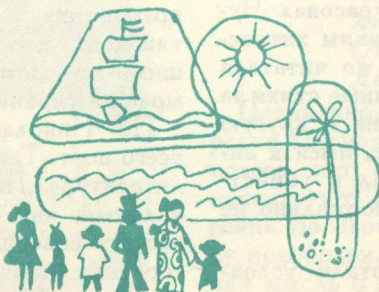

круг как бы проходила история человечества от зарождения жизни на Земле до прорыва людей в космос!

Еще один павильон — с экраном, которого... не было. Его заменял тонкий слой дыма, на него и передавалось киноизображение. Размеры «дымо-

форме человеческой головы точно передавал и движения губ, и мимику.

«Мицубиси» — так назывался павильон японской фирмы. Движущийся тротуар вас как бы вводил в пучину бушующего океана или в кратер огнедышащего вулкана. Это впечатлительное создавалось сложной системой зеркал: десятки аппаратов передавали на них киноизображение. Отражаясь бесчисленное число раз, дополненное и стереозвуком, и невидимыми вентиляторами, создающими «ветер», и инфракрасными лампами, «подогревающими» зрителя, — изображение заполняло все вокруг. Лишь движущийся под ногами тротуар с тонкими поручнями свидетельствовал, что это — кино, что извержение и буря ненастоящие...

КТО ХОДИТ В КИНО

В Государственном павильоне Японии демонстрировалась еще одна новая система — **оргорама**. Экран состоял уже не из пяти или десяти, а из ста двадцати малых экранов. На каждом из них могло быть самостоятельное изображение, и часть единого, огромного, высотой метров двадцать. Управление таким экраном, со-

стоящим из 120 частей, возможно лишь с помощью электроники.

В наше время кино и телевидение невольно соперничают, «отбирая» друг у друга зрителей: телевидение, войдя в каждый дом, во много раз уменьшило посещаемость кинотеатров. Но кинопромышленники стали усиленно развивать технические возможности кинематографа. Появилось широкоэкранное и широкоформатное кино, потом стереофоническое, полиэкранное, вариоскопическое... Все эти астрорама и

оргорама, демонстрировавшиеся на выставке, должны были вывести зрителя из дому, отвлечь его от экрана телевизора. Казалось бы, победа кинематографа была близкой! Но в последнее время обе враждующие стороны — кино и телевидение — объединились в борьбе с третьим противником — видеоманитофоном.

Уже разработан электронный аппарат, позволяющий просматривать фильмы, впечатанные на очень дешевой пластмассовой видеоленте. А это значит, что недалеко то время, когда наряду с библиотеками появятся видеотеки, когда в газетных киосках будут продаваться фильмы-газеты, фильмы-журналы, фильмы-книги. Киношники станут такой же распространенной вещью, как сегодня транзисторные приемники. Любой фильм сможет превратиться в предмет личного пользования, так же, как книга и грампластинка.

А что же обычное кино, какое существует сегодня, погибнет? Нет. Уже сегодня мы читаем о принципиально новом изобретении — голографии. Оказалось возможным записать изображение на черно-белую пленку с помощью лазера — при просмотре же оно оказывается цветным и объемным, его можно разглядывать со всех четырех сторон!

Это тоже революция в кинематографе. Уже сейчас готовится первый голографический фильм. Правда, во время его просмотра требуется лазерный свет, а он может быть не безопасным для глаз. Но изобретение советского ученого Юрия Денисюка скоро позволит отказаться от применения лучей лазера при просмотре голографических фильмов.

Пройдет немного времени, и в наш дом придет объемное ки-

но, занимающее, если мы того хотим, все окружающее пространство.

Б. Миронков, А. Костриц

Дорогие друзья!

Членов киноклуба прошу прислать в редакцию сообщения о том, как в школе или Дворце пионеров работают кинокружки, киностудии.

За отличное выполнение Устава киноклуба, за содержательные письма в редакцию награждаю Сашу Бухарова из Усть-Кута Иркутской области книгой «Тихо! Идет съемка!», которую написали киносценаристы А. Власов и А. Млодик, с автографами авторов, Валю Хоботову из Саратова — набором кинокадров из фильма «Внимание, черепаха!», Сашу Лесковца из поселка Октябрьский Архангельской области — грампластинкой «Бременские музыканты».

Поздравляю всех членов киноклуба с Новым годом!

Президент киноклуба В. Ливанов

КЛУБ КИНО ДЛЯ ВСЕХ,

Пассажир с „Экватора“

Я смотрела фильм «Пассажир с „Экватора“», он мне понравился. Расскажите, пожалуйста, как мальчик Юра Крюков, который исполняет главную роль, стал сниматься в кино?

Надя Бородина,
Приморский край

На сегодняшнее заседание киноклуба мы пригласили кинооператора Юрия МАЛИНОВСКОГО. Предоставляем ему слово.

Сценарий нашего фильма написал Арнольд Негго. Собирая материал, писатель работал в пионерском лагере «Артек». (События, действительно происходили в крымских лагерях, только в разное время). За постановку картины взялся режиссер Александр Курочкин и я.

Самой трудной задачей было найти актеров для детских ролей. Ребятам в нашей картине нужно было уметь отлично плавать, а кроме того, иметь соответствующую своим ге-

вожатым в пионерском лагере «Артек». (События, действительно происходили в крымских лагерях, только в разное время). За постановку картины взялся режиссер Александр Курочкин и я.

ся он свободно и совсем по-морскому ходил большими шагами чуть вразвалочку. Говорил с эстонским акцентом и был веселого нрава. Кроме того, он оказался и хорошим пловцом. Звали мальчика Пий. Он блестяще прошел все испытания и совершенно очаровал съемочную группу.

— Все! — сказал режиссер. — Это то, что нам нужно. Подписывайте договор с родителями. Завтра уезжаем в Москву.

Но тут с кресла поднялась мама юного актера и, извинившись, очень смущенно сказала, что Пий — это вовсе не Пий, — а — Пия, что наш юный актер не мальчик, а... девочка!

Мы остолбенели. В комнате стало очень тихо.

— Как — девочка? — спросил, наконец, упавшим голосом режиссер.

— Дочке очень хотелось сниматься в кино, — объяснила мама. — Поэтому она надела костюм брата, остригла волосы и пришла к вам. Да еще уговорила меня сопровождать ее. Для храбрости.

— А почему Ильмар должен быть мальчиком? — робко спросил кто-то. — Он может быть и девочкой.

роям внешность и обязательно — актерские способности.

Два месяца помощники режиссера ходили по школам, присматривались к ребятам старших классов, многих приглашали в киностудию на предварительный просмотр, но результаты были неутешительными. А сроки начала съемок приближались.

Поскольку герой фильма Ильмар — по национальности эстонец, мы искали его в Прибалтике. Отобрали группу подходящих по внешности ребят. Но они не выдержали простейшего экзамена.

Остановил на себе внимание только пятнадцатилетний таллинский школьник Юра Крюков. Он хорошо выполнял заданные режиссером этюды. Но Юра и внешне совсем не походил на Ильмара, и вообще был мальчиком иного, чем Ильмар, характера.

Мы уже совсем пали духом, как вдруг однажды к нам в гостиницу пришел мальчик с мамой и сказал, что очень хотел бы сниматься в нашем фильме. Мы все изумленно и радостно переглянулись: перед нами стоял Ильмар, живой Ильмар, которого мы так долго и трудно искали — блондин с зачесанными назад волосами, вздернутым носиком и голубыми глазами. Держал-

Никому не хотелось расставаться с очаровательной талантливой Пией. Но оказалось, что ради нее пришлось бы переделывать весь сценарий, а времени на это уже не оставалось — пора было начинать съемки. И на роль Ильмара был утвержден Юра Крюков, который, кстати, справился с ней совсем неплохо. Он лазал по отвесным скалам и плавал в штормовом море даже ночью. В картине был только один трюк — прыгал со скалы в море не сам Юра, а дублер. Ведь прыгнуть с высоты 35 метров может далеко не каждый даже хорошо тренированный спортсмен.

В прошлом году большинство наших юных героев уже окончили 10 классов. В их числе и Юра Крюков, который, как мне известно, хотел стать парикмахером. Надеюсь, что и став взрослыми, наши ребята пронесут через всю жизнь ту интернациональную дружбу, обстановка которой царилла во время съемок нашей картины.

А что же девочка Пия? Мы дали себе слово, что в одной из ближайших картин обязательно снимем ее. И может быть, придумаем для нее совершенно необыкновенную роль.

ДАВНО

Здравствуйте, участники киноклуба! Пишет вам Марина Смирнова.

Живу я в городе Гурзуфе и, как вы, очень люблю кино.

Мне даже посчастливилось сниматься. Первый раз это было, когда я училась в четвертом классе. Весь наш класс пригласили участвовать в съемках фильма «Дубравка». Все ребята, конечно, обрадовались, а мне было все равно — в то время я мечтала стать журналисткой, как моя старшая сестра.

Но когда я впервые увидела себя на экране, то была очень довольна. Правда, в фильме нас показывали только одну минуту, но все равно — это было чудесно!

А однажды летом я шла с пляжа и увидела объявление: «Приглашаются девочки и мальчики для участия в телевизионном фильме «С закрытыми глазами». Возраст — 12—13 лет».

Мне шел четырнадцатый. Я решила пойти. На съемочной площадке было много девочек и мальчиков, их записывала какая-то девушка. Но

мне она сказала: «Не тот возраст. Ты уже выросла».

Я ушла домой расстроенная, но не отступила. От подруг, которых приняли, я узнала, что съемки начнутся через три дня, что нужно придумать в пионерской форме, с портфелем.

Я тоже пришла на съемочную площадку, но режиссер сказал, что не возьмет меня. На этот раз я и не собиралась уходить. Два или три дня приходила на съемки, стояла и смотрела.

Однажды кто-то из работников предложил взять меня сниматься, но я увидела, как он при этом подмигнул режиссеру.

Начали снимать эпизод — ребята веселые и радостные выбегают из школы после уроков. И вдруг замечаю — съемочная камера начинает работать только тогда, когда я пройду. Значит, меня не снимают. Огорченная, я подошла к режиссеру. Подошла, постояла возле него, но сказать что-нибудь не хватило духу.

На следующий день, в другом эпи-

зоде стали и меня снимать. Было ужасно трудно. Мы работали очень напряженно. Каждый раз перед съемками нас гримировали, но было очень жарко — июль — и на лице таял грим. Море было далеко, и поэтому даже в перерывах мы не могли сбегать искупаться.

В одном эпизоде пришлось раз двадцать быстро спуститься с горки и также бегом подняться обратно.

На всю жизнь я запомню это лето, съемки фильма. Теперь я поняла, что такое труд актера. Я, правда, не хочу теперь уже быть актрисой — у меня другая мечта — но искусство люблю по-прежнему.

Марина Смирнова, Гурзуф

ХВАЛИМ — РУГАЕМ ХВАЛИМ — РУГАЕМ ХВАЛИМ — РУГАЕМ ХВАЛИМ — РУГАЕМ

Мы представляем вам три фотографии. Возможно, не все вам понравятся. Может быть, некоторые фотографии не понравятся совсем. Обдумайте следующие вопросы:

1. Почему вам нравится фотография?

или

2. Почему она вам не нравится?

3. Как бы вы назвали каждую из этих фотографий?

4. Была ли каждая фотография создана в результате счастливой случайности или «с заранее обдуманном намерением»?

5. Как бы вы сделали работы на эти же темы?

Ждем ваших ответов.

Лучшие письма будут опубликованы в киноклубе.

А. Чечулин

ИЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО

ПОЛОСЫ

ПОВЕСТЬ
В. Голявкин

Соня Ханум, мамина подруга, живет в Бильгя. В селении Бильгя у тети Сони огород, свой виноград и разные фруктовые деревья. Много овощей, а лепешки они пекут сами. Еды как до войны. Я наелся и подумал: как жалко, что человек не может один раз наестся, чтобы потом долго не хотелось.

Сбежали к морю после обеда, но купаться не стали. У воды лежал мертвый тюлень, раскрыв пасть. Зубы как у собаки. «Дянизит» — зовут его здесь — «морская собака».

Схватит за ногу морская собака — и не вылезешь. Мама часто приносила копченую тюленину, и мы ее ели. Бывает же такое: ешь — и не знаешь, что это морская собака.

— Да, не всегда здесь спокойно, — сказала тетя Соня, — в шторм волны доходят до дома. Иногда огород заливают. Даже тюленя выбросило.

Тетя Соня дала нам лепешек и много зелени. Мы с мамой, сытые, довольные, без конца благодарили, сели на хозяйскую арбу, сам хозяин взялся нас довести до станции.

Но Боба не сел.

— Подарите мне бычка! — заорал он.

Хозяйский бычок замычал в ответ.

— Он просится ко мне, — закричал Боба, — отпустите его! Подарите мне его! Вы же видите, как он просится ко мне!

— Ах, как некрасиво, — сказала мама, — как нехорошо! Как стыдно! Нас угощали, давали нам подарков, я не знаю, куда деться от стыда за своего сына!

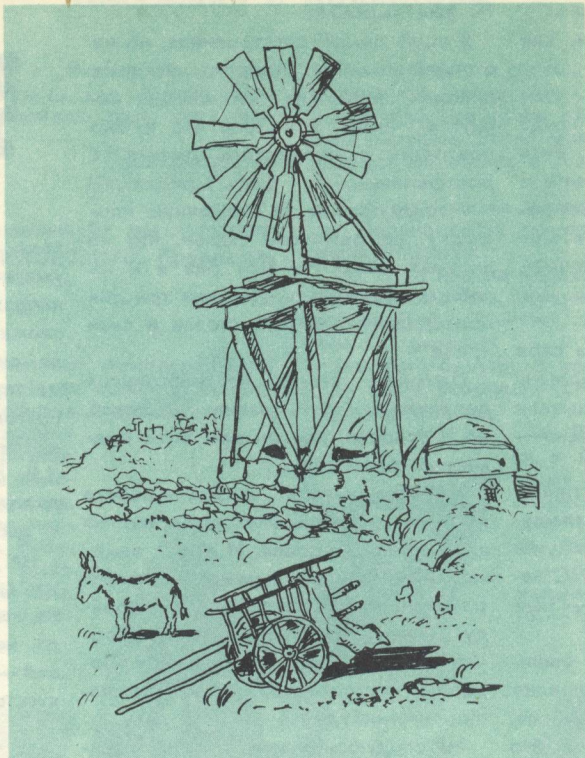
— Ой, ой, — кричал Боба, — дайте мне бычка! Я не поеду без бычка! Ни-ку-да я без него не поеду! Имейте в виду! О! О! Я для бабушки стараюсь!

— Для какой бабушки? — удивилась мама. — У нас и бабушки-то нет.

— Зачем ты говоришь, что у нас нет ба-

НА ОКНАХ

Рисунки
автора

бушки? — Боба вцепился в арбу. — Зачем ты так сказала? У всех есть бабушка!

— Нет у него никакой бабушки, — сказала мама. — Что с ним?

— Не могут же тебе в самом деле отдать бычка, — сказал я, — пойми.

— Не могут? — спросил он. — Почему не отдадут?

— Потому, что бычок им самим нужен, и он очень дорого стоит.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько стоит?

— Много.

— Тогда барашка!

Ой! Ой! Ой! Подарите бабушке барашка! Я никуда не поеду, пока не подарят!

— Сажайте его, не обращайтесь внимания, дома я ему покажу, как устраивать истерики, — сказала мама.

— Он ребенок, — уговаривала тетя Соня, — он расстроен, пусть он успокоится, немного подождет. Не плачь, как же мы тебе дадим барашка, он у нас один.

— Я для бабушки стараюсь! — вопил Боба.

— Нет у нас никакой бабушки, — сказала мама, — откуда он взял? Что за бабушка?

— Он очень расстроен, пусть, пусть отойдет, — тетя Соня его успокаивала, а он брыкался и отмахивался.

Муж тети Сони терпеливо сидел на арбе и ждал. Все ждали.

— Один у вас барашек? — перестал орать Боба, но колеса арбы не отпускал. — Бедная моя бабушка!

— У детей своя фантазия, — объясняла тетя Соня, — они так фантазируют, что ничего не поймешь.

— Вот именно: ничего не поймешь, — сказала мама, — комедия да и только. Он просто нахал, он меня выведет из терпения!

— Ах, как жалко, что у вас один барашек, — всхлипывал Боба, — значит, бабушка останется без барашка... Ну, тогда дайте мне курицу, она будет для бабушки нести яички. Моя старенькая, бедная бабушка...

Окончание. См. «Костер» №№ 10—11, 1971 г.

— Не смей просить курицу! — закричала мама. — Как ты смеешь просить, и так мы не с пустыми руками уезжаем.

— Но бабушке ведь ничего не дали?

— Тащи его в арбу, Соня! Бессовестный мальчишка! — закричала мама. — Придетесь мне слезть самой и взячься за него. Спектакль на все селение, сбежались все соседи, ай-ай-ай!

— Ой, ой, ой! — взвыл Боба. — Ааа! Иии! Мне бабушку жаль! Ой, ой, ой! Бабушка теперь умрет! Она умрет! — он топал ногами, а руками по-прежнему держался за колесо.

— Хватит! — я вскочил с арбы. Стал отди- рать его от колеса, но мне не удавалось. — Я тебе сейчас дам курицу! Ты у меня курицу по- лучишь! — я совсем запыхался.

— Оставь его, оставь, — повторяла тетя Со- ня, — не надо его тащить, не надо...

— Нет, нет, надо, надо... сейчас... сейчас, я отдеру его от колеса, и все будет в порядке...

— Не обижайте его, — сказала тетя Со- ня, — зачем же...

— Боба!!! — закричала мама. — Прекра- ти!!!

И тогда с арбы соскочил хозяин и стал ло- вить курицу.

— Помогите мне кто-нибудь! — кричал он, гоняясь за курицей.

На помощь пришел Боба. Они вместе гоня- лись за курицей и сталкивались друг с дру- гом, а курица не давалась.

В конце концов хозяин поймал курицу.

— А она несет яички? — спросил Боба.

— Несет, несет, — сказал он поспешно, как бы боясь, что Боба снова закатит истерику, — честное слово, несет.

— Бери, бери, — сказала тетя Соня.

Боба схватил курицу в охапку, прижался к ней щекой и сказал:

— Теперь моя бабушка будет довольна.

— На здоровье твоей бабушке, — сказал хозяин, — дай бог сто лет твоей бабушке!

— Ну, что вы, что вы... — сказала мама. — Курицу мы не можем взять.

Хозяин испугался:

— Возьмите... соседи... неудобно...

— Отдай курицу! — сказала мама Бобе.

— Нет, нет, — замахал руками хозяин, — ни за что... — он боялся, что ему вернут кури- цу и все начнется сначала. — Ваш мальчик золотой... пусть кушает... он для бабушки... цып, цып, цып... золотой ребенок...

— Вы нам и так достаточно подарили, — сказала мама, — куда же еще... нам нелов- ко...

— Ловко! — почти закричал хозяин. — Ловко! Золотой ребенок, золотые гости! По- ехали! — видно, мы ему надоели.

Тетя Соня нам помахала на прощанье.

Телегу трясло. Боба всхлипывал.

— Сейчас зачем ноешь? — спросил, обра- чиваясь к нему, хозяин.

— Бабушку вспомнил, — сказал Боба.

— Курицу ведь ты ей везешь?

— Везу.

— Чего тебе еще надо?

— Ничего.

— Ну и не хнычь.

Он замолк.

В электричке Боба вытер слезы и улыб- нулся.

— Он еще улыбается! — возмутилась ма- ма. — Такая некрасивая история, чудовищно! Позор, а он себе, представьте, улыбается!

— Курочка нам будет нести яички, — ска- зал Боба, улыбаясь.

— Прекрати улыбаться, — сказал я.

— Буду улыбаться, — сказал Боба.

— Но при чем здесь бабушка? — спросил я. — Где ты ее выкопал?

— Тебе можно, а мне нельзя? — сказал Боба.

Я не понял, и он объяснил:

— Ты выдумал дядю, а я бабушку.

За окнами вагона пронеслось Бильгя.

— К тете Соне мы никогда уже не поедем, — сказала мама, — потому что скверно ты у меня воспитан, Боба.

НОТЫ

Отец написал, чтобы взяли его ноты, кото- рые он оставил в музыкальной школе до вой- ны. Почему-то он о них вспомнил, и мы пошли с мамой за нотами. Отец вернется и снова бу- дет преподавать музыкальную грамоту, тео- рию и сольфеджио.

— Люди стали сейчас другие, — говорила мама по дороге, — наплевать им на ноты. Нуж- но быть энергичной. Во время войны особен- но нужно быть энергичной. С двумя детьми необходимо проявлять энергию.

С трудом пробрались к завучу, в коридоре такое творилось! — тащили стулья, парты, му- зыкальные инструменты.

Завуч сидел за столом очень важный, поло- жив кулаки на стол.

Мы сначала спросили, куда мебель тащат, чтоб разговор начать, а он молчит. Очень важ- но на нас посмотрел и даже не шелохнулся. Мама ему про ноты сказала, а он опять мол- чит. Тогда моя мамаша как хлопнет по сто- лу, а он вскочил и — в дверь.

— Эге, так дело не пойдет, — говорит мама, — я энергичная женщина. Придется ему отдать наши ноты! Пойдем за ним.

Очевидно, не хотел нам отдавать.

Он юркнул в дверь, но как раз в это время виолончель несли, он схватился за струны и здорово их дернул с испугу. Если бы не виолончель, он бы наверняка сбежал от нас. А что мы ему сделали? Ничего. Пришли за своими нотами. Потрудитесь отдать. В общем, мы к нему подскочили, и мама обратилась со своим вопросом. Только сейчас я заметил, какой он маленький. Мамаша против него великанша,

Гулливер среди лилипутов, пусть попробует нам ноты не отдать! Приходилось беспрерывно отходить в сторону, все время что-то тащили. Его прижали к стене, и он хотел выбраться, а главное, сбежать от нас. Но по бокам стояли мы: с одной стороны я, с другой — мама. Опять он не ответил, и мама очень энергично в третий раз ему об этом сказала. Тогда он закричал:

— Какие ноты? Какие ноты?!

Он выскользнул и убежал, а мы за ним, лавируя между мебелью.

— Что с ним? — спросила мама.

Я пожал плечами.

— Ничего, мы ему покажем!

— Не хочет отдавать, — сказал я.

— Там Моцарт, Мусоргский, Скарлатти, — сказала мама, и мы настойчивей стали пробиваться через мебельную и музыкальную преграду. Три великих композитора толкали нас вперед.

Он было скрылся, но мы его снова нашли. Хотел пролезть под роялем, но мама властно спросила его про ноты, он вздрогнул и замер. Пытался побежать в обратную сторону, но мы ему загородили дорогу.

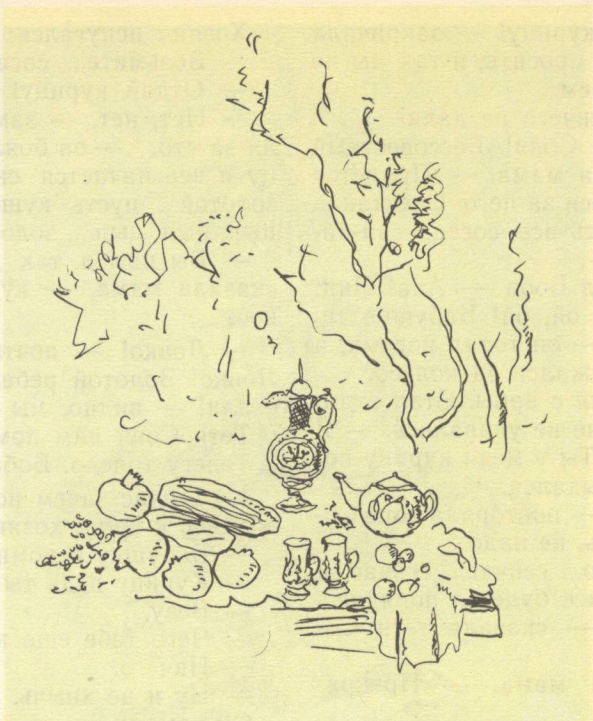
— Нам нужны ноты, — сказала мама, — их теперь трудно достать.

Мама вела себя потрясающе энергично.

— Никуда мы не уйдем, — сказала она и села на стул, загордив ему путь.

Он испуганно схватился за голову:

— Вы что... вы что... гражданка... неужели

вы не понимаете? — ни с того ни с сего вдруг стал гладить меня по голове, повторяя: «Бедный мальчик... война...»

Ну и завуч! Если бы у нас в школе такой завуч появился, вот потеха была бы!

Мама сказала:

— Редко встретишь такой экземпляр в нашей жизни...

Он даже не обиделся. Стал умолять, чтоб его пропустили. Редкий завуч, клянусь.

Мама встает со стула и угрожающе говорит:

— Можете вы мне что-нибудь вразумительное ответить, а не бегать, как заяц? Я вам в сотый раз повторяю: мой муж здесь у вас оставил ноты,

уезжая на фронт: Бетховена, Моцарта и других авторов! Где они? Где эти ноты, я вас спрашиваю? А что сейчас идет война, мы и без вас знаем! Не валяйте дурака! Некрасиво пользоваться войной!

Но он каким-то образом изловчился и убежал.

— Оставь его, мама, — сказал я, — не можем же мы все время за ним бегать.

— Нет, нет, я это дело так не оставлю!

— Не буду я за ним бегать, — запротестовала я.

— Надо довести дело до конца, — сказала мама, — что мы напишем отцу?

Мы заметили, как он вбежал в свой кабинет.

Мамаша отчаянно дернула дверь кабинета, и мы вошли.

За столом сидел другой человек.

Мама не меньше его растерялась, как вдруг из-за стола поднимается трясущийся завуч, показывает на нас пальцем и говорит:

— Они...

— Что у вас тут происходит? — спрашивает сидящий за столом.

— С кем имею честь разговаривать? — говорит ему мама.

— Я завуч школы.

— А с кем я имела честь разговаривать ранее?

— Одну минуточку... — попросил завуч. Он взял под руку дрожащего маленького человека и вышел вместе с ним из кабинета.

— Опять эти фокусы, — сказала мама. —

Увиливают на глазах! В государственном учреждении — и такое творится!

— Здорово смылись, — говорю, — ничего не скажешь!

Но завуч вернулся.

— Видите ли, — сказал завуч, садясь на свое место, — это был сторож...

— Сторож? — переспросила мама.

Завуч кивнул головой.

— Со своей работой он справляется отлично. Никогда еще не было, чтобы в школе что-нибудь пропало. Обожают, правда, сидеть за канцелярским столом, безобидная, в общем, прихоть, мы ему не запрещаем. Прошу извинить, я думаю, вас не очень огорчило это недоразумение. Наш сторож глуховат. Он следит за порядком, убирает классы, очень исполнительный работник. Чем могу быть полезен?

Мама назвала свою фамилию, и завуч встал. Как видно, он знал и уважал моего отца.

Он назвал свою фамилию, и опять спросил, чем может быть полезен.

— Ноты... — начала мама.

— О да! — он открыл ключом стол и вынул ноты. — Собирался вам отослать, а потом заботы, сына проводил...

Мама взяла ноты.

Мне было не по себе. Гонялись за бедным сторожем из-за каких-то нот. Подумаешь, ноты. Никто их присваивать не собирался, кому они нужны!

— Переезжаем в новое здание, — сказал завуч, — а здесь разместится госпиталь.

Мы попрощались и вышли.

— А я думала, и здесь будут преграды, — сказала мама, — как просто нам отдали...

— Завуч и не думал ставить нам преграды, — сказал я, — и сын у него на войне. Напрасно только бегали за сторожем.

— Зачем же, в таком случае, он от нас бежал? — сказала мама.

— Ведь он же ничего не понял, — сказал я.

— Ах, верно, он глухой, — вспомнила мама. Мы шли расстроенные, запернули на базар и нечаянно оставили там ноты.

Сейчас же вернулись, но их уже на прилавке не оказалось.

ГАЗЕТЫ

Наша курица снесла яйцо.

Мы ходили по комнате и взбивали гоголь-моголь. Взбивали по очереди и пробовали по очереди. Взбивали и смотрели, не стало ли больше, но больше не становилось.

— Не хватит? — спрашивали.

Мама заглядывала в стакан и говорила:

— Мало.

— А сейчас?

— Крутите еще.

У меня уже рука отваливалась, но я крутил. Стерлись на ладонях номера хлебной очереди. Гоголь-моголь стал белый, но больше его не стало.

— Ешь, Боба, — я дал ему стакан, подошел к газетной горе, которая немного не доставала до потолка, потрогал листы и сказал:

— Они должны нас выручить. Бумага сейчас дорогая. На некоторое время они нас здорово выручат.

— Дай-то бог, — сказала мама, — никогда не думала, что нас эта груда выручит.

Я сказал:

— Кем только не мечтал я быть, но разве я собирался продавать на базаре газеты?

— Не жалея, — поспешно сказала мама, словно боясь, что я раздумаю нести их на базар.

— Купи мне на базаре пирожок, — сказал Боба.

— Какой? — спросил я.

— Большой.

— Ну, это понятно, а с какой начинкой?

— С любой, — сказал Боба.

— С какой бы ты хотел? Я продам газеты и куплю тебе пирожок с любой начинкой.

— Купи хоть без начинки, — сказал Боба.

Я сидел на полу, перевязывал пачку газет бечевкой, а мама и Боба смотрели на меня. Любимые мои газеты. Долго они пролежали...

— Ну, вот и все, — сказал я, — зачем только я собирал их...

— Чтобы продать, — сказал Боба.

— А дальше что?

— Снова собрать, — сказал Боба. Просто у него все выходило.

— Кое-что ведь ты отобрал, — утешала мама, — особенно важные сообщения остались...

Что она понимала в важных сообщениях? В каждом номере важные сообщения. Кто сочувствовал мне? Никто.

Взвалил пачку на плечо, и мама с Бобой пожелали мне счастливого пути.

Знакомые на улице интересовались:

— Куда ты?

Я кивал головой:

— Туда.

Там торговали и меняли. Обманывали и воровали. Обсчитывали и недосчитывались. Гадали и выигрывали. Продавали пышки, туфли, сапоги, кукурузные лепешки, копченую тюленину, селедку, кружева, простыни, полотенца, тряпье, старые брюки, из которых шапоч-

ники делали шапки и пиджаки, яичный порошок, кокосовое масло, бусы, пирожки...

Газеты делились на одинарные и двойные — в один лист и в два. Для завертки. Двойные дороже.

— Двойные газеты! — предлагал я.

— Продаешь?

— Курточку не продаю.

— А жаль, несколько шапок получилось бы.

— А я в чем ходить буду, как вы думаете?

— Не знаю, кепки хорошие получились бы, это я знаю.

— Соображать надо, дядя.

Газеты раскупали.

Опять этот тип:

— Курточку продай.

— А почему вы, дядя, не на фронте?

Сразу отстал. Видите ли, курточка ему нужна.

— Двойные газеты продаю!

Зеленщик жует хлеб, откусит, положит на горку с мелочью, трясет пучком сахара, а брызги летят во все стороны.

— Мальчик, подойди сюда.

— Чего вам?

— Газеты есть?

— Есть.

— Еще есть?

— Дома есть.

— Много?

— Порядочно.

— Тащи завтра сюда, все куплю. Двойные как за одинарные оптом заберу.

— Вполцены?

— Зачем тебе ходить, учебу запускать, для тебя стараюсь.

Помощничек нашелся, обо мне заботится. Другие люди на базаре, другая жизнь.

— Нет, дядя, не пойдет, половину денег маловато за мои газеты.

— Все не купишь, мальчик, никогда все не купишь, денег все равно не хватит.

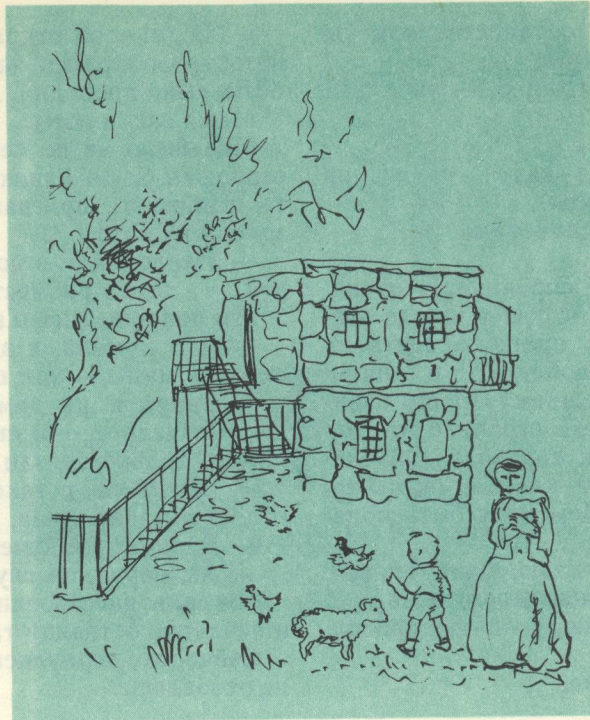
— А вам хватит?

Смеется. Тоже мне хитрец! Ему никогда не хватит, а мне должно хватить.

— Кого мы видим! — обступили меня старушки Добрушкины, будто впервые видят.

— И вы здесь?

— А ты зачем здесь?

— Продаю свои газеты.

— А мы платочки с кружевами сами делаем и продаем.

— Отчего же вы ковры свои не продадите? Вся квартира у вас в коврах, а вы платочки...

Они нахмурились.

— Питаемся скромно, платочки выручают.

— Ковры бы вас сразу выручили.

— На черный день бережем.

— А мы все продали, остались одни мои газеты...

— Ковры у нас уникальные, — сказали старушки.

Газеты мои тоже уникальные, подумал я. Каждая моя газета стоит уникального ковра.

Просто у нас черный

день настал, а у них не настал, только и всего.

— Были бы у меня ковры, — сказал я, — продал бы я их все до единого, а газеты сохранил.

— Ах какой ты умник-разумник! — старушки обиделись и пошли вдоль зеленых рядов с кружевными платочками.

Я продал мои последние газеты и увидел вывеску. Под этой вывеской сидел старик с корзиной. Кривыми буквами было начеркано на дощечке «БЫДЫС». Карманы мои были набиты деньгами, одна двойная газета стояла два рубля, я мог бы и БЫДЫС купить, но что это такое, не знал.

— Питис, — сказал старик.

— А у вас там написано БЫДЫС, — сказал я.

— Пытис, — сказал старик.

— Там-то у вас БЫДЫС, а вы то ПИТИС, то ПЫТИС, непонятно...

Старик вздохнул.

— Купи ПЫТИС, — сказал он.

Ах, вот оно что! Он хочет сказать: купи птиц! И в этой корзине у него птицы. Как раз оттуда зачирикало, а потом пискнуло. Просто старик плохо по-русски выговаривает это слово, а пишет и вовсе БЫДЫС. Надо же! Пять букв — и все неверные. Да мне в школе за такое слово не то что единицу — ноль поставят.

— Якши быдыс, — говорит. Хорошие, значит, птицы.

— Давайте, — говорю, — дедушка, я вам

надпись переделаю, никто ведь не поймет, что у вас там написано.

А он мне птичку вытащил из корзины и показывает. Красивенькая птичка, прелесть, где он только ее поймал.

— Не купят, — говорю, — у вас птиц, дедушка, с такой вывеской. Никто ведь не знает, что у вас там в корзине лежит. — Перевернул я дощечку, написал мелом «ПТИЦЫ» и говорю: — Вот так, теперь у вас торговля всюю пойдет.

А он головой кивает и птичку мне протягивает.

Хорошо бы купить птичку Бобе, да ему сейчас пирожок больше нужен.

Иду, а в голове у меня БЫДЫС вертится.

Собачка за мной увязалась.

— Быдысс... — зову ее, — быдысс...

— Купил пирожок? — спросил Боба.

Я развернул бумагу, в которой были завернуты пирожки: один с мясом, один с картошкой, один с повидлом...

— Наши ноты! — воскликнула мама. — Тебе завернули в них пирожки.

— Надо всегда заворачивать пирожки в чистую бумагу, — сказал Боба.

Я постоял минутку, посмотрел, как он хорошо ест, и взял новую пачку газет.

ДЕРЕВО

Летят палки и камни в листву, ломают ветки. Сыплется тутовый красный дождь с камнями и палками. Бросаемся под дерево, сшибаемся лбами, ползаем по тротуару, суем в рот пыльные расплющенные ягоды. Шарахаются прохожие, обходят стороной. Одна палка зацепилась за ветку и покачивается — целое бревно. Никто на нее внимания не обращает, лишь бы к ягодам успеть. В центре города напротив университета растет это дерево.

— Голову свою не жалеете, так дерево бы пожалели, — закричали из окна университета, — прекратите кидать!

Все разбежались.

Я стоял, прильнув к стене, и тер ушибленное место. Палка с дерева все-таки саданула мне по плечу.

— Я думаю, самое подходящее время, — сказал Толик, — залезть на дерево и потрясти.

Ни разу еще не видел, чтобы кто-нибудь из мальчишек осмеливался залезть на это дерево. У всех ведь на виду.

— Пока нет ребят, — сказал он, — время самое подходящее.

— Лезь, пожалуйста, — сказал я, — кто тебе запрещает.

— Давай так решим: кто не отгадает, в какой руке, тот и полезет.

— Что в какой руке? — я не сразу сообразил.

— Да ну тебя, время не терять.

— Ах, ну давай, давай! — я взял поспешно с земли камешек. — В какой у меня руке?

Он хлопнул по руке и отгадал.

— Значит, мне лезть?

— Тебе.

— Давай снова.

— Нечестно.

Дернуло меня его слушать! Я и не думал лезть.

— А ты с ягодами не сбежишь? Пока я слезу с дерева, сто раз сбежать можно.

— Да ты что?! — он раскрыл на меня глаза, будто такое на свете быть не может, что он сбежит. — Нечестно ведь, — он опять раскрыл свои глаза.

— Да брось ты свое «нечестно» да «нечестно», видали мы таких на базаре!

— Видали где?

— На базаре, где же еще. Разных там шапочников...

— Каких шапочников?! — видно, не знал он никаких шапочников, в жизни их не видел.

— Каких, каких... — говорю, — разные там кепки делают из брюк и пиджаков...

Он от меня даже попятился.

— Никогда бы не подумал. Вот ведь чудеса!

— Не больно-то чудеса, — сказал я.

— Послушай, как же из брюк шапки делают, неужели правда?

— Делают, делают... — сказал я, — кепки, а не шапки.

— На твоём месте я бы все-таки полез на дерево, — сказал он.

— А если не полезу?

— Нечестно.

Глупо лезть, очевидно. Народ мимо проходит, неужели он бы полез? Обижается все время, удивляется... Натрясу я ему ягод, а он их соберет и уйдет. Настанет тогда моя очередь удивляться и обижаться.

— А во что ты их будешь собирать? — спросил я.

— В кепку.

— А после ягод ты ее на голову наденешь?

— Ну и пусть.

— Башка вся будет красная.

— Чего?

— Да ничего.

Надел он свою кепку и говорит:

— Побыстрее залезай, а то ребята возвратятся.

— Да ладно тебе подгонять, знаешь, как у меня плечо болит?

— Разойдется, — сказал он участливо.

— Да ну тебя, — сказал я и полез на дерево.

Он стоял, задрав кверху голову, и кричал:

— Выше! Выше! Еще лезь! Теперь трясись!

Я потряс ветку. Сейчас же появились мальчишки, будто они только и ждали, когда я залезу на дерево. Они ему мешали собирать, но он все время кричал:

— Трясь! Еще трясь!

Вдруг он крикнул:

— Беги!

И еще:

— Быстрее прыгай!

Но было поздно. Прыгать с такой вышины не представлялось никакой возможности.

Внизу все разбежались, остался дворник с метлой.

— Не надо прыгать, — сказал дворник, — слезай осторожно.

Но я полез выше.

— Куда ты? — крикнул дворник.

Внизу собрались люди, показывали на меня пальцем и советовали дворнику, как меня снять. Вспомнилось — БЫДЫС. Вот сижу я, как БЫДЫС, на дереве, сущий БЫДЫС, а дальше БЫДЫСА в милицию заберут...

— Проучите его! — закричали из окна университета.

— Слезай, слезай, — сказал дворник.

Из окна университета закричали:

— Потом такие в университет поступают, возись тут с ними!

Да не собираюсь я к вам поступать, тоже выдумали.

— Сле-зай, — сказал дворник по складам.

— А что вы мне сделаете? — спросил я.

— Ничего я тебе не сделаю, не сиди на моем дереве, — сказал он, — не могу смотреть, как терзают мое дерево.

— Разве это ваше дерево? — спросил я.

— Собственноручно посадил, — объяснял дворник окружившим его людям, — а теперь жалею. За годы войны один ствол остался, от-

куда только к лету ягоды берутся, не пойму. Из университета вышел Пал Палыч, он там тоже преподавал.

Пал Палыч подошел к толпе и увидел меня на дереве.

— Я прошу тебя слезть, — сказал он, — ты должен слушаться хотя бы своего учителя.

— Я должен слушаться в классе, а не здесь.

— Твой учитель убедительно тебя просит спуститься, — сказал Пал Палыч строго, как на уроке.

Сначала я заколебался, а потом сказал:

— Сейчас не урок.

— Это не имеет существенного значения в данную минуту, — сказал он.

Возможно, сейчас лучше слезть, чем когда он уйдет: Пал Палыч меня не даст в обиду, но лучше не слезать, подумал я.

— Ну, я уйду, — сказал Пал Палыч, — не буду тебя смущать, а ты смотри не упади. Расскажешь завтра, что с тобой произошло.

Один парнишка предложил свои услуги снять меня, но в это время из репродуктора на здании университета сообщили, что наши войска перешли границу восточной Пруссии...

Все побежали через улицу к университету, поближе к репродуктору, внизу под деревом осталась одна метла.

Люди кричали «ура!», и я вместе со всеми заорал «ура!» и чуть не свалился.

Соскочил на землю.

...За углом Толик протянул мне кепку с ягодами.

— Бери свою долю, — сказал он, — долго тебя ждать пришлось.

— А я думал, что ты убежал.

— Да ты что?! — он опять вытаращил на меня глаза.

— Громим фашистов на их собственной земле! — сказал я, забирая у него ягоды.

Он хлопнул меня по больному плечу и заорал:

— Уррра!!!

АЛЛО, БАРОН!

Наступила весна. Шли бои за Берлин.

Войне шел конец, а Гитлеру капут.

Спорили, кому играть Гитлера. Вовка хотел играть барона, и я хотел.

— Барон, между прочим, тоже омерзительная фигура, — сказал я, — стоит ли спорить, оба мы с тобой омерзительные фигуры, если уж на то пошло.

— Но Гитлер ведь самая омерзительная фигура на свете, хуже не бывает, нет, барон все же лучше.

— Чем же лучше, такой же фашист.

— Но это же Гитлер, понимаешь, Гитлер! — не соглашался Вовка.

— Согласен, — говорю, — играть Гитлера, такого уroda изображу, что все от смеха лопнут. Для этого артисты и существуют, чтобы всех изображать. Пожалуйста, бери себе барона на здоровье. Над Гитлером все равно больше смеяться будут. Не надо мной же, раз я артист. Весь успех на меня выпадет.

— Не хочу барона, — раздумал Вовка, — давай Гитлера. Я сам его так изображу, что все от смеха лопнут.

— Забирай, — говорю, — своего Гитлера.

— Почему, — говорит, — моего? — и опять обиделся.

Мы ни разу не выступали на школьных вечерах. Нам понравились куплеты в «Крокодиле», мы их выучили и решили выступить на первоммайском празднике. И не просто их читать, а петь. Во-первых, над фашистами поиздеваемся, во-вторых, Пал Палыча удивим, а в-третьих, сами понимаем, для всех стараемся.

Баянист уже сидел на сцене, приготовился играть «Все хорошо, прекрасная маркиза». На этот мотив написаны куплеты. Вовка было здорово похож на Гитлера, усики себе нарисовал, челку на один глаз свесил, ребята заорали, за-

шумели, даже засвистели. Школа у нас не очень образцовая, иногда свистят. «Фюрер! — орут, — фюрер!» А я Вовке шепчу: «Гляди, как тебя здорово принимают, того и гляди в клочья разорвут». Нас обоих хорошо приняли. На голове у меня каска немецкая, я ее на ушанку натянул, чтобы от движений не соскакивала. На рукаве повязка со свастикой, а в руках «шмайсер». Тоже, в общем, впечатление производил своим видом.

Начал Вовка. Он топнул ногой и заорал: Алло, барон, какие сводки?

Как битва на море идет?

На сколько тонн сработали подлодки?

И как живет немецкий флот?

Я скорчил противную рожу, на какую был только способен, сделал фашистское приветствие и самым что ни на есть гнусным голосом занял:

Все хорошо, могущественный фюрер,
Все хорошо и мы горды,
Спокойно все среди полярной бури,
За исключением ерунды...
Мы даже вам не сообщали,
На барже кранец потеряли,
А в остальном, могущественный фюрер,
Все хорошо, все хорошо!

Вовка еще сильнее топнул ногой (поднялась пыль столбом) и завопил со страшной силой:

Алло, барон, какой там кранец?
Мне что-то трудно вас понять!
Как мог порядочный германец,
На барже кранец потерять?

Я взвыл:

О, майн гот, подлодка так пальнула,
Что не успели мы уйти,
А если баржа тотчас утонула,
То где же кранец тут найти?

Вовка-Гитлер зарычал:

Алло, барон, я так взволнован,
Как все арийские сердца,

Скажите все-ка вы мне снова,
Все от начала до конца.

Я ответил:

Шел караван наш в Баренцево море
Тоннажем в триста тысяч тонн,
Он был в безбрежном северном просторе
Советской лодкой окружен.

После этих слов я начал кидаться по сцене
в разные стороны и затараторил с необыкновенной быстротой:

Торпеды бешено рвались,
А мы бежали вверх и вниз,
Наш транспорт скрылся под водой,
Сперва один, потом другой.
Чтоб смерить моря глубину,
Эсминец наш пошел ко дну,
Нас били тут и били там,
Обломки плыли по волнам,
А в остальном, могущественный фюрер,
Все хорошо, все хорошо!

Подбежали друг к другу, развернулись к зрителям и закончили:
— Все хорошо!

Нас вызывали, и мы повторяли. Успех был колоссальный. Пал Палыч, наш строгий Пал Палыч, директор и завуч хохотали и хлопали.

Шум в зале стих, и Вовка сказал:

— Дорогие ребята, дорогие наши учителя, завуч и директор! Мы с Петей Ивановым как следует подумали и после долгих наших раздумий решили сдать в школьный музей немецкие трофеи, которые наши воины забрали у фашистов и которые мы потом нашли на свалке. Перед вами немецкий пистолет-пулемет «шмайсер», и еще есть три карабина австрийского происхождения, шесть немецких касок, слегка потертых, побывавших в употреблении, одна из них сейчас на голове у Пети Иванова. Мы очень рады обогатить наш школьный музей,

принести в дар наши скромные подарки, которые мы добыли на свалке с таким трудом... то есть я хочу сказать... без всякого труда, в общем, мы очень рады... и все.

Ребята завопили, обрадовались, а я соскочил со сцены, подбежал к военруку и вручил ему автомат. А Вовка закричал со сцены:

— Остальные завтра принесем!

Ребята повскакали с мест и бросились к военруку, но он на них крикнул, — голос у него зычный, любого перекричит, — и все назад.

Передача оружия не совсем получилась, но ничего ведь страшного не произошло. Мы сильно вспотели, а голова моя в ушанке с каской прямо раскаленной сделалась.

— Пошли купаться, — сказал Толик.

...Купаться холодновато, и купальня еще закрыта, но мы пролезли под настилом эстакады, разделись и поплыли.

— Отлично! — отфыркивался я в холодной воде.

— Красота! — орал Вовка.

— Настоящая красота, — сказал Толик.

Прошел крупный дождь, и море, казалось, потеплело. Взметнулась в небо радуга, и мы залюбовались.

Дождь быстро прошел.

Мы запрыгали под радугой, запели наши куплеты. Наверное, было слышно на бульваре.

— Нырнем еще?

— Нырнем!

Подул внезапно ветер. Закачалась старая купальня, заскрипела. И радуга пропала. Задергались суденышки, заходили мачты яхт.

— Алло, барон, какие сводки? — запел Вовка.

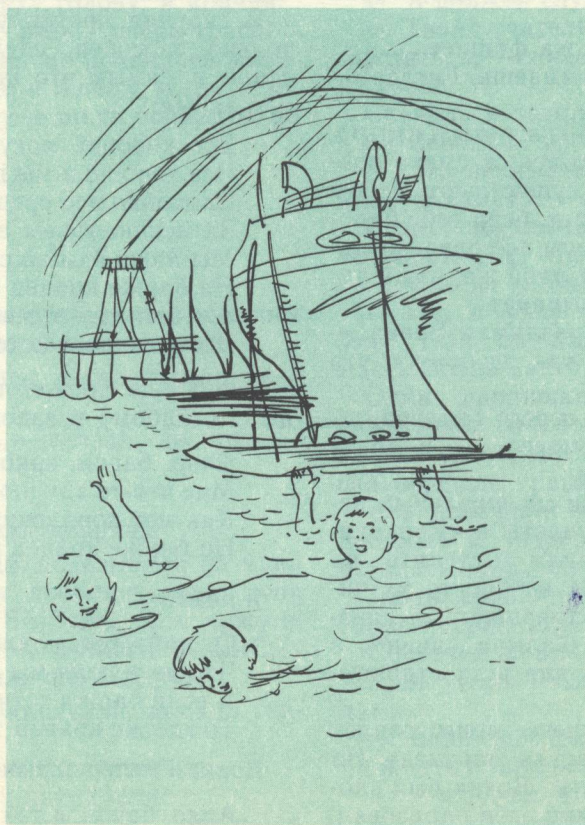
— Меняется погода, — сказал Толик, — давайте вылезать.

Море забурило, и нас кидало как мячики.

Вылезли из воды и заплясали, чтобы согреться.

Небо прояснилось, и опять появилась радуга.

Море разделилось на три полосы: первая полоса свинцово-холодная, вторая — свинцово-красная, третья — синяя...

ПОЛОСЫ НА ОКНАХ

Бумажные полоски клеились на окна крест-накрест, чтобы уберечь стекла от взрывной волны. Наш город не бомбили. Стекла пылились, а полосы желтели.

А сейчас мама, Боба и я снимали газетные полосы, мочили их водой, счищали.

Потом мыли стекла.

— Я что-то нашел, — сказал Боба, царапая подоконник.

Моя пуля, удивился я, вот она где застряла. А мы-то ее искали! Везет Бобе, всегда все найдется.

— Соскобли-ка вон ту полосу, — отвлек я Бобу и выковырял пулю на память.

— Здесь что-то было, а теперь нет, — сказал Боба, возвращаясь к подоконнику.

— Тебе, наверное, показалось, — сказал я, и он недоверчиво на меня покосился.

— Звонила тетя Соня, — сказала мама, — приглашает нас в гости, а мне до сих пор за Бобу стыдно, как вспомню...

— Он был тогда еще совсем малыш, — заступился я за Бобу, — а тетя Соня ведь знает, что наш папа погиб на войне...

Я торопился к старикам, сыновья им прислали письма. Стекла прояснялись, становились чистые и прозрачные...

К О Н Е Ц

ДОРОГА

На листке почтовой бумаги рисунок — синяя лента дороги, а по ней бежит красный грузовик. Конечно же, это весточка о пионерском километре. Читаем:

На заседании штаба «Светофор» мы обсуждали беседу «Дорога». Много споров возникло у нас о «Пионерском километре».

В результате обсуждения родилось мнение: провести операцию «Дорога»! Строить дорогу мы не можем, не имеем навыков и знаний, но содержать ее в чистоте, чтобы водитель и пешеход сказал тебе: «Спасибо», — это наш пионерский долг. Поэтому штаб «Светофор» решил:

а) убрать улицу, где расположен наш детдом;

б) провести экскурсию к строителям, которые расширяют проспект Ю. Гагарина, и, если нужна помощь дорожникам, оказать ее;

в) постоянно содержать в порядке и чистоте улицу Локомотивную, бережно относиться к дорожным сооружениям.

И все-таки нашей мечтой является «построить нашу, пионерскую дорогу! Чтобы мы ее обслуживали сами — от регулировщика до шофера. Интересно было бы проехать по пионерской дороге!

С пионерским приветом

Руслан Шелест,
член штаба «Светофор» детдома № 2,
г. Харьков

Это и есть наш отряд «Светофор»

Дорогая редакция!

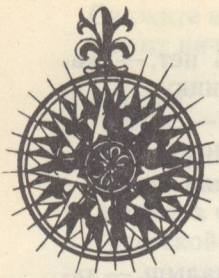
Мы, пионеры дружины им. О. Кошевого Килийской средней школы № 1, включились в операцию «Пионерский километр». В операции принимают участие 7 отрядов. Совет дружины закрепил за каждым из них километровые участки дороги, прилегающие к нашему городу.

Мы начали ремонт дорог, окопали кюветы, регулярно поливаем дороги.

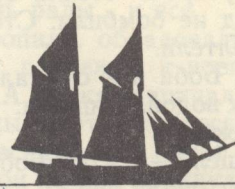
Надеемся, что успешно завершим операцию.

Совет дружины им. О. Кошевого
Одесская обл., Килия

Таких писем каждый день приходит в редакцию немало. Мы желаем успехов всем, кто включится в операцию «Пионерский километр». Ждем от вас сообщений!

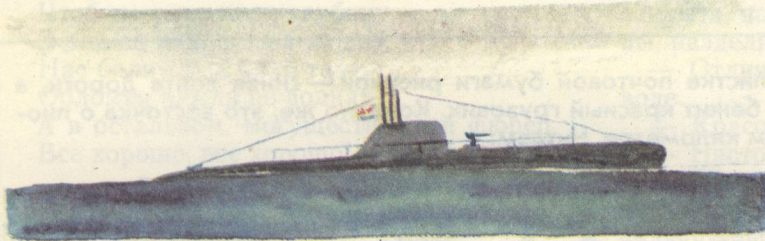
МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

ПОДВОДНАЯ ДУЭЛЬ

Командир подводной лодки-малютки* опустил бинокль и посмотрел на часы. Он любил точность и отметил про себя: «Восемнадцать часов двадцать минут».

Море было спокойно, ветер гнал редкие облака в сторону норвежского берега.

Боцман стоял рядом. Кожанка его была расстегнута. Тяжелый бинокль он держал, широко расставив локти, и медленно водил окулярами. У боцмана был свой сектор наблюдения, у командира — свой.

И командир и боцман воевали вместе не первый год и хорошо знали друг друга. Оба молчали и думали о своем. Боцману не нравились облака, из-за которых в любой момент мог появиться фашистский самолет, а командир думал о завтрашнем дне и о радиограмме, в которой командование предупреждало его о появлении в Баренцевом море фашистских подводных лодок.

— Справа шестьдесят, — сказал вдруг боцман, что-то увидев в бинокль.

— Не вижу, — сказал командир. Сколько кабельтовых?

— Тридцать кабельтовых... Неопределенный черный предмет... — и скороговоркой боцман поправился: «Ясно вижу: рубка подводной лодки!»

— Вижу, — сказал командир. — Срочное погружение!

Если боцман догадывался, то командир знал точно: в этом квадрате можно встретить только подводку врага. Он знал также и то, что у его

* Этот удивительный случай произошел с лодкой «М-176» во время Великой Отечественной войны. Командовал «М-176» капитан 3 ранга Иосиф Лукьянович Бондаревич.

«малютки» всего две торпеды, а у фашистов их не менее десяти...

— Ход — три узла, — приказал командир. — Акустику — слушать...

Акустику эмоций не полагается; все докладывает одинаковым голосом: «Слышу шум винтов справа... Слышу шум винтов слева... Слышу торпеды... Слышу торпеды сверху...»

«Малютка» нырнула глубже, и торпеды прошли над нею...

Команда застыла у приборов и механизмов. Страшные это были часы ожидания...

— Слышу торпеды снизу, — снова докладывал ровным голосом акустик. — Слышу торпеды сверху...

И командир бросал лодку то вверх, то вниз.

Фашисты нервничали. Их пугала эта молчаливая советская подлодка, которая не уходила от них и не стреляла.

А боцман считал торпеды. Седьмая, восьмая... Девятая, десятая...

— Все, — сказал боцману командир, — больше им стрелять нечем. Будем всплывать...

Блестя смазкой, мягко покотился из шахты перископ. Командир щелкнул рукоятками, вжался глазом в резину окуляра.

— Немец всплывает, — тем же голосом докладывал акустик. И тотчас же командир увидел в перископ черную рубку. Она наискось выходила из воды, и с нее стекали потоки пены.

— Аппараты, пли!

Взрывы торпед услышали на «малютке» все. С фашистом было покончено. И тогда командир снова взглянул на часы. «Двадцать один час пятьдесят минут...» Больше трех часов продолжалась подводная дуэль. А командиру показалось, что прошло не более десяти минут...

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Это — «Алвин» — глубоководный управляемый аппарат. Он похож на огромное глазастое чудовище.

Спереди у «Алвина» металлическая клешня для работы под водой. Если клешня застрянет в скалах, «Алвин», как испуганный краб, отбросит ее и всплывет.

Построен «Алвин» в США. Его длина — шесть метров, скорость под водой — 6 километров в час.

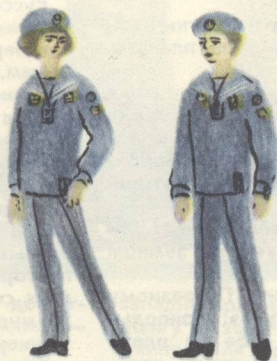
Теперь ученые смогут исследовать моря и океаны, погружаясь на глубины до двух километров. Так глубоко управляемые аппараты еще не забирались...

ШКОЛА ЮНГ

— Я давний участник вашей школы юнг, — пишет ленинградец Саша Антонов. — А какие и где еще есть заочные школы юнг?

Саше отвечает юнкор «Морской газеты» из Польской Народной Республики Марек Пилипон.

— «Школу юнг» организовало гданьское телевидение. Это передачи о море и кораблях для юных зрителей. В конце каждой программы задаются вопросы по морскому делу. Награда победителям — путешествие на шхуне харцерского (пионерского) флота «Завиша Чарны» вдоль польского побережья. Во время этого рейса шхунной командуют ученики «школы юнг».

Форма польских морских харцеров

С ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

«КАТАМАРАН»

В. Ратников, 12 лет, поселок Советский Выборгского района
Рисунок удостоен диплома и премии «Желтый пингвиненок».

ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С НОВЫМ ГОДОМ

РЕДАКЦИЯ МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШЕГО ЮНКора

ТОЛЮ НИКИФОРОВА

С ПОСТУПЛЕНИЕМ

В ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ
ТИХООКЕАНСКОЕ С.О.М АКАРОВА.

УЧИЛИЩЕ!

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ, ТОЛЯ!

БЫСТРОХОДОВ

РУМПЕЛЬ

РОБИНЗОН

МЫ ДЕЛАЕМ САМИ

Модели Саши Топоркова

Читатели «Морской газеты» знакомы с москвичом Сашей Топорковым, составителем ММЭ — Малой Морской Энциклопедии (см. «Костер» № 3).

Саша — юнкор «Морской газеты» и участник маневров «Океан-2».

Саша прислал в редакцию фотографии моделей, которые он сделал сам: торпедного катера, сторожевика, катера для проведения водолазных работ и яхты.

МОРСКАЯ

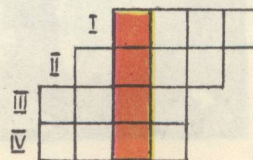
ГОЛОВОЛОМКА

„В КАКОМ ГОДУ?“

(составил читатель «Морской газеты» В. Соловьев из Пензы)

1. В каком году произошло Синопское сражение?
2. В каком году русские моряки осадили крепость Корфу?
3. В каком году Семен Дежнев отправился разыскивать Северо-Восточный проход?
4. В каком году была экспедиция Витуса Беринга?

Заполнив все клеточки по горизонтали, вы получите по вертикали (красная вертикаль) год рождения великого русского флотоводца Ф. Ф. Ушакова (правильный ответ смотри на странице 64).

БОГАТЫРЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Наша читательница Таня Макарова из Омска спрашивает в своем письме: кто был самым лучшим спортсменом уходящего 1971 года?

Вопрос не из легких! За год разыграны десятки чемпионатов мира, установлены сотни рекордов планеты. Кого же считать спортсменом № 1?

Об ответе позаботилась Международная ассоциация спортивных журналистов. Она провела опрос среди своих членов, представляющих все страны мира. Спортивные обозреватели газет, журналов и информационных агентств были единодушны: лучший — советский штангист Василий Алексеев.

Чем же вызвал он такое всеобщее поклонение? Василий АЛЕКСЕЕВ — СИЛЬНЕЙШИЙ человек на земном шаре!

Испокон веков люди высоко ценят силу. По-разному щеголяли богатыри мощью своих мускулов: приподымали груженные телеги, взгромождали себе на плечи быков, наваливали на себя горы мешков с мукой, крестились тяжеленными гириями. В каждой стране и даже в каждой местности был свой обычай, своя традиция.

В наши дни все силачи поставлены в равные условия — поднимают стандартную металлическую ШТАНГУ. Штанга имеет удобный ГРИФ для захвата руками. На гриф с двух сторон насаживаются БЛИНЫ.

Сколько блинов нацепить, зависит от «аппетита» спортсмена, от его силы. Вот тут-то и нет у Василия Ивановича Алексеева равных. Нашему соотечественни-

ку принадлежат все (!) абсолютные мировые рекорды по тяжелой атлетике.

Главный рекорд — в СУММЕ ТРЕОБОРЬЯ. Из чего складывается эта сумма? Из результатов в трех ДВИЖЕНИЯХ, обязательно выполняемых на каждом соревновании. Первое движение — ЖИМ. Оно выявляет силу рук и плечевого пояса. Штангист сначала берет снаряд на грудь, а потом, не сгибая ног, непрерывным размеренным усилием выжимает вес над головой. Второе упражнение — РЫВОК. Штанга резко; в один прием взмывается присевшим атлетом над головой. Затем спортсмен поднимается в полный рост. Заключительная часть троеборья — ТОЛЧОК. Здесь так же, как и при жиме, штанга сначала поднимается на уровень груди, а потом с помощью мощного усилия ног выталкивается над головой на прямые руки.

На Спартакиаде народов СССР Алексеев выжал 225,5 кг, вырвал 180 кг и толкнул 235 кг. Так родился замечательный рекорд в троеборье — 640 килограммов!

Русский богатырь первым перешагнул «границу человеческих возможностей». Так окрестили рубеж в шесть центнеров, который долгие годы не поддавался штангистам. Впрочем, лет пятнадцать назад такой же зачарованной казалась сумма 500 килограммов, пока ее не набрал «человек-гора» американец Пауль Андерсон.

Сейчас Андерсон выступает в цирке. Во время представления он держит на плечах платформу, на которой восседает джаз-оркестр и танцует вальс дрессированный бегемот. Но коронный номер бывшего рекордсмена — поднятие двух несгораемых шкафов, укрепленных на штанге. Любой из зрителей приглашается повторить этот номер. Награда — содержимое этих двух сейфов, 10000 золотых долларов. Желающих всегда много, но уходят с арены все они с постным выражением лица.

Когда в прошлом году советская сборная, возглавляемая Василием Алексеевым, вылетела в США на очередной чемпионат мира, Андерсон на всякий случай исключил этот номер из своей программы...

Родился Василий на Рязанщине, в селе Покрово-Шишкине, откуда, по преданию, вышел и другой славный богатырь — Евпатий Коловрат, громивший семь столетий назад несметные татарские полчища.

Детские годы будущий чемпион провел в Рочегде, что в Архангельской области. Там и вышел Вася впервые на спортивную площадку. К окончанию школы был он отменным спринтером: бегал стометровку за одиннадцать секунд с небольшим, прыгал в высоту на 180 см. (Столько же, кстати, брал в школьные годы и нынешний чемпион мира по шахматам Борис Спасский).

Но особенно полюбил Вася волейбол. Его товарищам это увлечение доставляло немало забот. Вскоре в школе не осталось ни одного целого мяча — покрывки не выдерживали мощных алексеевских ударов. Тут ребята пошли на хитрость: подарили Васе на день рождения новенькую двухпудовую гирию. И попали в точку.

Друзья Василия по институту заметили, что по утрам паренек играет гирей, словно яблочком, и привели его в секцию тяжелой атлетики. Штанга не была такой послушной: она пригнала новичка к помосту, падала из рук, рвала кожу на пальцах...

Десять лет потратил Василий на укрощение снаряда. Десять лет он ходил в «средняках», но твердо верил, что станет сильнейшим.

Трудно перечислить все рекорды, что устанавливал

Алексеев. Сам он аккуратно ведет счет мировым — после Всесоюзной спартакиады их было уже 44! Считать богатую семью помогают его сыновья — девятилетний Сережа и семилетний Дима. А Василий Иванович содействует сыновьям в спортивных делах: смастерил им удобные гантели. Ребята мечтают вырасти такими же, как папа.

Своими рекордами Алексеев совершенно лишил покоя руководителей Международной федерации гиревого спорта. Трижды им приходилось в этом году откладывать выпуск официального справочника высших мировых достижений. Едва книжку набирали в типографии, как советский чемпион перекраивал всю таблицу рекордов.

Наша встреча с Василием Ивановичем состоялась вскоре после Спартакиады народов СССР. Сборная СССР готовилась к поездке на чемпионат мира, и было интересно узнать о планах богатыря.

— План у меня один: не останавливаться на достигнутом, — обстоятельно, по-деловому сказал чемпион. — Нет таких рекордов, чтобы нельзя было побить.

— А рубеж 700 килограммов в троеборье?!

— Будет пройден и он. Может быть, на это уйдет несколько лет, но штангисты упрямый народ — не отступят, не остановятся. Я и сам подумываю, как к нему подобраться.

— Какими же тогда станут мировые рекорды! Не слишком ли фантастично мечтать об этом?

— Сегодня фантастика, а завтра... Попробуй я уйти с помоста, пока не набирается шестисот килограммов, теперь уже это всем кажется невозможным. А рекорды, думаю, станут такими: жим — пятнадцать пудов, рывок — двенадцать, толчок — семнадцать. Хватит? Сорок четыре пуда.

— Хватит, — подтвердил я, переводя пуды в килограммы, вышло 704! И тут же вспомнил, как на спартакиаде четверо мускулистых парней с трудом волокли на весы только что покоренную Алексеевым четырнадцатипудовую громадину. — Кого же вы считаете главным своим конкурентом?

— У меня один соперник — штанга. С ней я сражаюсь каждый день. И все штангисты — мои союзники в этой борьбе.

По примеру Алексеева одолели границу шести центнеров бельгийский библиотекарь Серж Рединг и западногерманский студент Рольф Манг. Говорят, что Мангу в этом помог выписанный из Японии тренер — «железный» Томми Конно, а Редингу — особая диета из брюссельской капусты.

— Кстати, нет ли у советских тяжелоатлетов каких-либо гастрономических секретов?

— Едим мы все то же, что и другие русские люди, да, пожалуй, и не намного больше. Я, например, по вечерам налегаю на творог с молоком. А в жаркие дни люблю побаловаться кваском.

— Наступающий год — олимпийский. Пусть же Олимпиада поможет вам осуществить свои планы!

— Спасибо, — улыбается Василий Иванович и лукаво поглядывает на жену, которая неизменно сопровождает его на все крупнейшие состязания. Ведь зовут его супругу Олимпиада Ивановна...

Ю. Михайлов

Будет спортивный комплекс!

Не так давно в редакцию пришло тревожное письмо. Ребята из поселка Аскиз Хакасской автономной области писали о том, что им негде и не с кем заниматься спортом. Мы решили посоветоваться с Хакасским обкомом ВЛКСМ.

Секретарь Хакасского обкома ВЛКСМ М. Макунина написала нам, что одаренные спортсмены из поселка Аскиз направляются на учебу в физкультурные институты и техникумы. В родной поселок они вернутся хорошо подготовленными тренерами. В девятой пятилетке будет построен спортивный комплекс с плавательным бассейном.

Приятное сообщение под Новый год!

ТЕТЕРЕВА

Евгений
Фейерабенд

Лес вечерний
На морозе
Надевает кружева.
На пригорке,
На березе
Все темней тетерева.
Наклевались почек в ужин,
Посбивали с веток снег.
Меркнет свет,
Крепчает стужа,
Все желаннее ночлег.
Вид задумчив
У тетерь.
Ночь близка...
Куда теперь?...

Припадая за кустом,
Кто-то снег
Метет хвостом...
Злая птица
Из дупла
Глаз горящий навела...
Там — лисица,
Тут — сова...
Ночи ждут тетерева.
Вот и зорьна догорела,
Густо чаща засинела.
Хлоп!
Хлоп!
Хлоп!
Хлоп!
Птицы
Падают
В сугроб.
Он такой большой —
Как терем!
Есть где спрятаться
Тетерям.

Осыпая в чаще хвою,
С перепугу
От пальбы
Унеслись
Лиса с совою
За осинник,
За дубы.
А потом
Вернулись обе
И глядят во все глаза.
Повертелась на сугробе
Остроносая лиса.
Рваный след —
Не знает чей.
Проморгала
Косачей!
Ищет, носится сова:
— Где же спят
Тетерева?...
Нет нигде их,
След потерян...
Хорошо
В снегу
Тетерям!

Рисунок Е. Захарова

Л. Виноградов, М. Еремин, А. Лосев
Рисунки М. Беломлинского

Появляется Медведь.

МЕДВЕДЬ. Тяжела медвежья участь,
Я живу на свете, мучась.
Целый день со всех сторон
Шорох, стуки, шум и звон!

Всё медведя беспокоит:
То в овраге волк завоет,
То вдруг зяблик запоет,
Даже ночью слышу — роет
Подо мною землю крот.
Ну-ка, лягу под сосну,
Может быть, я здесь засну.

После этих слов надо уложить Медведя под
сосной. Появляется Заяц.

ЗАЯЦ. Бегал по лесу с утра,
Не присел за целый день,
Отдохнуть теперь пора...
Кстати, вот удобный пенёк.

Заяц как будто бы садится на Медведя.

МЕДВЕДЬ. Это ты, Заяц?

ЗАЯЦ. Вот уж не знал, что в этом лесу пни умеют
разговаривать!

МЕДВЕДЬ. Сам ты пенёк! А я Медведь.

Заяц отскакивает от Медведя.

ЗАЯЦ. Что же ты сразу не сказал, я ведь тебя ужасно боюсь. Ведь ты самый сильный в лесу!

МЕДВЕДЬ. Что сила!

ЗАЯЦ. У тебя лапа — так лапа, зубы — так зубы! Лежишь себе в берлоге и горя тебе мало.

МЕДВЕДЬ. Полежишь тут у вас! Сорока верещит, дятел стучит, да ты еще над ухом барабанишь. Вот тебе можно позавидовать, барабанщик!

ЗАЯЦ. Ты лес пугаешь мощным храпом, А я дрожу среди осин. Ах, лучше б стать мне косолапым, Чем по лесу петлять косым.

МЕДВЕДЬ. Не ценишь ты свою сноровку. Учти, берлога не кровать. Гораздо лучше грызть морковку, Чем лапу, например, сосать.

ЗАЯЦ. Пугал бы лес я мощным храпом!

МЕДВЕДЬ. Скачал бы я среди осин!

ЗАЯЦ. Эх, мне бы стать бы косолапым!

МЕДВЕДЬ. А я согласен стать косым!

ЗАЯЦ. А знаешь, Миша, давай попросим Деда-Мороза превратить нас друг в друга. Он все может.

МЕДВЕДЬ. А разве он здесь, Дед-Мороз?

Появляется Баба-Яга в шубе и шапке Деда-Мороза

БАБА-ЯГА. Вот он я, Дед-Мороз — Красный Нос. Кто тут меня звал?

ЗАЯЦ. Ой, Миша, говори!

МЕДВЕДЬ. Ишь какой шустрый, сам говори!

ЗАЯЦ. Эх ты, лежал, как пень, и сейчас пень пнем!

МЕДВЕДЬ. Это я-то пнем? Вот я тебя сейчас как пну!..

БАБА-ЯГА. Ага, пни его, пни! Это мне по нраву!

ЗАЯЦ. Что же это вы, Дедушка-Мороз, нас драться подбиваете?

БАБА-ЯГА. В самом деле, что же это я, дедушка?.. Это я пошутил. Что вы у меня попросить хотите?

ЗАЯЦ. Дедушка, я хотел бы стать медведем!

МЕДВЕДЬ. А я — зайцем длинноухим!

БАБА-ЯГА. Ладно, выполню вашу просьбу. Будет вам от меня новогодний подарок!

Чтобы сделать это чудо,
Надо вас убрать отсюда.
На минуту гаснет свет...
Зайца и Медведя нет!

В этом месте надо на минутку погасить лампочку за сценой и убрать Зайца и Медведя, чтобы на сцене осталась одна Баба-Яга.

БАБА-ЯГА. Вот тут, за кусточком, у Деда-Мороза спрятано волшебное заклинание, выполняющее любое желание. Я его случайно нашла, когда мимо шла. Никто его секрета не знает и никогда не узнает. Сейчас я его прочту, и Зайчишка с Мишкой полчат, чего хотели, только они — хе-хе-хе! — не обрадуются!

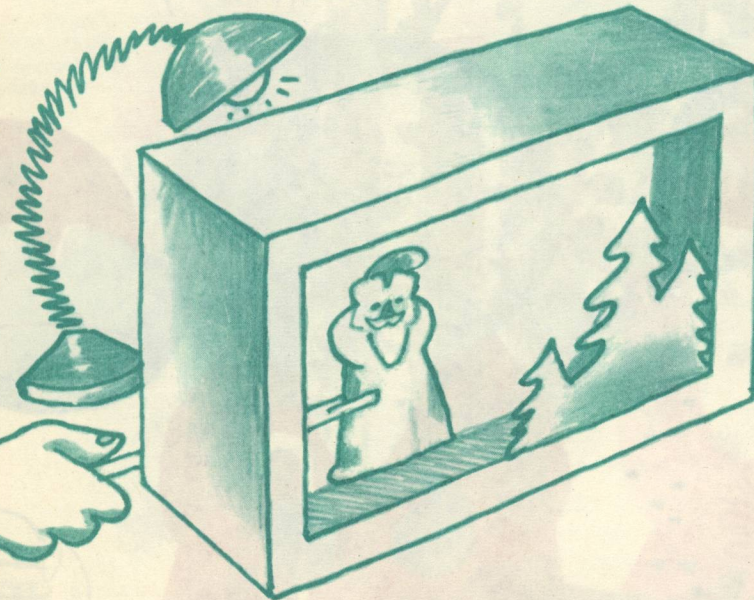
После этих слов отогни по пунктиру кустик в середине декорации так, чтобы стало видно стихотворение на обороте. Баба-Яга водит носом по строчкам.

БАБА-ЯГА. Так, так... Хочу, чтобы Заяц и Медведь превратились друг в друга наполовину, так, чтобы им впредь неповадно было мечты мечтать и желания желать!

(После этих слов Бабы-Яги куст поверни на место)

Вот и сделала я чудо,
Ухожу теперь отсюда.

2

Вот так надо установить сцену, декорации и освещение.

В новогоднем номере «Уголька» маленький театр. Только тебе, читатель, придется потрудиться. Без тебя и сцена, и декорации, и актеры останутся картинками на бумаге.

Возьми ножницы и аккуратно вырежь Деда-Мороза, Мишку, Зайчика, Бабу-Ягу, одежду Деда-Мороза, куст со стихами. Вырезай по сплошным черным линиям.

На обороте куста печатными буквами перепиши заклинание:

Далеко в глуши безвестной
Разыскал ты заклинание,
Угадал ты куст чудесный,
Говори теперь желание!

Прикрепи голову Мишки, голову Зайца и барабан, к их туловищу. Для этого надо просунуть белую полоску в прорезь.

Сделай из картона сцену и декорации, лучше всего использовать готовую коробку для обуви, как на рисунке. За сценой включи настольную лампу.

Прикрепи своих бумажных актеров

На минуту гаснет свет...
И меня уж нет как нет!

Снова погаси на минуту свет и убери со сцены Бабу-Ягу. Поменяй головы Зайцу и Медведю. Входят Медведь и Заяц, только теперь у Зайца медвежья голова, а у Медведя заячья голова и барабан.

МЕДВЕДЬ. Буду пряткий, буду ловкий,
Буду на зиму белеть,
Дайте в лапы мне морковку,
Заяц я, а не Медведь.

ЗАЯЦ. Отдохнуть могу в берлоге,
Не бояться волка впредь.
Унесите, звери, ноги!
Сторонись, идет Медведь!

Заяц уходит вразвалку, Медведь убегает вприпрыжку. Вбегает Баба-Яга, за ней — Дед-Мороз.

БАБА-ЯГА. Ай-ай, я больше не буду!
ДЕД-МОРОЗ. Ты зачем мою шубу и шапку стащила?
Зачем напакостила, противная Баба-Яга?!
Вот я тебя за это в лягушку превращу!

БАБА-ЯГА. Ой, Дед-Мороз, не превращай, пожалуй-ста, я тебе все отдам.

На минуту Баба-Яга и Дед-Мороз скрываются за сценой, в это время ты наденешь шубу и шапку на Деда-Мороза, потом они опять появляются на сцене.

ДЕД-МОРОЗ. Уходи, Баба-Яга, из нашего леса, а если еще здесь когда-нибудь появишься, я тебя в гнилушку превращу!

Баба-Яга уходит, появляется Медведь.

Никак это Заяц!

МЕДВЕДЬ. Заяц-то я Заяц, да лучше бы мне быть Медведем.

ДЕД-МОРОЗ. Не хнычь, Заяц. Бери барабан. Будь Медведя.

МЕДВЕДЬ. Я его сейчас так разбужу!.. Небось разлегся в моей прекрасной теплой берлоге... Ой, не барабанит почему-то! Только лапой ударил — дырка!

ДЕД-МОРОЗ. Что с тобой случилось? Стал неуклюжим, как Медведь.

Появляется Заяц.

МЕДВЕДЬ. Не смейтесь над бедным Медведем, Дедушка-Мороз!

ЗАЯЦ. Бедный я, бедный, несчастный бывший Заяц!

ДЕД-МОРОЗ. Да что с вами сегодня?

МЕДВЕДЬ. Подвернул в прыжке я ногу!
Ни к чему мне это чудо!

ЗАЯЦ. Провалился я в берлогу,
Еле выбрался оттуда!

ДЕД-МОРОЗ. Вот ведь как случается,
Вот как получается,
Если вдруг приятели головой меняются,
Надо свою голову
На плечах иметь
И не прыгать зайцем, если ты медведь!

Ну, ладно. Если сумеете отыскать в моем заклинании волшебное слово, все опять станет на свои места.

После этих слов Деда-Мороза нужно опять повернуть куст, чтобы стало видно заклинание.

Читайте, медвезайцы, если читать умеете!

ЗАЯЦ. Далеко, в глуши безвестной...

МЕДВЕДЬ. Разыскал ты заклинание...

ЗАЯЦ. Угадал ты куст чудесный...

МЕДВЕДЬ. Говори теперь желание! — Хочу, чтобы...

ДЕД-МОРОЗ. Постой, постой. Сначала прочтите по очереди первую букву каждой строчки заклинания.

3

к прутикам. Для этого прутики надо расцепить на концах.

Разыгрывать пьесу, конечно, лучше не одному, а с друзьями. Лучше всего вчетвером — по числу действующих лиц. Слова, написанные вот такими буквами: **ЗАЯЦ**, — читать вслух не надо. Они обозначают только, чья очередь говорить. Слова, написанные вот так: **Появляется Медведь**, — тоже читаются про себя. Они обозначают, что происходит на сцене. Остальное читается вслух, с выражением.

Прочти этот текст еще раз внимательно сначала, а еще лучше перепиши — ведь после вырезания текст исчезнет.

Теперь можно приглашать зрителей. Только не забудь перед началом сказать громко и торжественно:

— Занавес поднимается, представление начинается!

Попробуй сам сочинить и разыграть в театре «Уголька» другие пьесы. Если получится интересно, пришли нам. Вот и все.

Так же, как Заяц, будут «выходить» на сцену и другие участники представления.

ЗАЯЦ. Д.
 МЕДВЕДЬ. Р.
 ЗАЯЦ. У.
 МЕДВЕДЬ. Г.
 ДЕД-МОРОЗ. Составь-ка, Заяц, да скажи Мише волшебное слово из этих букв.

ЗАЯЦ. Д-р-у-г!
 ДЕД-МОРОЗ. А теперь ты, Миша, скажи Заяцу волшебное слово.

МЕДВЕДЬ. Д-р-у-г!
 ДЕД-МОРОЗ. Если вы всегда будете друг другу друзьями, не будете друг друга дразнить, не будете угощать друг друга колотушками, вам и меняться ничем никогда не захочется. А теперь...

На минуту гаснет свет,
 И в помине чуда нет!

Ты в последний раз выключаешь свет, меняешь головы Мишке и Заяцу. Когда свет включается снова, на сцене только Медведь и Заяц, которые пляшут и поют песенку:

Хорошо быть Мишкой,
 Хорошо быть Зайчиком,
 Хорошо быть девочкой,
 Хорошо быть мальчиком,
 Хорошо быть маленьким,
 Хорошо — большим,
 Только бы не глупым,
 Только бы не злым!

Так уж получается,
 Так всегда случается:
 Сказки новогодние
 Хорошо кончаются,
 Елка зажигается,
 Праздник настает.
 Слава Дед-Морозу!
 Здравствуй, Новый год!

Веселый Ади и его помощницы из телевизионной передачи ГДР, которая называется «ДЕЛАЙ С НАМИ, ДЕЛАЙ КАК МЫ, ДЕЛАЙ ЛУЧШЕ НАС», — поздравляют читателей «Костра» с наступающим 1972 годом и приглашают всех на шуточные соревнования.

Прежде чем начать, не забудьте включить проигрыватель. Быстрая ритмическая музыка удваивает силы.

БОРЬБА ЗА СТУЛ

Шестеро участников игры ходят гуськом вокруг пяти стульев. По свистку ведущего все пытаются занять свои места. Тот, кому не хватило стула, выбывает. Теперь уже пятеро участников ходят вокруг четырех стульев. Свисток ведущего. Опять одному не хватает стула. И так до тех пор, пока не останется на арене один из вас, самый ловкий.

Можно усложнить эту игру, например, прогуливаться вокруг стульев на корточках или на четвереньках.

СВЕЧА-НЕДОТРОГА

Капните на пол немного стеарина и укрепите таким образом свечу. (Взрослые на вас не рассердятся, потому что от стеарина паркет блестит еще сильнее). Теперь сядьте на пол, возьмитесь левой рукой за правое ухо, а правой рукой за большой палец левой ноги и попытайтесь ртом достать свечу. (Зажигать ее не следует, чтобы не обжечь носа).

НА СВОИХ ТРОИХ

Если вы еще не научились ловко ходить на руках, это дело поправимое. Вы упираетесь руками в пол, а левую или правую ногу держите так, чтобы она не касалась пола. Ведущий командует: «На старт!» Старт и финиш можно сделать в коридоре.

„ДЕЛАЙ С НАМИ, ДЕЛАЙ КАК МЫ, ДЕЛАЙ ЛУЧШЕ НАС“

НЕВИДИМЫЕ БУКВЫ

Сядьте на пол, ноги вместе, слегка упритесь руками в пол. Теперь попробуйте, вытянув ноги, написать в воздухе какие-нибудь скромные слова, например — «Я самый ловкий!»

БЕССТРАШНЫЙ ПОЧТАЛЫОН

Один из вас забирается на стол. В руках у него боксерская перчатка, или мяч, или небольшая подушка, укрепленная на двухметровом шнуре. По другую сторону стола лежат газеты и «письма». Стоя на столе, один из участников раскручивает перчатку, а бесстрашный почталыон пролезает под столом, хватая письма и тем же путем устремляется обратно. Задача состоит в том, чтобы увернуться от перчатки. Это состязание требует ловкости и от почталыона, и от его «врага».

ПЯТЬ СТУЛЬЕВ

Поставьте в ряд пять стульев. На один из них положите иголку с ниткой, на другой — кусок хлеба, на третий — карандаш и перочинный нож, на четвертый — лист бумаги и авторучку, на пятый — стакан воды. По очереди садясь на каждый стул, вденьте нитку в иголку, съешьте хлеб, заточите карандаш (осторожно, чтобы не порезаться в спешке), напишите на листе бумаги свою фамилию, имя и отчество (без грамматических ошибок), а в заключение выпейте стакан воды. Победил тот, кому для всего этого потребовалось наименьшее время.

Можете вызвать на соревнование своих родителей, братьев, сестер и даже соседей. Сначала они, как правило, усмеются, но не пройдет и десяти минут, как эти солидные люди с нетерпением будут ждать своей очереди, изо всех сил стараясь — ДЕЛАТЬ С ВАМИ, ДЕЛАТЬ КАК ВЫ, ДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ ВАС.

НАША АФИША

Только в «Костре»! Начало в январе! Принимаются все!

Спешите, спешите, спешите записаться!

— А куда?

В Олимпийский турнир АРЧЕ-БЕКА!

Победителям — награды и спортивные разряды!

— А если я... А если я проиграю?

Проигравших не будет! Выиграет каждый, потому что он станет играть гораздо лучше, чем до турнира. Спешите записаться!

АРЧЕБЕК

— Серый! Где твой король??

— Что? Чего? Кого? Не знаю ничего...

— Кар-роль в кар-рмане! Кар-роль в кар-рмане! — закаркала тут Ворона.

— Поверь, кума, сам не пойму, как он туда попал! — бормотал Волк, вытаскивая короля. Однако поставил он его на такую клетку, что получился пат...

— Куда?! — завопила Лиса. — Он не здесь стоял! Пата не было! Не было! — и, схватив черного короля, Лиса поставила его так, что тот под матом оказался...

— Э-э, ты, Рыжая, поосторожней! — взвыл Волк. — Разве ты мне уже мат объявляла?!

Расшумелись — ужас! Но все-

ВОЛК ПРОТИВ ЛИСЫ

Не правда ли, удивительный матч? Впрочем, под Новый год случается и не такое!

1-я партия. Лиса (белые) блестяще атаковала: пожертвовала почти все фигуры, зато подвела три пешки к восьмой линии. Но тут она заиграла небрежно, а недооценка противника к добру не ведет: один беспечный ход (диаграмма № 1) 1. с6—с7?, и Волк воспользовался духом.

— Ну, Рыжая, теперь держись! — рявкнул он и объявил мат в три хода.

2-я партия. Волк (белые): Крh8, Ка1, п. h7; Лиса: Кре8,

— Зря тянешь, — сказал тут Волк. — На что с одним королем надеешься? Сдавайся!

А Лиса хвостом махнула и сделала ход. Волк и так и этак пытался выиграть, но все было напрасно: ничья.

3-я партия. Три фигуры Лисы (белые) стояли как на диаграмме № 2. У Волка же был только король. Волк пытался, кричал, подвывал, но ход не делал. Лиса терпеливо ждала, поглядывая на левашую Ворону. Вдруг она заметила: с доски исчез король! Как же мат ставить?!

результат, стой черный конь не на a1, а на a2?

3. Куда поставил Волк короля в третьей партии, что получился пат?

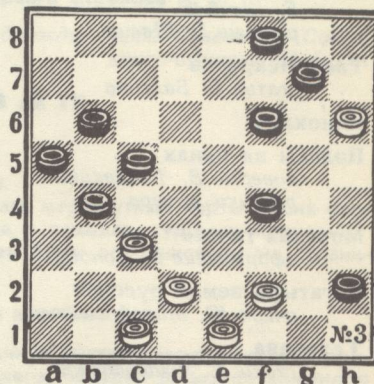
4. Куда поставила Лиса короля, что тот оказался под матом?

5. Куда Волк поставил короля, что Лиса первым же ходом объявила мат?

УГОЛОК

ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Вчера разгорелся спор о трех шашечных позициях.

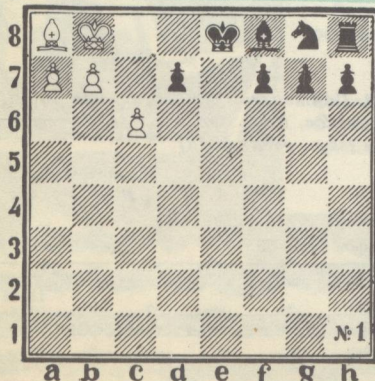
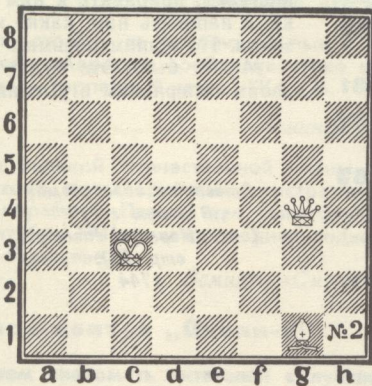
А. Белые: c1, e1, h4; черные: a3, a5, h6.

Б. Белые: простые c5, d6, g1, h2; черные: дамки a3, d2, g5, простые a7, e3, f8.

В. Диаграмма № 3. (И. Прибыльский, Ленинград.)

Всюду ход белых. Выигрывают ли они? Везде ли? И как? Спорили долго, но никто не сумел никого ни в чем убедить. Поэтому, если у вас есть веские доказательства — пришлите. Назначены три премии!

Запомните: ответы по шахматам и по шашкам следует присылать раздельно. Срок — 1 февраля.

таки договорились: Волк поставит короля на другое поле, а ход будет Лисы. И вот Волк определил для короля место... В тот же миг Лиса — р-раз! — первым ходом объявила ему мат!

Таким образом, чемпион леса не выявился. А вам — пять вопросов.

За лучшие ответы на эти вопросы шахмат-адмирал Ферзьбери назначил 10 премий.

1. Как в первой партии Волк дал мат в три хода?

2. Как во второй партии Лиса добила ничью? Какой был бы

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

В «Костре» № 11 мат в 2 хода дается в задачах Юры (1. Лf5!) и Валерия (1. Фg3!), мат в 3 хода — в задачах Бекена (1. Кf8! Кр:f8 2. Кре6) и Игоря (1. Кf5! Кр:f5 2. Фе7). Утерянные шашки стояли на a5 и c7. Выигрыш — 1. ab8 cb6 2. ba7 и т. д. X.

Бюро самопроверки готово выслушать рыцарей, не согласных с этими решениями или не понявших их.

СОДЕРЖАНИЕ

Перекресток очерк В. Бианки оформление А. Януса	1
Черный пудель повесть В. Лугового рисунки Б. Семенова	6
Путешествие капитана Топи-Стика в отрывках из дневника с комментариями В. Мельникова	7
Почта КОСТИ ТЕРКИНА	27
Поговорим о твоём рисунке	28
Город назвали Тольятти путевые заметки В. Воскобойникова	28
Новогодняя сказка Б. Штейна рисунки П. Швеца	32
Твой Некрасов статья В. Бахтина	34
Киноклуб	38
Полосы на окнах повесть В. Голявкина рисунки автора	42
Морская газета оформление Р. Попова	52
Богатырь земли русской очерк Ю. Михайлова	54
Тетерева стихи Е. Фейерабенда рисунки Е. Захарова	56
Уголёк журнал для малышей	57
Делай как мы! шуточное соревнование	61
Уголок веселого архивариуса	62
Арчбек шахматы, шашки	63

На обложке и спинке рисунок
С. Острова

На третьей странице обложки
«Океан-2»

Все рисунки для Уголка
веселого архивариуса
сделаны в 1971 году М. Беломлинским

Дорогие ребята! Приглашаем вас всех без исключения в судейскую коллегию первого новогоднего соревнования «КОСТЕР-72» (костер — это Клуб Очень Серьезных и Торжественных Елочных Развлечений).

На обложке этого журнала соревнуются две команды: 12 мальчиков и девочек из квартиры 64 и столько же из соседней квартиры. Они собрались на праздничный маскарад — соревнования вокруг установленной на льду елки. Сейчас идет демонстрация костюмов. Просим вас приступить к своим судейским обязанностям.

Вы должны из 24 выбрать три лучших костюма, которые, по вашему мнению, достойны 1, 2 и 3 места (соответственно 3, 2 и 1 очко).

Затем вам предстоит оценить выставку призов-подарков, сделанных или отремонтированных руками ребят. Их тоже по 12 от каждой команды. Какой из них вы присудили бы за 1, 2 и 3 место? (Соответственно 3, 2 и 1 очко).

Настало время подсчитать очки и определить, какая команда победила.

Думаем, что вы справитесь с этой задачей.

Во-первых, взглядевшись в рисунок, вы поймете, что игроки одной команды отличают своих от игроков другой команды, несмотря на маски, по одной детали. Угадали, по какой?

Во-вторых, с левой стороны от елки находится капитан той команды, чьи призы выставлены с левой стороны выставки. А с правой — капитан команды, которой принадлежат призы, выставленные справа. Разобрались?

Остается сложить очки, полученные игроками каждой команды за костюмы, прибавить к ним очки, полученные этой командой на выставке, и написать нам, какие костюмы и призы заняли у вас три первых места. По вашим письмам мы объявим победителя.

Может быть, это будет команда 64 квартиры, хотя они и уступают своим соперникам в умении держаться на льду не падая.

Ответ на головоломку
„В каком году?“
(см. „Морскую газету“,
стр. 53):
1744

Участников пионерских маневров
«Океан-2» поздравляю с успешным
выполнением заданий и с наступаю-
щим Новым годом. Желаю успехов
в учебе и в дальнейшем овладении
морским делом!

Дважды Герой Советского Союза
контр-адмирал А. Шабалин

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. По-
ройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терebinская (ответствен-
ный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-36285.

Тираж 600000 экз.

Подписано к печати 26/X 1971 г.

Формат 60×90¼. Печ. л. 8+обл.
Заказ № 1192.

8,8 уч.-изд. л.

Цена 25 к.

Дорогие друзья!

На нашей генеральной карте маневров маленькими якорями обозначены 327 городов, деревень, зерносовхозов... Здесь живут экипажи 529 кораблей — более четырех тысяч мальчишек и девочек — капитанов, штурманов, минеров, электриков...

Учения «Океан-2» заканчиваются. Электронно-вычислительные машины штаба уже подводят итоги. А это очень трудно даже электронным машинам, потому что все экипажи показали на походе отличное знание корабля, истории флота, морского дела и — умение действовать не в одиночку, а всем экипажем.

Учения заканчиваются. Но мы надеемся, что плавание, которое началось на страницах «Морской газеты», продолжится в новых пионерских делах... Мы не прощаемся с вами. На нашей генеральной карте останутся маршруты ваших славных кораблей.

До новых боевых дел, друзья!

Приказ командующего маневрами «Океан-2»

1. По окончании маневров сохранить экипажи кораблей с присвоенными им бортовыми номерами и названиями кораблей.
2. Для связи с экипажами кораблей прикомандировать к журналу «Костер» («Морская газета») на весь 1972 год капитана второго ранга Стрелова А. Б.

Командующий маневрами «Океан-2» дважды Герой Советского Союза контр-адмирал Шабалин

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 12

Командирам всех кораблей

1. Прибыть в порты приписки 25 декабря 1971 года.
2. До 30 января 1972 года в штаб маневров выслать маршрутные карты ваших плаваний, научные отчеты, фотографии, выполненные в походах, судовые журналы.
3. Доложить, фотографии каких классов кораблей были опубликованы на страницах «Океан-2».

Из донесений командиров кораблей

7 ноября (25 октября) 1917 года в 21 час 40 минут выстрелом из бакового орудия крейсер «Аврора» дал сигнал к штурму Зимнего. Выстрел произвел комендор Евдоким Огнев.

Морской охотник «015», командир Сережа Смирнов

На вечную стоянку за революционные и боевые заслуги поставлены: в Ленинграде крейсер «Аврора», во Владивостоке канонерская лодка «Красный Вымпел», в Мурманске — торпедный катер «ТКА-12».

Эсминец «Меркурий-4», командир Саша Антонов

Во время Великой Отечественной войны советские подводники, вернувшись из боевого похода, артиллерийскими выстрелами сообщали о числе потопленных ими вражеских кораблей. Первой так салютовала в Екатерининской гавани (г. Полярный) 19 сентября 1941 года подводная лодка «К-2» из дивизиона капитана второго ранга М. И. Гаджиева.

Эсминец «Смелый-3-бис», командир Витя Адмиральский

В пресс-центре „Океан-2“

Продолжаем знакомить читателей с лучшими экипажами кораблей.

Экипаж линейного корабля «Октябрьская революция», Бурятская АССР, Улан-Удэ.

Слева направо: Андрей Агафонов, торпедист; Сергей Ильин, комендор; Вадим Пестерев, командир линкора; Сергей Телетничев, штурман; Виктор Пестерев, связист.

ОКЕАН - 2"

